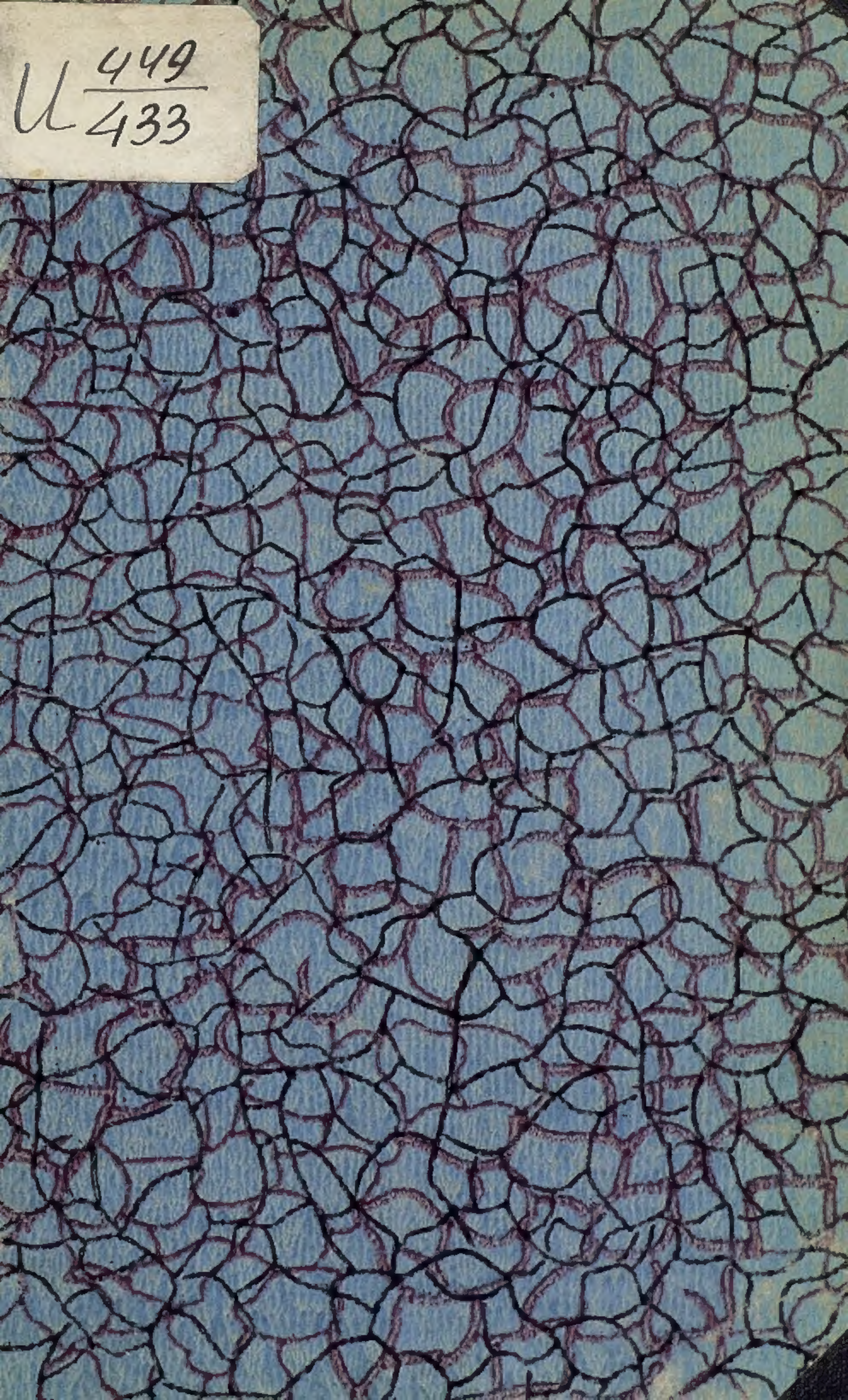

И 449/433

ОЧЕРКИ

БЕРЕГОВЪ РЕЙНА И ШВЕЙЦАРІИ.

ОЧЕРКИ

БЕРЕГОВЪ РЕЙНА И ШВЕЙЦАРІИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Князя Алексѣя Мещерскаго.

Изданіе М. Д. Ольхина.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

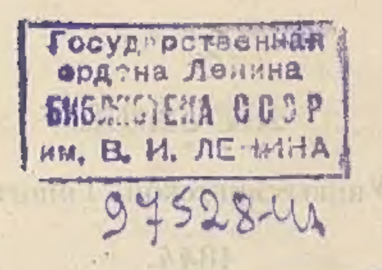
1844.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 3 го Января 1844 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

БЕРЕГА РЕЙНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рейнъ. — Боннъ. — Гохкрейцъ. — Годесбергъ; Іюліанъ-Отступникъ. — Кенигсъ - Винтеръ. — Драхенфельсъ; Волькенбургъ. — Стромбергъ; встрѣча; Дидрихъ Шварценекъ.

Рейнъ раздѣляется на три части: нижняя занимаетъ пространство отъ его устья до Кельна, и называется *Нижній Рейнъ* (Nieder-Rhein), отъ Кельна до Майнца середняя (Mittel-Rhein), а верхняя часть (Ober-Rhein) простирается отъ Майнца до мѣста, гдѣ онъ беретъ свое начало. *Нижній Рейнъ* очень широкъ. Плоскіе берега сначала показываются въ отдаленіи; но по мѣрѣ того, какъ подымаешься рѣкою, они сближаются и не далеко отъ Кельна дарятъ привлекательными ландшафтами. До того нигдѣ глазъ не встрѣчаетъ покатостей съ виноградниками; нѣтъ особенныхъ возвышеній, не замѣтно слѣдовъ древности — ничто не говоритъ воображе-

нію: все однообразно и холодно! Но берега *Средняго Рейна* щедро одарены природою: тутъ, по обѣимъ сторонамъ извивающейся рѣки, показываются то холмы, покрытые рядами пышныхъ лозъ, то высокія каменистыя горы съ обрывами и утесами, на которыхъ мелькаютъ развалины рыцарскихъ зáмковъ. На каждомъ шагу встрѣчается что нибудь новое и неожиданное. Холодныя наблюденія и сравненія не имѣютъ болѣе мѣста; увлеченное вниманіе путешественника быстро переходитъ отъ одного предмета къ другому, и въ принадлежностяхъ давно прошедшаго ищетъ составить себѣ нить пріятныхъ воспоминаній. Здѣсь историческое теряетъ характеръ строгости и разсмотрительности: баснословныя народныя преданія, примѣшиваясь къ истинѣ и украшая ее цвѣтами простодушной поэзіи, подъ ея покровомъ пролагаютъ себѣ путь къ воображенію путешественника, который чувствуетъ всю увлекательность мечты, и охотно предается ей. Съ восторгомъ подноситъ онъ къ губамъ бокалъ янтарнаго, душистаго рейнвейна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пьетъ сладкое забытіе ригоризма мудраго XIX вѣка; онъ роднится съ мѣстомъ и даже съ жителями,

давно уже не существующими; мыслію переносится въ ихъ опустѣлыя жилища; становится свидѣтелемъ ихъ подвиговъ, участникомъ ихъ бесѣдъ, и охотно готовъ вѣрить всему чудесному, чему тогда вѣрили, чтобы только не потерять прелестной мечты!

Отправивъ чемоданъ по почтѣ до Бонна, я утромъ рано вышелъ изъ Кельна, съ посохомъ и зрительною трубкою въ рукахъ. Дорога, извиваясь по теченію рѣки, сначала идетъ по холмамъ, гдѣ отлично обработанныя нивы перемежаются съ огородами, а потомъ, еще болѣе сближаясь съ рѣкою, тянется мимо виноградниковъ. На берегахъ все въ движеніи: поселянки моютъ овецъ, стригутъ ихъ шерсть, перегоняютъ коровъ съ одного мѣста на другое; поселяне подрѣзываютъ лозы, поправляютъ огорожу, собираютъ сѣно, кладутъ его въ длинныя фуры, впрягаютъ рослыхъ красивыхъ лошадей и вереницею тянутся по дорогѣ. Вездѣ милые сельскіе домики манятъ усталаго путешественника. Нигдѣ не прибито вывѣски, но румяныя дѣвицы сидятъ у дверей: онѣ съ милою улыбкою встрѣчаютъ прохожаго, и такимъ красно-

рѣчивымъ взглядомъ убѣждаютъ его остановиться, что онъ непрекословно даетъ себя вести въ комнату, красиво прибранную, гдѣ на столѣ, покрытомъ чистою скатертью, стоятъ нѣсколько холодныхъ блюдъ, какъ представители сытнаго обѣда, и хрустальный кувшинъ съ виномъ величаво выглядываетъ изъ-за высокихъ стакановъ. Хозяйка заботливо спѣшитъ гостю на встрѣчу, и принимаетъ его съ тою привѣтливостію, которая заставляетъ забывать, что за гостепріимство необходимо расплачиваться деньгами! Все дышетъ простотою золотаго вѣка и оттѣнивается милою беззаботливостію. Въ домикѣ, чисто убранномъ, находишь много придуманнаго для спокойствія путешественника. Въ пяти или шести блюдахъ трактирнаго обѣда, все, что можетъ только льстить вкусу и добывается безъ затрудненія, не забыто. Плата очень умѣренная: за полтора рубля можно имѣть полный обѣдъ съ бутылкою хорошаго вина. Въ трактирѣ деревни Веслингъ я отобѣдалъ, отдохнулъ на мягкой постелѣ, и пошелъ дальше. Дорогою ко мнѣ пристали молодая крестьянка и ея братъ, возвращавшіеся изъ Кельна, куда они ходили повидаться съ своимъ стар-

шимъ брашомъ, который въ то время проходилъ съ полкомъ черезъ городъ. Послѣ радостнаго свиданія, они спѣшили, на ночь, домой, и рады были моему товариществу, а еще болѣе моей зришельной трубкѣ, безпрестанно переходившей у нихъ изъ рукъ въ руки. Во время пути они занимали меня разсказами о ихъ семейной жизни, и окончили подтвержденіемъ, что живутъ такъ покойно и счастливо, что не знаютъ, чего бы имъ можно было пожелать: „у насъ свой сыръ и свое вино," говорила пригожая дѣвушка; „въ саду плодовъ „много, птицъ не покупаемъ, а на говядину „у батюшки всегда деньги будутъ потому, „что онъ держитъ мельницу на арендѣ, и отъ „нея имѣетъ значительную выгоду. Пойдемте „къ намъ," прибавила она съ плѣнительнымъ простодушіемъ; „батюшка вамъ будетъ радъ, и мы „вамъ отведемъ особую комнату, гдѣ можете „покойно переночевать. Наше вино вамъ вѣрно „понравится, а я своими руками сдѣлаю для „васъ къ ужину свѣжаго сыру и зажарю самую жирную курицу." Какъ ни убѣдительно было приглашеніе, однако я взялъ на себя доказать поселянамъ невозможность согласиться: ихъ домъ находился въ сторонѣ, а мнѣ

надобно было поспѣшать къ Бонну. „Такъ въ другой разъ не забудьте завернуть,“ сказала дѣвушка, прощаясь со мною у поворота. Они взяли вправо, и скоро я ихъ потерялъ изъ виду. Наконецъ съ высоты пригорка развернулся передо мною Боннъ. Городъ тянется вдоль рѣки и съ одной стороны окруженъ яркою зеленью и холмами, а съ другой семь высокихъ горъ, — Рейнскіе исполины, гордо возносятъ свои утесы. Въ то время густыя облака тянулись отъ нихъ къ небосклону, а лучи заходившаго солнца, прорѣзываясь сквозь пелену, золотили крыши домовъ и дробились въ струяхъ рѣки. Боннъ имѣетъ много красивыхъ зданій и нѣсколько хорошихъ улицъ. Здѣсь считаютъ до 1,200 домовъ и болѣе 12,000 жителей. Хотя городъ существовалъ во времена Римлянъ, и Тацитъ съ Флоромъ упоминаютъ о немъ, какъ объ извѣстномъ городѣ Bonna или Bonnensia castra, совсѣмъ тѣмъ не замѣтно остатковъ древности. Здѣсь все имѣетъ видъ новаго. На мѣстѣ, гдѣ находится Соборъ (Münster), стояло прежде Эллинское капище. Оно было срыто по повелѣнію Св. Елены, и замѣнилось храмомъ во имя Богоматери. Въ XII столѣтіи построено теперешнее зданіе, въ которомъ сохра-

вилось литое бронзовое изображенiе Равноапостольной Царицы. Прочiя церкви не заслуживаютъ большаго вниманiя. Въ Боннѣ, Друзъ Германикъ построилъ мостъ черезъ Рейнъ, и заложилъ крѣпость, которую Императоръ Юлiанъ-Отступникъ распространилъ и докончилъ.

Я хотѣлъ воспользоваться хорошею погодою, чтобы взглянуть вблизи на знаменитыя Семь Горъ Рейна, и послѣ обѣда пошелъ къ Кобленцу. Рѣка во все время пути находится въ порядочномъ разстоянiи, и плоское мѣстоположенiе, по которому пролегаетъ большая дорога, не дозволяетъ видѣть ея теченiя. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бонна воздвигнутъ готическiй памятникъ; жители называютъ его Гохкрейцъ (Hoch-Kreuz) или Высокiй крестъ, хотя онъ вовсе не высокъ. Касательно его построенiя преданiя не согласны: говорятъ, что ревность вооружила двухъ братьевъ одного противъ другаго, и убiйца былъ приговоренъ судомъ поставить этотъ памятникъ надъ прахомъ убитаго; утверждаютъ также, что Гохкрейцъ былъ сооруженъ Вальрамомъ, Епископомъ Кельна, по слу-

чаю какого-то важнаго событія. Но какъ бы то ни было, въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Къ шести часамъ вечера открылась деревня Годесбергъ. Она лежитъ у подошвы высокаго утеса, на вершинѣ котораго, изъ груды развалинъ выказывается остатокъ башни. Многіе пріѣзжаютъ сюда пить минеральную воду и проводить часть лѣта на берегахъ Рейна. Послѣ небольшаго отдыха, я сталъ подыматься на крутизну. Сначала тропинка вьется около виноградниковъ, потомъ проходитъ мимо сельскаго кладбища, и, крутымъ поворотомъ поднимаясь къ вершинѣ, выводитъ къ узкой и продолговатой площади; здѣсь былъ построенъ за́мокъ. Еще не входя во внутренность развалинъ, надобно остановиться и съ вниманіемъ взглянуть на остатки этого грознаго и могучаго зданія. Слѣды пороховыхъ взрывовъ видны во многихъ мѣстахъ. Между раскинутыми кучами камней, поросшихъ травою и мелкимъ кустарникомъ, образовались небольшіе промежутки, гдѣ поставлены скамейки для отдыха. Хотя верхняя часть башни обвалилась, со всѣмъ тѣмъ остатокъ еще такъ высокъ, что я при усталости не рѣшился взбираться по труднымъ всходамъ. Подошедши

къ краю скалы, я долго смотрѣлъ на прекрасные виды, открытые со всѣхъ сторонъ: вправо, подъ горою, показывались однѣ макушки деревьевъ, изъ-за которыхъ выглядывали крыши строенiй; дальше, разстилалась плоская ровнина, покрытая зерновымъ растенiемъ. Она тянулась вдоль Рейна до его изгиба, и скрывалась за выдавшеюся горою. Влѣво былъ почти тотъ же пейзажъ, съ тою разницею, что ровнина пространнѣе. Противъ меня стояли рядомъ Семь Горъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ; отъ ихъ круглыхъ, зеленыхъ вершинъ Драхенфельсъ отличался своею обнаженною скалою. Я долго смотрѣлъ въ задумчивости, то на унылыя развалины, то на прекрасные виды, и не примѣтилъ, какъ старуха, съ ключами отъ башни въ рукахъ, сѣла на скамейкѣ противъ меня. Эта женщина живетъ даянiемъ путешественниковъ, которымъ сообщаетъ историческiя свѣдѣнiя. Примѣтя мою готовность внимать ея разсказу, она не замедлила приступить къ тому — и народное преданiе, какъ цвѣтъ суевѣрiя и страха, распустился передо мною во всей своей дикой красотѣ!

Мирные жители покойно пасли стада въ глубинѣ долинъ, какъ внезапно буря нанесла тучи отъ юга: царь могучій, царь волшебникъ, въ связи со всѣми силами ада, велъ войско на сѣверъ. Порывы разрушительнаго вѣтра ему предшествовали; огненное облако, изъ котораго разражались удары, ему сопутствовало. Видъ утеса обратилъ его вниманіе. — „Здѣсь, я сооружу памятникъ моему величію!" Онъ сказалъ, и преисподнія силы поспѣшили исполнить велѣніе: огромная башня, за́мокъ, укрѣпленія явились мгновенно, и кровь людей, несчастныхъ жертвъ, полилась съ высоты утеса. Кому же приношеніе? Онъ ничего не признавалъ надъ собою. Для чего закалались юныя дѣвы и младенцы, которыхъ тщательно отыскивали страшные исполнители воли чернокнижника? Это были жертвы, адскою злобою приносимыя человѣческой гордости! Духи стерегли всходы, духи носились по окрестнымъ долинамъ, наполняли все страхомъ, и ядовитымъ дыханіемъ умерщвляли растеніе. Иногда, въ полночь слышался глухой стонъ закалаемыхъ; отголоски горъ вѣрно передавали его жителямъ; но вдругъ, дикій, адскій хохотъ покрывалъ слабые звуки, и на-

ступало глубокое молчаніе: птичка не смѣла запѣть, листочекъ не могъ пошевелиться. Въ глубокой тишинѣ слышался одинъ только мѣрный говоръ волнъ, разбивавшихся у подошвы скалы — и этотъ царь-волшебникъ, повелитель духовъ, котораго память, облеченная во всѣ ужасы народной сказки, и теперь еще пугаетъ дѣтей, былъ однакожь человѣкъ обыкновенный; но на его душѣ, сверхъ многихъ преступленій, лежалъ одинъ ужасный, страшный поступокъ — это былъ Императоръ Юліанъ-Отступникъ!! — Многіе приписываютъ Юлію Цесарю построеніе зáмка, что совершенно несправедливо: до Германика берега Рейна не были обитаемы Римлянами, а Юліанъ, оставившій свои слѣды по всему протяженію рѣки, особенно любилъ Боннъ и его окрестности. —

Солнце садилось; мнѣ надобно было помышлять о ночлегѣ. Спустившись со скалы и оставивши Годесбергъ за собою, я переправился въ лодкѣ черезъ Рейнъ. На той сторонѣ, у подошвы Драхенфельса, расположено мѣстечко *Кенигсъ-Винтеръ.* Оно обязано своимъ названіемъ Гильдерику, Королю Франковъ, который

въ 450 году, укрываясь отъ Аттилы, продержалъ свое войско въ теченіе всей зимы въ горахъ, а самъ жилъ въ этомъ мѣстечкѣ. Зимнія квартиры Короля получили названіе *Кенигсъ-Винтеръ.* — Здѣсь около 1,800 жителей. Изъ нихъ большая часть трудятся въ каменоломняхъ, нѣкоторые обработываютъ виноградники, а другіе промышляютъ перевозомъ путешественниковъ черезъ рѣку. Пока мнѣ готовили ужинъ, я успѣлъ полюбоваться Драхенфельсомъ при сумракѣ дня. Его высота не значительна: отъ поверхности рѣки считаютъ 1,055 футовъ, а отъ поверхности моря 1,472. Съ восходомъ солнца я уже поднимался на его вершину. Часть скалы, откинутая пороховымъ взрывомъ, съ развалинами зданія составила возвышеніе, гдѣ недавно поставили обелискъ въ память перехода Германцевъ черезъ Рейнъ въ 1814 году. Тутъ же построена гостинница, со всѣми удобствами для посѣтителей: Около памятника разставлены стулья и скамейки. Тамъ можно отдыхать, наслаждаясь живописными видами. Недалеко отъ мыса возвышается остальная часть скалы съ уцѣлѣвшими на ней обломками стѣнъ за́мка. Нѣкоторые смѣльчаки взлѣзали на утесъ, и на его отвѣсѣ оставили свои

имена. Мнѣ хотѣлось подробно осматривать окрестности, но это было трудно: столько разныхъ предметовъ разсѣяно на большомъ пространствѣ долины, что никакого вниманія не достанетъ ихъ опознать — вообще, панорама прелестная! Деревни показываются пестрыми кучками, въ которыхъ глазъ съ трудомъ различаетъ строенія. По обѣимъ сторонамъ рѣки разстилается зеленый пушистый лугъ, съ разбросанными на немъ букетами изъ деревьевъ и сельскихъ домиковъ; къ лѣвой сторонѣ, вдали, виденъ длинный поясъ горъ съ сизыми вершинами, которыя такъ хорошо сливаются съ нависшими сѣрыми облаками. Вправо, красиво рисуется Боннъ; за нимъ опять зеленая ровнина, а тамъ въ туманѣ едва мелькаетъ тѣнь Кельнскаго собора. Трактирный слуга, поставивъ передо мною кофе, взялся показать пещеру, гдѣ жилъ ужасный змѣй, или драконъ, по которому гора получила названіе Драхенфельса, столь извѣстное въ XII столѣтіи, что Папа Викторій IV, утверждая крѣпостной актъ, назвалъ за́мокъ: castrum in monte Draconis situm. Пещера была, вѣроятно, обширнѣе; но теперь, покрытая отколками утеса, она нисколько не замѣчательна. Вотъ

что говоритъ преданіе: въ то время, когда лучи Христіанской Вѣры только что начинали проникать сквозь мглу идолопоклонства, окрестные жители боготворили змѣя, жившаго въ этой пещерѣ, и приносили ему въ жертву своихъ плѣнниковъ. Когда число жертвъ уменьшалось, они дѣлали новые набѣги и приводили другихъ. Мѣсто лучшей добычи было на той сторонѣ Рейна, въ странѣ, гдѣ Христіанство начинало тогда распространяться. Въ одинъ день они привели дѣвицу, Христіанку. Двое изъ начальниковъ, плѣнившись ея красотою, предложили за нее выкупъ; народъ побоялся нарушенія закона, и чтобъ отнять всѣ способы къ ея избавленію, рѣшилъ ускорить жертвоприношеніемъ. На слѣдующій день, до восхожденія солнца, подъ бѣлымъ покрываломъ, съ распущенными волосами и убранная гирляндами изъ цвѣтовъ, несчастная жертва стояла привязанная къ дереву. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ. Солнце бросило первый лучъ на вершину горы, и драконъ показался изъ пещеры. Безъ страха, съ твердымъ упованіемъ на Всемогущаго, Христіанка возвела чистый взоръ къ небу. Чудовище увидѣло свою добычу и быстро устремилось къ ней; но дѣ-

вица сняла крестъ съ груди и поднесла его къ открытой пасти. Змѣй остановился, испустилъ пронзительный свистъ, и скрылся навсегда. Удивленный народъ пожелалъ узнать причину чудеснаго событія, и тогда Христіанка, показавъ распятіе, объяснила имъ, какъ могла, главный догматъ Вѣры. Они бросились къ ея ногамъ, предлагая ей возвратиться въ свою землю съ тѣмъ, чтобы не медля прислать къ нимъ людей, которые могли бы научить ихъ той Вѣрѣ. Такимъ образомъ водворилось здѣсь Христіанство, и на мѣстѣ, гдѣ драконъ пожиралъ свои жертвы, новообращенные поставили церковь. Ея остатковъ давно уже нѣтъ, и мѣсто, гдѣ она была построена, показывается очень неосновательно.

За́мки Драхенфельсъ и Волькенбургъ были построены въ 1117 году, Архіепископомъ Кельнскимъ Фридрихомъ I. Онъ хотѣлъ также поставить укрѣпленія на островѣ Роландсвертѣ, но жители Кельна не согласились, и основали тамъ женскій монастырь, что̀ дало острову названіе Нонненверта. Долго Драхенфельсъ и Волькенбургъ были принадлежностью Церкви; но рыцари, управлявшіе ими какъ арен-

дами, кончили тѣмъ, что присвоили ихъ себѣ, частью покупкою, частью оружіемъ, и драконъ былъ внесенъ въ графскій гербъ. Въ 1580 году погасъ родъ Драхенфельсовъ. Замужствомъ наслѣдницы за́мокъ сдѣлался собственностью Басенгеймовъ, изъ которыхъ послѣдній продалъ всѣ свои владѣнія въ Брабантѣ и на берегахъ Рейна, чтобы поселиться въ Моравіи; но отрасль фамиліи Драхенфельсовъ, какъ полагаютъ, еще существуетъ въ Курляндіи: по случаю политическихъ обстоятельствъ, въ 1563 году, изгнанный графъ Драхенфельсъ поселился тамъ, и его потомокъ, Филиппъ Драхенфельсъ, представилъ въ 1620 году свои права на графское достоинство. За́мокъ пересталъ существовать со временъ Императора Генриха V.

За́мки: Драхенфельсъ, Волькенбургъ и островъ Ноненвертъ связываются занимательнымъ драматическимъ происшествіемъ, которое, въ здѣшней гостинницѣ, передается всѣмъ посѣтителямъ. Описаніе уже познакомило меня съ событіемъ, но мнѣ было пріятно слушать разсказъ слуги. Не смотря на разные эпизоды и сентиментальныя вставки

его собственнаго сочиненія, историческое достоинство удвоивалось въ моихъ глазахъ мѣстностью: съ высоты утеса, вслѣдъ за разсказомъ, я слѣдилъ глазами за дѣйствіями рыцарей — я видѣлъ ихъ вылазку и отчаянный бой!

Владѣтель Драхенфельса жилъ въ своемъ за́мкѣ съ единственною дочерью, прекрасною Гильдегардою. Ея рука уже давно была назначена по выбору сердца. Роландъ, благороднѣйшій и храбрѣйшій изъ окрестныхъ рыцарей, считалъ на близкій день своего счастья, какъ непріятель, съ которымъ Драхенфельсъ велъ войну, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ ошибокъ, осадилъ за́мокъ. Осажденные истощили всѣ съѣстные припасы; имъ оставалось избрать, или постыдную покорность, или славную смерть. Роланда не было; далеко отъ Драхенфельса, онъ собиралъ дружину, и не зналъ, какая жестокая участь постигла дорогихъ его сердцу. Старый Графъ представилъ своимъ сподвижникамъ безнадежность всякой помощи, и предложилъ, какъ единственное средство, отчаянную вылазку. „Или мы „побѣдимъ непріятеля, или не увидимъ его

„побѣды,“ сказалъ Рыцарь, благословляя Гильдегарду. Единодушное восклицаніе показало, что всѣ были согласны съ его мнѣніемъ. Старецъ, вырвавшись изъ объятій дочери, тайнымъ выходомъ повелъ отрядъ къ долинѣ. Гильдегарда со стѣны видѣла, какъ онъ вышелъ; она провожала его глазами, слѣдила за нимъ мыслію, и какое-то предчувствіе какъ свинецъ легло на ея грудь. — „Гдѣ Роландъ? почему „нѣтъ его въ эту рѣшительную минуту? не „ужели сердце ему не скажетъ, что его помощь „нужна для спасенія Драхенфельса?“ такъ говорила дѣвица, и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла въ долину. Бой начался; то одна сторона, то другая колебалась. Вездѣ, гдѣ появлялся старый Графъ, валились ряды враговъ; его воины также сильными ударами разили своихъ противниковъ; но что значила отчаянная храбрость противъ превосходнаго числа! Когда солнце опустилось за горы, Рыцарь, собравши небольшое число отважнѣйшихъ, ринулся съ ними въ густые ряды непріятеля. Мракъ сталъ разстилаться надъ долиною; мѣсто битвы едва было видно. Гильдегарда совершенно потеряла надежду; въ ея глазахъ темнѣло все болѣе и болѣе; сердце сжалось;

она чувствовала, что силы ей измѣняютъ; видѣла подъ ногами ужасную глубину, и не думала о ней. Наклоненная надъ обрывомъ, она хотѣла послѣдними усиліями проникнуть роковую завѣсу — хотѣла сама летѣть вслѣдъ за своимъ взоромъ. Мрачное отчаяніе овладѣло ея чувствами; она готова была броситься въ бездну! Но вдругъ раздался знакомый ей бранный кликъ. Роландъ, съ своими воинами, какъ бурный потокъ горъ, понесся по долинѣ. „Побѣда!“ раздалось въ ободренномъ войскѣ Графа; „побѣда!“ вскрикнули осажденные на стѣнахъ; „побѣда!“ произнесла Гильдегарда едва внятнымъ голосомъ, и съ чувствомъ добавила: „отъ руки милаго!“ Непріятель болѣе не держался. Кто не бѣжалъ, тотъ падалъ подъ ударами мечей. Гильдегарда спѣшитъ за ворота, она хочетъ первая поздравить отца, первая насладиться его торжествомъ. Мракъ едва позволяетъ ей направлять шаги. Два рыцаря еще сражаются. Въ одномъ изъ нихъ она узнаетъ Роланда; битва жестокая! мощныя руки сыплютъ равными ударами; Гильдегарда видитъ милаго въ опасности, трепещетъ за него, и съ пламенною молитвою возводитъ глаза къ небу. Въ это

время, Роландъ сильнымъ ударомъ меча повергаетъ своего противника; разрубленный шлемъ катится по травѣ; бездыханный трупъ падаетъ между Гильдегардою и ея нареченнымъ . . . . Луна показывается изъ-за облака и освѣщаетъ долину; невольно дѣва смотритъ на мертвеца — это ея отецъ! Какъ преступникъ, приговоренный къ смерти, стоялъ Рыцарь. „Роландъ" сказала Гильдегарда: „моя рука принадлежала тебѣ, она и теперь „твоя! Прими ее, какъ залогъ нашего будущаго „го соединенія тамъ, гдѣ нѣтъ брани, гдѣ царствуетъ вѣчный миръ!" Она оставила замокъ, и на островѣ Ноннепвертѣ произнесла обѣтъ вѣчнаго дѣвства, а Роландъ, безутѣшный Роландъ, поставилъ себѣ хижину на сосѣдней горѣ, откуда могъ видѣть окно своей нареченной. Ночь была посвящена молитвѣ, а днемъ, съ взорами, устремленными на окно, онъ сидѣлъ неподвижно у дверей своей хижины. — Такъ протекли годы. Въ одинъ вечеръ, въ монастырѣ раздался звонъ погребальнаго колокола. Первые звуки проникли до глубины души страдальца — послѣднихъ онъ не слыхалъ! Черезъ нѣсколько дней нашли его трупъ сидящимъ у две-

рей. Полуоткрытые глаза оледенѣли, устремленные на окно.

Und so sass er, eine Leiche
Eines morgens da,
Nach dem Fenster noch das bleiche
Stille Antlitz sah. (*Schiller.*)

Гора Волькенбургъ нѣсколькими футами выше Драхенфельса, и соединяется съ нимъ небольшимъ гребнемъ пригорковъ. На ней нѣтъ развалинъ: заведенныя тамъ каменоломни обезобразили ея привлекательную поверхность; но было время, когда тамъ стоялъ грозный рыцарскій за́мокъ, который рѣдко показывался изъ облаковъ, иногда покрывающихъ вершину горы, почему и получилъ названіе Волькенбурга; но окрестные жители, если не всегда могли его видѣть, за то всегда думали о немъ: одни смотрѣли на него съ справедливымъ страхомъ, другіе съ гордою надеждою. Теперь его и развалинъ ужe нѣтъ. По смерти послѣдняго изъ своихъ владѣльцевъ, за́мокъ сдѣлался принадлежностью города Кельна. Въ XIII столѣтіи, Епископъ Конрадъ поправилъ развалившіяся укрѣпленія; но во время тридцатилѣтней войны они были совершенно уничтожены. Послѣдній изъ графовъ Волькенбурговъ былъ

человѣкъ храбрый, но жестокій. Его мужество заставляло рыцарей искать съ нимъ союза, а его свирѣпый нравъ удалялъ ихъ и наводилъ ужасъ на всѣхъ жителей окрестности. Послѣ неудачнаго Крестоваго Похода подъ знаменами Императора Конрада, Графъ возвратился еще угрюмѣе. Никто не смѣлъ къ нему приближаться, кромѣ прекрасной, кроткой Гедвиги; одна она свободно говорила съ нимъ, и ея взглядъ, ея слова смягчали самый сильный гнѣвъ, измѣняли рѣшительное намѣреніе его. Не одинъ разъ строгая воля уступала ласковому взгляду милой дочери; за то и не одна благодарная слеза оросила руку благодѣтельной покровительницы. Старый Рыцарь любилъ ее со всею горячностію рыцарскихъ нравовъ. Онъ видѣлъ въ ней послѣднюю отрасль знаменитаго дома Волькенбурговъ, и съ гордымъ удовольствіемъ намекалъ ей, что ея красота и образованіе могутъ служить ему порукою въ счастливомъ выборѣ достойнаго жениха. Эти слова были ударомъ для сердца дѣвицы. Оно уже принадлежало счастливцу — не знатному, бѣдному, но богатому душею. Взаимная любовь ихъ соединила прежде, чѣмъ честолюбіе Рыцаря могло положить тому препоны.

Самъ Волькенбургъ любилъ храбраго, красиваго Густава, не воображая, чтобы выборъ дочери могъ пасть на сираго юношу. Ужасенъ былъ его гнѣвъ, когда союзъ двухъ сердецъ пересталъ быть для него тайною. Густавъ спасся бѣгствомъ, а Гедвига была отправлена въ монастырь Нонненверта, и поручена присмотру строгой игуменьи. Изъ небольшой кельи, въ которой она была заключена, ей позволялось выходить въ церковь во время служенія, а въ свободные часы гулять въ саду. Часто при свѣтѣ луны она бродила въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ, и образъ Густава, какъ призракъ, вездѣ носился предъ нею. Напрасно хотѣла она бороться съ чувствомъ сильнымъ, пламеннымъ, непобѣдимымъ; она винила свое сердце, винила свою память — и черезъ минуту опять мирилась съ любимою, единственною мечтою! Въ одинъ вечеръ она сидѣла на дерновой скамьѣ, все думала о миломъ, и все плакала. Вдругъ ей послышались шаги, знакомый голосъ произнесъ ея имя — это былъ Густавъ: высокія стѣны не удержали пылкаго любовника. Время было коротко; надобно было на что нибудь рѣшиться. Онъ предлагалъ побѣгъ, какъ единственное

средство — дѣвица не соглашалась. Бѣжать отъ отца, котораго она любила, казалось ей ужаснымъ; но Густавъ, въ отчаяніи, могъ рѣшиться на все: онъ могъ броситься къ ногамъ неумолимаго, и даже проговаривался о своемъ намѣреніи. Что тогда съ нимъ будетъ? что будетъ и съ нею? — Она чувствуетъ, что не можетъ пережить его потери. Гедвига взглянула на монастырскіе крытые переходы: ей показалось, что тамъ блеснулъ огонекъ, ей послышались голоса, и какъ будто шаги раздавались уже подъ сводами — „я твоя!" шепнула она, и безъ чувствъ упала въ объятія своего избавителя. Быстро понесся Густавъ съ дорогою ношею до берега рѣки. Тутъ приготовленный челнокъ ожидалъ любовниковъ; но едва они успѣли отчалить, какъ явилась лодка, которая, поперегъ разрѣзывая струю, быстро неслась къ нимъ на встрѣчу. Гедвига узнала своего отца, и съ отчаяннымъ моленіемъ простерла къ нему руки. Сильное движеніе покачнуло челнокъ, онъ перевернулся, и въ то время, какъ Волькенбургъ уже хотѣлъ схватить виновныхъ, они пошли ко дну . . . . .

. . . .

. . . .

Образовались круги, потомъ расплылись и дали мѣсто новымъ волнамъ . . . .
Рыцарь стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на то мѣсто. Взошелъ мѣсяцъ, освѣтилъ гладкую поверхность рѣки, совершилъ свое теченіе, и скрылся за горами, которыхъ вершины покрылись розовою пеленою — загорѣлся лучь утренней зари; Рыцарь стоялъ неподвижно! Наконецъ взошло солнце, свѣжій вѣтерокъ зарябилъ струю; пастухи появились съ своими стадами, и отголосокъ перекатомъ сталъ повторять ихъ веселыя пѣсни; онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ себя, и глухимъ голосомъ произнесъ: „*нѣтъ ея!*“ Приказавъ причалить къ берегу, онъ тихими шагами пошелъ къ своему за́мку. Рыцарь былъ мраченъ, но на лицѣ его не являлось никакого знака душевнаго волненія. Рѣшительная мысль овладѣла имъ, и черты не передавали больше страданій сердца — онѣ покрылись спокойствіемъ могилы! Черезъ нѣсколько дней явился въ за́мокъ новый помѣщикъ; вырученныя деньги Графъ роздалъ нищимъ, а самъ поселился въ хижинѣ, которую велѣлъ поставить на берегу Рейна. Всякій вечеръ онъ приходилъ къ роковому мѣсту, стоялъ и смотрѣлъ на бѣгущія волны до тѣхъ

поръ, пока солнце начинало позлащать верхи скалъ; тогда, выговоривъ „*нѣтъ ея!*“ возвращался въ свое жилище. Въ окрестностяхъ онъ сдѣлался извѣстнымъ подъ названіемъ сумасшедшаго старика. Дѣти пастуховъ каждое утро сбѣгались, окружали его, со смѣхомъ бросали въ него камешками, и съ криками „*нѣтъ ея!*“ провожали его до дверей хижины. Въ одно утро въ за́мокъ прибыли рыбаки съ трупомъ страдальца; они нашли его на берегу рѣки. Такъ кончился знаменитый родъ Волькенбурговъ!

Я допилъ кофе, вложилъ трубку въ табачный мѣшокъ, еще разъ взглянулъ на скалу Драхенфельса, на плоскую вершину Волькенбурга, гдѣ теперь, вмѣсто смиренныхъ сестеръ, живетъ услужливый тракширщикъ, и на стѣнахъ монастыря прибита вывѣска: Hôtel garni, простился съ разскащикомъ-слугою, и медленно сталъ спускаться съ горы. У подошвы, подъ навѣсомъ большаго камня, лежало нѣсколько людей, укрывавшихся отъ зноя — это были погонщики; я взялъ у нихъ осла, чтобы доѣхать до Бонна, и вмѣстѣ съ тѣмъ побывать на Стромбергѣ. Въ XII столѣтіи, на этой горѣ поселилось нѣсколько монаховъ,

которыхъ выжилъ холодъ; они удалились, оставивъ памятникомъ развалины прекрасной церкви во имя Верховнаго Апостола. Но теперь, подъ клумбами красиваго Англійскаго сада, исчезли последніе ея остатки. Мыза графа Липпе прилегаетъ къ Стромбергу, и владѣлецъ воспользовался правомъ сосѣда, чтобы покрыть часть горы затѣйливою разсадкою. Часовня, построенная на самой вершинѣ, содержится въ порядкѣ, хотя служеніе въ ней бываетъ рѣдко. Священники пріѣзжаютъ изъ ближайшаго монастыря, а здѣсь живетъ только одна крестьянская семья, которой порученъ надзоръ за часовнею и плантаціями. Небольшая площадка, усыпанная пескомъ и обсаженная различными кустами, выдалась впередъ. Наклонъ горы надъ отвѣсомъ даетъ ей видъ висящей террасы. Тутъ разставлено нѣсколько скамеекъ и стульевъ, покрытыхъ надписями путешественниковъ. На столѣ, за которымъ сидѣла молодая дама, допивавшая стаканъ молока, я прочелъ имена Гильдегарды и Гедвиги; невольно я ихъ произнесъ громко; восклицаніе мое обратило на себя вниманіе посѣтительницы. „Вы, конечно, были на Драхенфельсѣ?“ спросила она шопомъ, въ кото-

ромъ сквозь оттѣнокъ участія трудно было замѣтить любопытство. Послѣ моего утвердительнаго отвѣта, она добавила: „И я хочу тамъ побывать. Странно, что нѣсколько „разъ взбиравшись на крутизну Стромберга, я „не подумала сдѣлать визита Драхенфельсу; „по сіе время я довольствовалась смотрѣть на „него съ этой скамейки." — „Не трудно догадаться," отвѣчалъ я, „что вы живете въ не„дальнемъ отсюда разстояніи, и отлагая со „дня на день удовольствіе впечатлѣній, удво„иваете ихъ цѣну. Драхенфельсъ, какъ пред„метъ пылкаго порыва каждаго путешествен„ника, не рѣдко обманывалъ ожиданія; но вы „благоразумно избѣгнете непріятнѣйшаго чув„ства разочарованія!" — „Вотъ какъ все объ„ясняется въ нашемъ вѣкѣ," сказала она съ милою простосердечною улыбкою. „Недоста„токъ способности къ ощущеніямъ, отсут„ствіе всякаго порыва души, покрывается „утонченнымъ расчетомъ чувствительности! „Мы не хотимъ дать волю чувствамъ, преж„де нежели разочтемъ, когда и какимъ обра„зомъ можно свободнѣе предаться имъ. Но „оставимъ всѣ диссертаціи: на берегахъ Рей„на онѣ не у мѣста. Въ свое оправданіе, мо-

„гу вамъ сказать, что и здѣсь я не лишена „впечатлѣній, если не столь драматическихъ, „какъ на скалѣ Драхенфельса, за то болѣе при-„влекательныхъ. Описаніе непоправимыхъ бѣд-„ствій, обманутой надежды, сжимаетъ серд-„це, тогда какъ картина страданій, увѣнчан-„ныхъ счастливымъ успѣхомъ, подобно благо-„дѣтельному лучу, согрѣваетъ его, миритъ „съ жизнію и заставляетъ цвѣсти для нея. „Вы, милостивый государь, взбирались на „Стромбергъ подъ ношею тяжелыхъ впечат-„лѣній; вамъ не мѣшало бы отдохнуть и об-„ратить глаза на другую картину.“— „Охот-„но радъ“ отвѣчалъ я: „если буду столько сча-„стливъ, чтобы смотрѣть на нее черезъ оча-„ровательную призму вашихъ ощущеній; но „мнѣ не извѣстны преданія о Стромбергѣ, а „здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ меня съ „ними познакомить.“—„Если хотите,“ сказала она, „я возьму этотъ трудъ на себя, и въ „немногихъ словахъ передамъ вамъ, что̀ знаю.

„Въ эпоху перваго Крестоваго Похода, не-„далеко отъ Семи Горъ, жилъ рыцарь Дид-„рихъ Шварценекъ въ за́мкѣ, который онъ по-„лучилъ въ наслѣдство отъ своихъ родителей.

„Онъ былъ молодъ, красивъ и благороденъ ду-
„шею. Подъ родительскимъ кровомъ лѣта его
„дѣтства протекли непримѣтно: въ свобод-
„ные часы отъ чтенія священныхъ книгъ, онъ
„упражнялся въ искусствѣ владѣть оружіемъ,
„укрощать запосчиваго коня и мѣтко пускать
„стрѣлу въ бѣгущаго звѣря. Его чувства раз-
„вивались постепенно въ кругу тихой семей-
„ной жизни, гдѣ, подъ защитою древнихъ обы-
„чаевъ и строгихъ приличій, онъ не могъ
„столкнуться ни съ какимъ ложнымъ поня-
„тіемъ, столь губительнымъ для юноши при
„первыхъ порывахъ молодой, кипучей жизни.
„Смерть родителей сдѣлала его владѣтелемъ
„за́мка; но для него ничто не перемѣнилось:
„чуждый всему, что было внѣ черты его вла-
„дѣній, подобно молодой оперившейся птицѣ,
„онъ сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ, не подозрѣвая,
„что у него были крылья — онъ не зналъ,
„что можно летать! Еще ни одинъ толчекъ
„не разбудилъ сердца, никакое чувство не по-
„щекотало самолюбія, онъ былъ………… “ —
„О! совершенно счастливъ!“ вскричалъ я. —
„Да, если можно назвать счастіемъ это со-
„стояніе безъ надежды, безъ желаній, безъ
„ощущеній — если сонъ можно назвать жизнію.

„Но возвращаюсь къ разсказу: въ то время Крестовый Походъ занималъ всѣ умы, и рыцари „одинъ передъ другимъ спѣшили записываться „подъ знамена вѣнценосныхъ подвижниковъ, ко„торые искусно умѣли прикрывать честолю„бивые виды и надежду на будущія выгоды „блескомъ общаго, святаго дѣла. Дидрихъ, увле„ченный потокомъ господствовавшаго мнѣнія, „сталъ наряду съ другими. Тогда для сборовъ „не употреблялось много времени: въ несколь„ко дней рыцарь распорядился своими дѣлами, „поручилъ за́мокъ вѣрному слугѣ, поклонился „праху родителей, и на борзомъ конѣ, въ „одно прекрасное весеннее утро, выѣхалъ „изъ своего убѣжища. Дорога пролегала мимо „за́мка Аргенфельса, гдѣ жилъ старый графъ „съ двумя молодыми прекрасными дочерьми. „Дидрихъ слыхалъ отъ своего отца, что графъ „былъ однимъ изъ лучшихъ его друзей; нельзя „было проѣхать мимо въ то время, какъ онъ „покидалъ отчизну съ опасеніемъ въ нее не „возвратиться. Дидрихъ повернулъ къ за́мку, и „конь, какъ будто подстрекаемый невидимымъ „остріемъ, въ нѣсколько прыжковъ перескочилъ „черезъ подъемный мостъ, пронесся крытымъ „ходомъ за ограду, и остановился у окошка, изъ

„котораго, съ примѣтнымъ любопытствомъ, „выглядывали два прекрасныхъ личика. Это были „Марія и ея младшая сестра, Берта.“ — „Позвольте мнѣ отгадать!“ вскричалъ я нетерпѣливо: „рыцарь влюбился въ одну изъ нихъ, и „отказался отъ своего путешествія въ Палестину? — Тутъ повѣствовательница, засмѣявшись, сказала: „какъ видно, вы еще не ознакомились съ временами рыцарства. Тогда любовь была пламенна и сильна; но еще сильнѣе дѣйствовалъ на этихъ необразованныхъ „людей духъ фанатизма, особливо, когда съ „нимъ сопрягалось ложное понятіе о чести. „Дидрихъ полюбилъ Берту, и въ теченіе восьмидневнаго своего пребыванія въ за́мкѣ, успѣлъ „не только пріобрѣсть ея взаимность, но и „получить согласіе отца на ихъ союзъ. Любовниковъ обручили, и рыцарь оставилъ свою „невѣсту, клятвою обѣщаясь воспользоваться „первымъ случаемъ, чтобы возвратиться къ „ней. Начало было счастливо для его оружія: „нѣсколько сшибокъ съ Сарацынами доставили „ему славу; но въ послѣдней битвѣ, гдѣ „превосходство въ числѣ давало Магометанамъ „неоспоримую выгоду, Крестоносцы потерпѣли „пораженіе, и Дидрихъ, взятый въ плѣнъ, былъ

„брошенъ въ темницу. Томясь въ оковахъ, „онъ мыслію переносился въ покинутое имъ „отечество, въ замокъ Аргенфельсъ, къ ногамъ „милой, прелестной Берты; повторялъ ей „клятвы въ вѣчной любви, и когда увлечен„ный силою мечты, онъ простиралъ руки, „чтобы заключить ее въ объятія, звукъ цѣпей „выводилъ его изъ сладкой забывчивости, на„поминая ему весь ужасъ его положенія; то„гда въ его сердцѣ погасалъ послѣдній лучъ „надежды. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ „далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Св. Апостолу „Петру, если получитъ свободу. Вскорѣ Кресто„носцы приблизились, и городъ, гдѣ страдалъ „заключенный, былъ взятъ приступомъ. Ди„дрихъ, вмѣстѣ съ другими узниками получив„шій свободу, поспѣшилъ на родину; но ка„ковъ былъ его ужасъ, когда, подъѣзжая къ „мѣстамъ, для него драгоцѣннымъ, вмѣсто пре„краснаго зданія онъ увидѣлъ кучу развалинъ. „Пастухъ, который пасъ стадо вблизи, объя„снилъ, что замокъ былъ взятъ съ боя и раззо„ренъ непріятелемъ до основанія; старый „графъ убитъ на стѣнѣ, а куда скрылись дѣ„вицы, никому неизвѣстно. Отъ сильной на„дежды до отчаянія одинъ шагъ! Дидрихъ

„заперся въ своихъ старыхъ зубчатыхъ стѣ-
„нахъ, и тамъ предался безутѣшной горести.
„Безъ всякой цѣли онъ бродилъ въ окрестно-
„стяхъ, и часто ночь заставала его на скалахъ
„сосѣднихъ горъ; наконецъ онъ вспомнилъ о сво-
„емъ обѣщаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него ро-
„дилась мысль сдѣлаться отшельникомъ. Гора
„Стромбергъ особенно обратила его вниманіе;
„оставалось только избрать мѣсто для построе-
„нія храма. Въ одинъ день онъ пошелъ туда,
„и когда достигъ вершины, его глазамъ пред-
„ставилась готовая хижина со всѣми мелочны-
„ми принадлежностями хозяйства. Въ удивленіи
„онъ спѣшитъ къ жилищу, которое почелъ
„чудеснымъ предзнамѣнованіемъ своего призыва
„на пустынное поприще. Дверь была отворена;
„онъ подходитъ, заглядываетъ во внутрен-
„ность: передъ распятіемъ, утвержденнымъ
„въ углу небольшой комнаты, молодая от-
„шельница стоитъ на колѣняхъ; шумъ шаговъ
„заставляетъ ее обернуться — это Берта!

„Старый Графъ когда увидѣлъ невозмож-
„ность противиться силѣ непріятеля, выпрово-
„дилъ дочерей подземнымъ ходомъ, и укрылъ ихъ
„въ жилищѣ угольщика. Смерть отца и разру-

„шеніе за́мка заставили ихъ удалиться. На́ „вырученныя деньги отъ продажи дорогихъ „каменьевъ, онѣ купили это мѣсто и построили „хижину, въ которой намѣревались пробыть „до конца жизни. Любовь краснорѣчива: на дру„гой день Дидрихъ привелъ въ за́мокъ свою „жену; но сестра не согласилась за ними слѣ„довать. Въ красивомъ домикѣ, для нея тутъ „построенномъ, она осталась жить до конца. „На мѣстѣ, гдѣ стояла хижина, рыцарь „поставилъ храмъ во имя Верховнаго Апосто„ла, замѣнившійся впослѣдствіи часовнею, ко„торую вы осматривали, и гдѣ, вѣроятно, „ваше вниманіе не обратилось на скромный па„мятникъ отшельницы.“ Моя собесѣдница замолчала; но я еще былъ подъ вліяніемъ сильнаго увлеченія. Съ досадою я предусматривалъ конецъ разговора, и въ мысляхъ искалъ вопросовъ, чтобы поддержать его. Цвѣтокъ сорвался съ ея соломенной шляпки и упалъ на землю; я поспѣшилъ его поднять, прося позволенія оставить его у себя, въ память пріятныхъ для меня минутъ. Она, насмѣшливо улыбнувшись, отвѣчала: „Вы путешественни„ки разъѣзжаете не для того, чтобы насла„ждаться красотами природы, но съ одною

„только цѣлью—искать встрѣчь, приключеній, „однимъ словомъ, черпила на ваше обсохшее „перо; вы издѣваетесь надъ Стерномъ, и въ „тоже время, за недостаткомъ собственныхъ „чувствъ, беретесь за тѣ же обветшалыя, но „прикрываете ихъ одеждою послѣдняго покроя. „Какъ вы жалки! Милостивый государь, я „вамъ дозволю удержать цвѣтокъ у себя, и „если это вамъ можетъ доставить удоволь-„ствіе, я готова нарвать для васъ еще нѣ-„сколько; но что до памяти, о томъ мнѣ за-„ботиться не нужно: я увѣрена, что преж-„де чѣмъ вы дойдете до рѣки, цвѣтка у „ васъ не будетъ.“ Она сдѣлала легкій наклонъ головы, и скрылась за кустами. Я долго стоялъ и думалъ — о чемъ? Не могу сказать; но мнѣ было досадно потому, что я видѣлъ въ себѣ дурнаго актера, разыгрывающаго трудную роль: съ лицемъ, которое удачно могло бы занять свое мѣсто на виньеткѣ гастрономической книги; съ сардоническою улыбкою девятнадцатаго вѣка — я былъ *Iорикъ!!!* Повертывая между двумя пальцами оставшуюся у меня фіалку, я чувствовалъ, что моя блуза замѣнялась *прямополымъ кафтаномъ*; изъ-подъ длиннаго *камзола* выказывались *двѣ часовыя цѣ-*

почки; изъ-подъ *низкой треугольной шляпы* посыпалась *пудра*, и фіалка превратилась въ *роговую табакерку*. „*Чуръ меня!*“ вскрикнулъ я невольно, и бросилъ волшебный цвѣтокъ въ кусты!

Съѣзжать съ Петерсберга мнѣ было гораздо труднѣе: мелкіе камни разсыпались подъ ногами лѣниваго животнаго, и узкая тропинка, вьющаяся около скалъ и обрывовъ, пугала меня не на шутку. Во многихъ мѣстахъ я былъ принужденъ спѣшиваться и съ трудомъ спускаться съ крутизны. Выбравшись въ долину, я продолжалъ путь берегомъ Рейна, гдѣ дорога, слѣдуя всѣмъ направленіямъ рѣки, съ правой стороны коймилась цѣпью овощныхъ садовъ; ихъ разнообразная зелень пріятно оттѣнивалась отъ остальной части пространнаго луга. Подъѣзжая къ городу, я отпустилъ погонщика, и пошелъ пѣшкомъ. Покойный и красивый паромъ перевезъ меня на ту сторону.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роландсъ-экъ. — Нейвидъ; дворецъ; Моравское братство. — Кобленцъ. — Эренбрейтштейнъ. — Кенигштуль. — Сентъ-Гоаръ. — Черная скала. — Семь прекрасныхъ сестеръ. — Фальцграфенштейнъ. — Бингенъ. — Рюдесгеймъ. — Бингенлохъ. — Маусъ-турмъ. — Асмансъгаузенъ. — Нидервальдъ. — Крейценахъ. — Майнцъ; судопроизводство; Гутенбергъ; астрономическія часы.

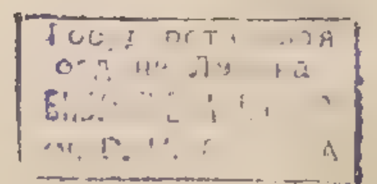
На другой день поутру, занявъ мѣсто на пароходѣ, поднимавшемся вверхъ Рейна, я плылъ мимо тѣхъ мѣстъ, которыя наканунѣ осматривалъ съ такимъ удовольствіемъ. Впечатлѣнія драматическихъ событій были еще свѣжи въ моей памяти, и когда мы поровнялись съ миловиднымъ островомъ Нонненверта, я съ безпокойнымъ любопытствомъ обратилъ глаза на противоположную сторону, и на скалѣ, изскобленной столѣтіями, упорно хотѣлъ найти

слѣды хижины Роланда. Надъ памятникомъ постоянной и безутѣшной любви возвышается высокій утесъ, на вершинѣ котораго сохранились развалины за́мка. Въ то время нѣсколько путешественниковъ съ усиліемъ взбирались на крутизну Роландсъ-эка; за ними, съ корзиною въ рукѣ, шелъ проводникъ, напѣвая пѣсню, которую эхо горъ, звукомъ унылымъ, повторяло вокругъ насъ. Въ этомъ мѣстѣ узкій рукавъ рѣки отдѣляетъ скалу отъ острова. —

Скоро показался небольшой красиво расположенный городокъ Ункель; за нимъ Ремагенъ, или какъ его называли Римляне Rigomagum. Около послѣдняго пролегаетъ большая дорога, начатая въ 1,768 году и оконченная Французами въ 1801. Она стоила большихъ трудовъ потому, что здѣсь Рейнъ широко разливается, и, чтобы обезпечить дорогу, необходимо было прокладать ее выше. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взрывали скалы, въ другихъ дѣлали насыпи. — За изгибомъ рѣки открылся Линцъ; за нимъ Синцигъ, или знаменитый Sentiacum, въ окрестностяхъ котораго происходила битва между Константиномъ и Мак-

сенщіемъ, и гдѣ знаменіе Креста утвердило торжество Вѣры; дальше Брейзигъ, а потомъ на высокой скалѣ открылись развалины за́мка Аргенфельса, жилища отшельницы Берты. Пароходъ, миновавши Броль и Андернахъ, поворотилъ влѣво и остановился у длиннаго помоста: мы причалили къ пристани Нейвида. Въ числѣ пассажировъ, которыхъ высаживали, былъ и я: мнѣ хотѣлось осмотрѣть этотъ городъ. На берегу насъ ожидали носильщики. Одинъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ взваливалъ мой чемоданъ на плеча, успѣлъ дать подробный отчетъ о трехъ тракширахъ Нейвида. „Гостинница подъ вывѣскою *Дикаго человѣка* „содержится Моравскимъ братствомъ," сказалъ онъ: „и тамъ вамъ будетъ покойнѣе, чѣмъ въ „другой."—„Веди меня туда!"—Мы пришли къ небольшому двуэтажному дому. У дверей стоялъ хозяинъ; онъ повелъ меня по лѣстницѣ въ средній этажъ. Небольшой столъ, накрытый въ ожиданіи гостей, стоялъ посреди пріемной комнаты, чисто прибранной, но мрачной отъ недостатка свѣта, который съ трудомъ проникая сквозь стекла, прикрытыя густою ситцевою драпировкою, едва освѣщалъ стѣны, обитыя темными бумажками. На диванѣ сидѣла

хозяйка дома за своимъ рукодѣльемъ. Она встала, холодно поклонилась и пошла заботиться приготовленіемъ обѣда; вслѣдъ за нею вышелъ и хозяинъ. На диванѣ, набитомъ до изобрѣтенія пружинъ, я занялъ покинутое мѣсто и съ любопытствомъ смотрѣлъ на дубовые стулья съ высокими спинками, какъ на вѣрныхъ представителей вкуса XVIII столѣтія. На берегахъ Рейна, гдѣ гостинницы отличаются щеголеватымъ устройствомъ, такое убранство поразительно! Послѣ скромнаго обѣда, не иначе выходившаго изъ круга растительнаго царства, какъ только для того, чтобы показать преимущество плодовъ передъ мясомъ, я пошелъ осматривать городъ. Римляне почитали это мѣсто ключемъ своихъ военныхъ операцій и строили укрѣпленія, которыхъ слѣды по сіе время существуютъ. Цесарь дважды переправлялся чрезъ Рейнъ подъ Нейвидомъ; но въ его время тутъ было пустое поле — городъ построился не болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Онъ хорошо расположенъ, имѣетъ нѣсколько красивыхъ зданій и, какъ примѣтно, достаточную промышленность. Дворецъ Принца украшенъ пространнымъ Англійскимъ садомъ, гдѣ замѣчательныя, по ихъ обьему, тополи составляютъ главное

украшеніе. Очень жаль, что желаніе открыть провидъ побудило не щадить ихъ. Длинная и широкая аллея, въ концѣ которой ничего нѣтъ привлекательнаго, не замѣняетъ этой потери. Въ дворцѣ можно видѣть любопытное собраніе древностей, выкопанныхъ въ окрестностяхъ Нейвида, а въ мюнцъ-кабинетѣ 336 серебряныхъ монетъ и 58 мѣдныхъ доказываютъ смѣшеніе Римскихъ древностей съ Германскими и даютъ понятіе о трудной чрезъ то возникшей задачѣ для археологовъ. Въ 64^хъ^ шкафахъ помѣщается кабинетъ натуральной исторіи; онъ составленъ изъ 1700 птицъ и 313 млекопитающихъ.

Въ городѣ, гдѣ считается 5,500 жителей, 400 принадлежатъ къ Моравскому братству, посвятившему себя образованію юношества. Сюда присылаютъ учениковъ изъ многихъ частей Германіи, изъ Голландіи и Англіи. Надобно отдать справедливость наставникамъ: они, при строгомъ наблюденіи за нравственнымъ образованіемъ, имѣютъ полное уваженіе къ мнѣніямъ каждаго Христіанскаго вѣроисповѣданія и не дозволяютъ себѣ внушать ученикамъ правилъ, которыя исклю-

чительно принадлежатъ къ ихъ образу мыслей и могутъ быть полезны въ одномъ только тѣсномъ кругѣ ихъ общества. Одинаковое ихъ уважене ко всѣмъ Христіанскимъ Церквамъ происходитъ отъ того, что они не принадлежатъ ни къ одной, и хотя считаются Евангелическаго Аугсбургскаго исповѣданія, но особенная точка зрѣнія, съ которой они ищутъ вразумляться въ истинахъ Св. Евангелія, отдѣлила ихъ отъ Евангеликовъ (*), и составила изъ нихъ братство, которое вездѣ сохраняя свои особенныя правила и мнѣнія, хотя и не отказываетъ во внѣшнемъ участіи обществу Христіанъ той земли, гдѣ находится, но въ существѣ всегда остается отдѣльнымъ.

Заведеніе для учениковъ отличается примѣрнымъ устройствомъ. Нельзя не любоваться порядкомъ, чистотою и методическимъ духомъ, который вездѣ господствуетъ. Въ ма-

(*) Члену, находящемуся въ отдаленности отъ братской церкви, въ случаѣ необходимости въ таинствахъ, позволяется обратиться къ священнослужителю каждой Евангелической церкви (Kurzgefasste Historische nachricht von der Verfassung der Ev. Brüder-unität, Augsb. Conf. стран. 22 § 3).

газинѣ, возлѣ женскаго отдѣленія, продается работа дѣвицъ. Изъ большаго количества прекрасно отдѣланныхъ вещей, я взялъ нѣсколько бездѣлицъ на память Нейвида, возвратился въ свою гостинницу и остатокъ вечера провелъ съ своимъ хозяиномъ, котораго прямое и безпристрастное сужденіе мнѣ понравилось.

На другой день поутру, десять минутъ послѣ того какъ отчалилъ пароходъ, открылась на правомъ берегу рѣки деревня, получившая названіе *бѣлой башни* отъ башни, нѣкогда построенной на горѣ. Противъ того мѣста, гдѣ Французы подъ командою Генерала Гоша переправлялись черезъ Рейнъ въ 1797 году, на небольшомъ возвышеніи виденъ недоконченный обелискъ, строенный въ память храбраго начальника; теперь онъ имѣетъ жалкій видъ непримѣчательной развалины.

День нашего выѣзда изъ Нейвида былъ день рожденія Короля. Около селеній, на берегу рѣки, народъ собирался толпами и веселился отъ всей души. Вездѣ разливалось вино, вездѣ раздавались звуки музыки. Веселыя хо-

ровыя пѣсни перерывались пальбою, которою салютовали Прусскому флагу, выставленному на пароходѣ. Ручныя чугунныя пушки всюду стояли наготовѣ; на выстрѣлы мы отвѣчали выстрѣлами, и съ удовольствіемъ видѣли, какъ въ тоже время на берегу вытягивались руки съ кубками. Нѣсколько пловцевъ проплыли мимо насъ по теченію рѣки; передовой плылъ помощію одной руки, тогда какъ въ другой держалъ флагъ, которому съ береговъ также салютовали. Эта общая неподдѣльная радость привела и насъ въ восторгъ: явились бутылки съ серебристою оберткою и кудрявою надписью *Моэта*; вылетѣвшія пробки покатились по палубѣ, пѣнистое вино заискрилось въ стаканахъ, и мы отъ всего сердца выпили за здоровье Короля, такъ искренно любимаго своимъ народомъ.

Смерклось совершенно, когда пароходъ остановился у Кобленца. Съ трудомъ пробиваясь сквозь толпы людей всѣхъ сословій, которыхъ соединяла общая радость, мы наконецъ добрались до гостиницы; но тутъ насъ ожидала особенная встрѣча: „какая теперь комната! „На что теперь постель!“ кричалъ трактир-

щикъ, выговаривая слова едва внятнымъ языкомъ, — „давай новоприбывшихъ сюда! — Какой добрый Прусакъ ляжетъ какъ старая баба на пуховики, когда пьютъ за здоровье любимаго Короля!“ — Этотъ призывъ электрическою искрою коснулся всѣхъ насъ; мы вошли въ столовую и заняли мѣста у длиннаго стола, гдѣ догадливый Кельнеръ припасъ уже по бутылкѣ на брата. — „Да здравствуетъ „нашъ добрый Король!“ раздалось въ многочисленномъ обществѣ; съ благоговѣніемъ я поднялъ свой бокалъ. Никто не подстерегъ слезы удовольствія, навернувшейся у меня на глазахъ — это была дань сердца; я гордился ею и хотѣлъ одинъ ею наслаждаться!

Городъ, заимствовавшій свое названіе отъ древняго: Confluens, построенъ на мысѣ у соединенія рѣкъ Мозеля съ Рейномъ. Въ тридцатилѣтнюю войну онъ много потерпѣлъ, переходивши изъ рукъ въ руки. Въ 1668 году самъ Людовикъ XIV стоялъ подъ его стѣнами, когда твердость начальника графа Лиице и храбрость гарнизона его спасли. Въ 1794 его занимали Французы, а въ 1814 въ немъ квартировали Русскіе подъ командою *Сен-При*. — Мостъ со-

единяетъ городъ съ крѣпостью Эренбрейтштейнъ, или какъ ее называли прежде Германштейнъ, которой укрѣпленія, построенныя при Императорѣ Юліанѣ, и послѣ того развалившіяся, были возобновлены не ранѣе XII столѣтія. Баденскій Маркграфъ Іоаннъ распространилъ и улучшилъ ихъ. Колодезь, выкопанный въ его время, имѣющій 580 футовъ глубины, очень замѣчателенъ. Во время Французской революціи Эренбрейтштейнъ не одинъ разъ подвергался непріятельскому огню; но въ 1779 году крѣпость была уже во власти Французовъ, которые сначала занялись ея поправкою, но послѣ Люневильскаго мира стали все раззорять, и кончили тѣмъ, что взорвали порохомъ главныя укрѣпленія. Съ 1816 Прусское правительство дѣятельно занялось ихъ возстановленіемъ, и включивъ въ ихъ число кругомъ лежащія высоты, доставило Эренбрейтштейну почетное мѣсто между главнѣйшими крѣпостями Европы.

На развалинахъ первой Христіанской церкви сооруженъ храмъ во имя Богоматери; онъ находится посреди города и на примѣтномъ возвышеніи. Нѣкоторыя части зданія кажутся

древними; что же до прочаго, нѣтъ сомнѣнія, что оно было пристроено въ позднѣйшее время. — Мнѣ говорили о богатыхъ собраніяхъ монетъ и медалей въ кабинетахъ приватныхъ людей, также и о замѣчательной коллекціи гравировокъ; но музея здѣсь нѣтъ. Публичная библіотека могла бы составиться, если бы Французы въ 1795 году не увезли большую часть книгъ. Осталось только небольшое количество, добытое изъ монастырскихъ книгохранилищъ и которое должно, какъ утверждаютъ, служить основаніемъ новой библіотекѣ.

Послѣ ранняго обѣда я пошелъ по берегу рѣки прямо къ Штольценфельсу. Замокъ, разоренный Французами, въ теченіе долгаго времени былъ грудою камней. Въ 1805 году городъ подарилъ его Кронпринцу, и теперь его возобновляютъ съ сохраненіемъ вполнѣ древняго вкуса. Отдѣлка хороша; но жить въ немъ невозможно: это маленькія клѣтки съ узкими извилистыми переходами, а лѣстницы совершенно несносны; но съ высоты башни виды прекрасные. — У подошвы утеса стояла лодка; она перевезла меня на ту сторону Рейна, къ устью рѣчки *Ланъ*, гдѣ расположена деревня Capellen;

въ этомъ мѣстѣ Русскіе, въ 1814 году, переправлялись черезъ рѣку. За деревнею на горѣ развалины за́мка Ланъ-эка привлекаютъ путешественниковъ. День былъ жаркій; я едва встащился на высоту, гдѣ посреди развалинъ, нисколько не любопытныхъ, посажено овощное растеніе, а по бокамъ горы, отъ ея вершины до подошвы, расположены виноградники. Обратный путь показался мнѣ гораздо пріятнѣе: миновавши Штольценфельсъ, я проходилъ возлѣ домовъ деревеньки Оберъ-Ланштейнъ, живописно раскинутыхъ на берегу; тутъ пролегаетъ большая дорога. У домовъ, украшенныхъ пестрыми вывѣсками, стояли экипажи путешественниковъ и кабріолеты городскихъ жителей. Подъ тѣнью виноградныхъ бесѣдокъ, или вѣтвистыхъ липъ, куда едва проникали лучи вечерняго солнца, показывались столы, покрытые холоднымъ кушаньемъ и кофейными приборами. Общества пріятелей, сжимаясь въ тѣсные кружки, дружелюбно разливали янтарную влагу по зеленымъ рюмкамъ. Ихъ бесѣду еще болѣе оживляли звуки арфы, къ которымъ приставалъ гибкій голосъ пѣвицы. Оберъ-Ланштейнъ скрылся отъ меня за изгибомъ рѣки, но я еще долго наслаждался отзывами пріятнаго

впечатлѣнія: перекаты голоса звонкаго и чистаго, какъ трель соловья, неслись ко мнѣ по водѣ, а звуки арфы сливались замирая и доходили едва внятнымъ гуломъ, которому гармонія аккордовъ придавала какую-то таинственную очаровательность.

На небольшомъ переѣздѣ отъ Кобленца до Манца, Рейнъ, сжатый между двумя рядами горъ, быстро катитъ струю, едва прикрывая оконечности подводныхъ камней, около которыхъ круги бѣлой пѣны, обозначающіе водовороты, угрожаютъ гибелью неопытному пловцу! Какое здѣсь богатое собраніе картинъ! Вездѣ къ дикой красотѣ природы присоединились труды промышлености и затѣйливость довольства: гдѣ камень уступилъ лому трудолюбиваго поселянина, тамъ, подъ наклономъ скалъ образовались уступы; они покрылись насыпною землею, и зелень пышныхъ виноградныхъ лозъ ярко оттѣнивается отъ черноватаго аспиднаго камня. У подошвы горъ, на самомъ узкомъ пространствѣ, вытянулись селенія, построились трактиры, домà, альтаны. Вездѣ показываются деревянныя пристани, обсажен-

ныя деревьями, гдѣ, толпа любопытныхъ составляетъ пестрыя кучки. Отовсюду несутся лодки съ путешественниками къ проходящему пароходу, который не останавливаясь, но только сокращая ходъ, принимаетъ новоприбывшихъ. Вездѣ видно движеніе, сопряженное съ удовольствіемъ: желаніе наслаждаться прогулкою, пріятностью общества, вкусомъ хорошаго вина — однимъ словомъ, вездѣ примѣтна жизнь, неотравленная ни самолюбіемъ, ни завистью, ни мрачною предусмотрительностью — не кипучая посреди рѣдкихъ и краткихъ наслажденій, но тихая, безмятежная, игривая, которая, подобно самому Рейну, нигдѣ не выходя изъ своихъ береговъ, ровною струею течетъ до мѣста своего назначенія.

Отъ сельскихъ картинъ мое вниманіе обратилось на четыре каменныя башни, поставленныя на углахъ древняго укрѣпленія, окружающаго мѣстечко Кёнигштуль. Кто въ этой кучкѣ жалкихъ домиковъ, сжатыхъ полуразвалившеюся стѣною, узнáетъ древнее, грозное мѣсто совѣщаній Рейнскихъ Электоровъ! Здѣсь рѣшалась судьба вѣнценосцовъ: Императоры избирались на Царство, и лишались престола, въ

слѣдствіе совѣщаній, происходившихъ въ роковой оградѣ, которой остатки теперь едва примѣтить можно. Французы раззорили за́мокъ и продавали камни жителямъ за ничтожную цѣну. Говорятъ, что правительство намѣрено поставить памятникъ на этомъ мѣстѣ.

Отъ Браубаха, гдѣ находится одна изъ замѣчательнѣйшихъ скалъ съ развалинами за́мка, неизвѣстно кѣмъ и когда построеннаго и возобновленнаго около половины XVII столѣтія, рѣка начинаетъ дѣлать большіе изгибы и недалеко отъ Бопарта одинъ изъ нихъ имѣетъ видъ бассейна. Гористые берега представляются смыкающимися на крутомъ поворотѣ рѣки, и этотъ обманчивый амфитеатръ съ широкими уступами изъ дикихъ скалъ невыразимо хорошъ. — При выѣздѣ изъ ущелья горъ открылся видъ городка Сен-Гоара, роскошно расположеннаго на берегу, съ плодовитыми садами, виноградниками, чисто выбѣленными домиками и длинною полосою узкаго песчанаго берега, на пологую поверхность котораго тихо взбирается лѣнивая волна. Городокъ получилъ свое основаніе отъ пустынника Гоара

построившаго себѣ здѣсь хижину въ VII столѣтіи. Старецъ просвѣщалъ рыбаковъ ученіемъ Св. Евангелія, и они покидали свои жилища, чтобы селиться около него. Проповѣдникъ оставилъ по себѣ память своихъ добрыхъ дѣлъ, и имя святаго. Великіе и постоянные подвиги добродѣтельнаго человѣка, прославляющіе мѣсто, показались недостаточными для народа; онъ въ самой мѣстности сталъ искать удивительнаго и необыкновеннаго: по всеобщему мнѣнію, здѣшній водоворотъ имѣетъ подземное сообщеніе съ проваломъ Бингена (Binger-loch), отстоящимъ отсюда на порядочное разстояніе, и не рѣдко остатки судовъ, поглощенныхъ тамъ, появлялись противъ Сенъ-Гоара. Эта сказка, одовѣрившаяся въ окрестности, справедливо отвергается разсудительными людьми.

Скоро мы опять вошли въ ущелье. Съ лѣвой стороны показалась высокая черная скала съ навѣсными утесами; она вся изъ аспиднаго камня. Противъ нее, на другомъ берегу въ небольшой пещерѣ, устроено жилище для приставленнаго человѣка, который

обязанъ трубить въ рогъ и стрѣлять изъ ружья при появленіи парохода, что доставляетъ проѣзжающимъ удовольствіе слышать любопытный отголосокъ *черной скалы*: онъ повторяетъ звукъ до 15 разъ. Въ этомъ мѣстѣ, воспѣтомъ трубадурами XIII столѣтія, подъ мрачнымъ навѣсомъ, въ глубинѣ водъ жило фантастическое существо, знаменитое въ народныхъ преданіяхъ Германіи: *Ундина* привлекала къ себѣ рыцарей, и волшебною мелодіею, такъ непостижимо дробившеюся въ отголоскахъ, заманивала неопытнаго пловца. Въ сладкомъ забвеніи, онъ направлялъ ладью къ коварному звуку и былъ добычею водоворота. Ундина умерла на цвѣтущихъ берегахъ Рейна и Дуная, но ожила посреди снѣговъ Россіи подъ очаровательнымъ перомъ нашего сѣвернаго пѣвца.

Подъѣзжая къ Везелю, путешественнику показываютъ семь подводныхъ скалъ, которыхъ оконечности иногда выказываются изъподъ воды; вмѣстѣ съ тѣмъ, его вниманіе обращается и на высокій остроконечный утесъ, гдѣ видны остатки древнихъ укрѣпленій, какъ бы вдолбленныхъ въ камень—это замокъ Шён-

бергъ. Онъ получилъ свое названіе отъ семи сестеръ рѣдкой красоты, жившихъ въ немъ. Отовсюду стекались рыцари, чтобы видѣть ихъ; но ни одинъ не удостоился предпочтенія. Столько же жестокія, сколько и прекрасныя, онѣ искусно приманивали обожателей и зло смѣялись надъ страдальцами. Наконецъ безпрестанно обманутая надежда окрестныхъ рыцарей обратилась въ чувство ожесточенія; они поклялись, что если дѣвицы не изберутъ себѣ мужей, то они оружіемъ возбранятъ всякому иностранцу въѣздъ въ за́мокъ. Красавицы казались убѣжденными и назначили день для торжественнаго выбора. Когда жребій палъ на семерыхъ счастливцевъ, ихъ повели въ особую комнату, гдѣ семь грудныхъ портретовъ были распредѣлены имъ по билетамъ; въ тоже время, ладья, въ которой сидѣли насмѣшницы, неслась по теченію Рейна, направляясь къ устью рѣки Ланъ, гдѣ у нихъ былъ другой за́мокъ. Шёнбергъ опустѣлъ, и черезъ нѣсколько времени изъ подъ воды показались оконечности семи камней, изъ которыхъ поэтическое воображеніе сдѣлало эмблемму подводныхъ камней на пути любви. Они и до сей поры носятъ названіе семи прекрасныхъ сестеръ.

Вслѣдъ за тѣмъ открылся Везель, называвшійся у Римлянъ Vesalia, или Vesaria; онъ имѣетъ около трехъ тысячь жителей, и не дурно выстроенъ За нимъ, на лѣвомъ берегу рѣки, городокъ Каубъ, гдѣ Блюхеръ переправлялся чрезъ Рейнъ въ 1814 году. Позади его возвышается гора съ выдолбленными въ камнѣ уступами, которыми всходятъ на высоту, чтобъ осматривать развалины замка Гугенфельса. Тутъ рѣка, разстилаясь широкою пеленою, образовала островокъ, такъ покрытый древнимъ небольшимъ зданіемъ, что изъ подъ стѣнъ едва можно примѣтить берегъ — это Фальцграфенштейнъ, принадлежащій теперь Герцогу Нассау; къ нему надобно подплыть на лодкѣ и подниматься нѣсколькими ступенями, служащими всходомъ, на подъемный мостъ. Какъ ни малъ за́мокъ, однакожь преданіе утверждаетъ, что графини, во время ихъ беременности, должны были пріѣзжать сюда, и въ одной изъ комнатъ, для того назначенной, ожидать минуты разрѣшенія — этотъ обычай продолжа́лся долго.

Возлѣ Бахараха есть также опасное мѣсто; его называютъ das wilde Gefaehrt (серди-

тый проѣздъ), хотя теперь въ немъ ничего нѣтъ сердитаго. За городомъ, на горѣ видны развалины замка Сталека, раззореннаго Французами. Передъ небольшимъ городкомъ Лорхомъ живописно разлегся островъ, поросшій кустарникомъ, за которымъ, между двухъ рядовъ высокихъ горъ, тянется долина Рингау; тамъ были заведены первые сады краснаго винограда, а вправо, на возвышеніи, черными массами, рисуется остатокъ за́мка Сонека, разбойничьяго гнѣзда, раззореннаго Рудольфомъ Габсбурскимъ и впослѣдствіи возобновленнаго фамиліею Вальдекъ. Вслѣдъ затѣмъ, на продолговатомъ мысу, посреди тополей, и въ самомъ романтическомъ видѣ, является часовня Св. Климента. Ея готическая архитектура очень мило роднится съ двумя за́мками, находящимися на возвышеніи: Рейхенштейнъ представляетъ одну кучу камней; но другой, Рейнштейнъ, особенно удачно возобновленъ въ древнемъ вкусѣ, распоряженіемъ Принца Фридерика, которому онъ принадлежитъ. Часовня была поправлена въ тоже время.—Влѣво Асмангаузенъ, мѣсто, знаменитое краснымъ рейнвейномъ. Мы проплыли мимо провала Binger-loch, и причалили къ пристани городка Бингена, чтобы спу-

спитъ на берегъ пассажировъ, хотѣвшихъ оставаться тамъ. Прелестныя окрестности заставили меня скоро рѣшиться: черезъ пять минутъ мой чемоданъ былъ уже на плечахъ носильщика и я вслѣдъ за нимъ шелъ по узкимъ и кривымъ улицамъ. Бингенъ существовалъ еще при Римлянахъ, и, какъ любопытный памятникъ тѣхъ временъ, сохранилъ укрѣпленія, построенныя Римскимъ начальникомъ Друзомъ (*), и послѣ служившія убѣжищемъ шайкѣ разбойниковъ. Развалины, кое-какъ поправленныя и окруженныя красивымъ Англійскимъ садомъ, сдѣлались собственностью одного изъ жителей Бингена, вмѣняющаго себѣ въ обязанность показывать ихъ путешественникамъ.

На другой день поутру я взялъ лодку и велѣлъ себя везти къ провалу, прославленному многими несчастными событіями. Подъѣхавъ къ нему на самое близкое разстояніе, я съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на водоворотъ: цѣпь подводныхъ скалъ, объ оконечности которыхъ ударяется набѣгающая

(*) Друза, Римскаго военноначальника, не надобно смѣшивать съ Императоромъ Друзомъ - Германикомъ.

струя и расплывается кругами бѣлой кипучей пѣны, составляетъ полукружіе; середину занимаетъ небольшое пространство очень темной воды — это знаменитый Бингерлохъ. Здѣсь исчезали разбитыя суда, которыхъ остатки такъ чудесно появлялись противъ Сен-Гоара. До прибытія Римлянъ не было плаванія по Рейну, и стѣна изъ нѣсколькихъ скалъ, составлявшая въ этомъ мѣстѣ плотину, понуждала рѣку выходить изъ береговъ, чему доказательствомъ можетъ служить большое озеро, существовавшее въ здѣшнихъ окрестностяхъ. При сильномъ напорѣ, вода, переливаясь черезъ преграду, падала по ту сторону съ значительной высоты, и водопадъ изрылъ глубокую яму. Впослѣдствіи, взрывомъ скалъ, водѣ былъ открытъ ходъ, но отъ остатковъ стѣны и глубины ямы составился водоворотъ. Что же до подземнаго сообщенія съ Сен-Гоаромъ, это можетъ объясниться такъ: обломки взорванныхъ скалъ, вѣроятно образовали навѣсъ, подъ который, теченіемъ воды, подбивалось потонувшее судно и держалось тамъ, пока напоръ воды не разбивалъ его на части; тогда обломки, увлеченные силою потока, неслись подъ водою до мѣста, гдѣ уже

не столь быстрый ходъ рѣки допускалъ ихъ выплывать на поверхность. До XIII столѣтія, настоящаго судоходства не было: проходили только одни небольшія лады; изъ судовъ товаръ выгружался и провозился берегомъ. Отъ XVI вѣка начались улучшенія, которыхъ постепенный ходъ поддерживался заботливостію и иждивеніемъ Франкфуртскихъ негоціантовъ. Теперь справедливо можно ожидать остальнаго отъ дѣйствій Прусскаго Правительства. На берегу стоитъ пирамидальный камень: недавно противъ того мѣста, подъ водою, треснула и развалилась скала, что не только затрудняло проѣздъ, но и угрожало опасностію. Король приказалъ взрывомъ камня открыть путь; работа продолжалась въ теченіе трехъ лѣтъ, и памятникъ, поставленный въ 1832 году, и сдѣланный изъ отколка скалы, надписью свидѣтельствуетъ, что проѣздъ расширенъ въ десять разъ противъ того, какъ онъ былъ прежде. Предпріятіе, очистить рѣку отъ всѣхъ скалъ, безъ сомнѣнія увѣнчается такимъ же успѣхомъ.

Противъ Бингерлоха виденъ остатокъ башни, называемой Mausthurm и построенной

Гаттономъ, аббатомъ Фульдскимъ, для сбора податей съ проходившихъ здѣсь судовъ, что доказывается ея названіемъ: древнее нѣмецкое слово maus, или mauth значило дань, подать; но народъ, опираясь на свои преданія, не хочетъ разумѣть ее иначе, какъ башнею мышей. Здѣсь лодочникъ передаетъ путешественнику, что Гаттонъ, человѣкъ чрезвычайно скупой и жестокій, во время сильнаго голода, бывшаго въ Майнцѣ, не только не давалъ ни зерна изъ своихъ, туго набитыхъ, анбарахъ бѣднымъ, ежедневно сбиравшимся у его дворца, но даже посылалъ своихъ солдатъ разгонять толпы; но видя, что никакія мѣры не помогали и число просящихъ сильно увеличивалось, онъ прибѣгъ къ невѣроятно звѣрскому способу: несчастные, собранные подъ предлогомъ подаяніе въ сараѣ, и запертые тамъ, сгорѣли вмѣстѣ съ зданіемъ, подожженнымъ по его приказанію. „Слышите ли, какъ крысы пищатъ?“ спросилъ онъ своихъ окружающихъ, когда раздались болѣзненные стоны страдальцевъ — и вотъ какъ онъ былъ наказанъ: крысы стадами появились въ его замкѣ. Аббатъ, чтобы избавиться отъ нихъ, переѣхалъ въ Бингенъ и велѣлъ посреди Рейна

выстроить башню, куда перешелъ жить; но крысы и тамъ его нашли — кончилось тѣмъ, что онѣ его съѣли! Народныя преданія всегда отличаются отпечаткомъ правоучительнаго смысла, основанномъ на скоромъ возмездіи за преступленія; впрочемъ крысы появляются не въ однихъ преданіяхъ — онѣ вточились и въ Исторію! —

Осмотрѣвши за́мокъ Рейнштейнъ на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ Принцъ Фридерикъ проводитъ часть лѣта, и полюбовавшись удачною и милою его отдѣлкою въ готическомъ вкусѣ, я переѣхалъ на другую сторону, отпустилъ лодку и пошелъ въ Асмангаузенъ. Эта небольшая деревня славится своимъ краснымъ виномъ, которое безъ примѣси къ намъ не доходитъ; цѣльное, оно темнокраснаго цвѣта, густо, сильно отзывается горечью и непріятнаго вкуса. При послѣднихъ глоткахъ я едва могъ помириться съ нимъ. Здѣсь я взялъ проводника, съ которымъ пошелъ въ гору къ Нидервальду: такъ называется красивый лѣсъ, покрывающій вершины высокихъ горъ, по всему ихъ протяженію отъ Асмангаузена до Рюдесгейма, — прогулка прекрасная! У входа въ лѣсъ

построена гостинница, гдѣ можно найти хорошее вино, обѣдъ, особенную комнату, и слышать любопытный отголосокъ; дальше, стежка ведетъ къ оконечности выдавшейся горы; съ этого мѣста, называемаго *россель*, виды чрезвычайные: кажется, какъ будто висишь надъ пропастью, на днѣ которой клокочетъ Бингенскій водоворотъ. Шумъ ярой струи, передаваемый отголосками горъ, доходитъ сюда какимъ-то непонятнымъ гуломъ. Владѣлецъ Нидервальда возобновилъ павильонъ, поставленный его предмѣстникомъ. Рыцарская зала и ведущій къ ней проходъ, которому дали названіе *волшебной пещеры*, очень затѣйливы. Потомъ приходишь къ небольшой ротондѣ, построенной надъ отвѣсомъ горы; тутъ виды хотя обыкновенные, но за-то открытые, и эта картина имѣетъ свои невыразимыя красоты. Я спустился съ горы прямо въ рюдесгеймъ, остановился у первой гостинницы и съ наслажденіемъ отдыхалъ за стаканомъ рюдесгеймера. За это отличное вино жители должны быть благодарны Карлу Великому: онъ развелъ на здѣшнихъ горахъ лозы бургонскихъ и орлеанскихъ виноградниковъ, отчего вино имѣетъ вкусъ,

отличный отъ прочихъ рейнскихъ винъ, а виноградъ сохранилъ особенную твердость кожи и названіе орлеанскаго, тогда какъ всякой другой извѣстенъ подъ общимъ названіемъ рислинга. Любопытно взглянуть на древній за́мокъ, принадлежащій графу Ингельгеймъ: къ хорошо сохранившимся развалинамъ пристроены новыя стѣнки, и составилось нѣсколько жилыхъ покоевъ. Въ одномъ изъ подземелій нашли остатки костей, урну съ пепломъ, большія бронзовыя кольцы и другія мелкія вещи, доказывающія, что здѣсь погребались прежніе владѣтели за́мка — Римляне. Комнаты не отличаются отдѣлкою, и подражаніе готическому вкусу могло бы быть удачнѣе. Въ Рюдесгеймѣ есть еще развалины четырехъ за́мковъ, изъ которыхъ принадлежавшій прежде фамиліи Бремзеръ, а теперь сдѣлавшійся собственностію Куденговеновъ, примѣчательнѣйшій. Іоганнъ Бремзеръ, во время Крестоваго Похода взятый въ плѣнъ Сарацынами, далъ обѣтъ построить церковь во имя Св. Апостола Петра, если только получитъ свободу. Особенный случай помогъ ему избавиться отъ плѣна. На пути онъ уже забылъ о своемъ обѣщаніи; но опасность, которой онъ

по неосторожности подвергся, заставила его вспомнить о немъ и подтвердить его новою клятвою. Въ Рюдесгеймѣ его ожидало опять указаніе: быкъ рогами вырылъ изъ земли распятіе, что было принято какъ знакъ необходимости соорудить церковь, и рыцарь не медля къ тому приступилъ. Выстроенный храмъ получилъ названіе Zur Noth Gottes; его остатки обращены нынѣшнимъ владѣльцемъ въ хозяйственныя принадлежности; но въ часовнѣ зáмка и до сего времени хранятся рога быка и цѣпи, которыя Бремзеръ носилъ въ плѣну у Невѣрныхъ. Первому охотнѣе вѣрю, чѣмъ послѣднему: сомнительно, чтобы, во время своего бѣгства, рыцарь имѣлъ возможность думать о сохраненіи оковъ и рѣшительность нести ихъ на плечахъ до своего зáмка!!! Лѣтомъ сюда собирается много посѣтителей, которые поселяются на нѣсколько мѣсяцовъ, чтобы наслаждаться чистымъ воздухомъ, живописными видами, и пить вкусное вино. —

Гора Іоганисбергъ не дальше двухъ верстъ отсюда. Какъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить этотъ виноградникъ! Какъ не выпить знаменитаго вина на самомъ мѣстѣ, гдѣ

оно добывается! Начинало смеркаться, когда я сталъ сходить съ горы, и пока дошелъ до Рюдесгейма, дождевыя облака такъ сгустились, что въ десяти шагахъ трудно было различать предметы. Лодка привезла меня къ пристани Бингена; усталый и подъ сильнымъ дождемъ кое-какъ я добрелъ до гостиницы.

Рано поутру я пошелъ въ Крейценахъ. Долина Наге (Nahe) наполнена сельскими картинами, и Крейценахъ славится прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Не смотря на большое число новыхъ строеній, видъ древности сохранился вездѣ, даже и въ его кривыхъ и узкихъ улицахъ. Главная промышленость жителей состоитъ въ земледѣліи, виноделіи, кожевенныхъ заводахъ и табачныхъ фабрикахъ; однакожь съѣздъ недужныхъ приноситъ также значительную выгоду: здѣсь почти во всякомъ домѣ отдаются комнаты въ наемъ и много заведеній съ ваннами. — Крейценахъ, получившій названіе города въ началѣ XIV вѣка, до 30-лѣтней войны былъ многолюденъ. Французы разорили его въ концѣ XVII столѣтія и потомъ опять пришли въ 1795 г. Поступки республиканцевъ и до сей поры въ памяти у жителей.

Привлекательныя окрестности заставляютъ путешественниковъ взбираться на крутую гору къ утесу Рейнграфштейнъ. Дорога, окойменная виноградниками, достигаетъ небольшаго лѣса, гдѣ построена гостиница. Отсюда тропинка ведетъ къ вершинѣ утеса. На этомъ возвышеніи въ 600 футовъ, пріятно остановиться и полюбоваться необыкновенными картинами. Внизу, между камней, пробирается мелкая, но быстрая рѣчка; ея берега покрыты селеніями и фабриками: въ одномъ мѣстѣ добывается соль, въ другомъ работается бумага, а подъ самою горою поставленъ кожевенный заводъ. На той сторонѣ рѣчки, за широкимъ лугомъ пролегаетъ большая дорога, по которой безпрестанно тянутся транспортныя фуры и несутся экипажи проѣзжающихъ. Я долго смотрѣлъ на эту обширную картину, составленную изъ нѣсколькихъ разнородныхъ видописей, гдѣ къ одному углу предметы, сбитые въ кучу и оживленные движеніемъ, игриво отдѣляются отъ важной неподвижности остальнаго. Съ горы можно сходить внизъ удобно; но я не нашелъ благодѣтельной дорожки и принужденъ былъ, обогнувъ утесъ, спускаться съ крутизны, при-

державаясь за вѣтви кустовъ. На большой дорогѣ мнѣ попался кабріолетъ, въ которомъ я возвратился въ Бингенъ.

Отъ Бингена Рейнъ уже не сжатъ стѣнами горъ и свободно разстилается между луговъ. Тутъ множество селеній, разбросанныхъ по плоскому пространству, пріятнымъ образомъ пестритъ картину. Проплывши мимо Бибриха, гдѣ дворецъ Герцога Нассау съ своимъ садомъ такъ красиво расположился на берегу рѣки, мы стали приближаться къ Майнцу. Этимъ городомъ оканчивалось мое путешествіе по Среднему Рейну; здѣсь я намѣревался пробыть нѣсколько дней, отдохнуть и собрать летучіе листки моихъ записокъ. Съ какимъ удовольствіемъ я смотрѣлъ на его длинную набережную и красивыя зданія; съ какимъ нетерпѣніемъ я хотѣлъ увидѣть желанную пристань! Наконецъ пароходъ, повернувъ вправо, сократилъ ходъ и сталъ медленно подвигаться къ деревянному помосту, на которомъ кучи любопытныхъ тѣснились въ ожиданіи нашего прибытія. Только что мы причалили, палуба покрылась агентами всѣхъ гостинницъ. Каждый предлагалъ свою

карточку. *Для* иностранца выборъ труденъ; *я* взялъ первую мнѣ попавшуюся, отправилъ свой чемоданъ, а самъ пошелъ вдоль набережной. Эта часть Манца такъ привлекательна, что *я* долго не рѣшался разстаться съ нею. Когда *я* шелъ городомъ, отыскивая по адресу свою гостиницу, *я* находилъ много красивыхъ зданій; но узкія улицы все портятъ, а площади малы и неправильно обстроены.

Манцъ расположенъ на возвышеніи у того мѣста, гдѣ Майнъ впадаетъ въ Рейнъ, и окруженъ красивыми сельскими видами. Въ отношеніи къ торговлѣ, судоходство по двумъ рѣкамъ и близость Франкфорта доставляютъ ему неисчислимыя выгоды. Городъ, совершенно раззоренный во время продолжительной борьбы Германцевъ съ Римлянами, былъ возобновленъ Карломъ Великимъ. Блистательнѣйшая эпоха его существованія можетъ отнестись къ концу XIII и началу XIV столѣтій. Каѳедральный соборъ, древнее любопытное зданіе, былъ заложенъ въ X вѣкѣ и окончень въ XII; но верхняя часть храма, разрушенная во время осады 1793 года, была надстроена

гораздо спустя. Рѣдкости, находившіяся въ храмѣ, уцѣлѣли: тутъ показываютъ купель, сдѣланную въ 1328 году; она составлена изъ различныхъ металловъ. Любопытно также посмотрѣть и на огромныя мѣдныя двери, отлитыя для храма Богоматери, которыя были перенесены сюда послѣ бывшаго тамъ пожара. Въ прочихъ церквахъ можно найти хорошія картины, а въ храмѣ Св. Апостола Петра стѣнную живопись художника Апіани — кисть превосходная! Въ музеѣ есть небольшая картинная галлерея и замѣчательная коллекція древностей, составленная изъ монетъ, обломковъ ваянія, надписей и различныхъ мелочей, выкопанныхъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ. — Проходя мимо башни Св. Первомученика Стефана, я не могъ отказать себѣ въ желаніи взойти на нее. Дурная и опасная лѣстница ведетъ до самаго верха, гдѣ невольно содрогаешься, стоя на небольшой площадкѣ; но виды такъ хороши, что заставляютъ все забыть. Съ каѳедральной башни виды не таковы, за то помѣстительная площадь обнесена твердыми перилами и свободно можно ходить кругомъ. Въ то время какъ проводникъ пояснялъ мнѣ мѣстность, его

жена привела путешественника, который для отдыха присѣлъ на балюстрадъ; это испугало женщину до того, что она вскрикнула. Причина необыкновеннаго испуга объяснилась: пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ одинъ день, когда семейство понамаря занималось домашнею работою, вошелъ въ комнату мужчина худощавый и болѣзненнаго вида, прося проводить его на верхъ башни. Пока мужъ отыскивалъ ключи и накидывалъ на себя платье, онъ вступилъ въ разговоръ съ женою: съ большимъ участіемъ входилъ во всѣ подробности ихъ домашняго быта, любовался дѣтьми и когда понамарь былъ готовъ, пошелъ за нимъ. На площадкѣ онъ прислонился къ периламъ и съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ внизъ. „Не перевѣшивайтесь такъ,“ сказалъ проводникъ, „у васъ можетъ, голо-„ва закружиться“ — „развѣ разбиться!“ шепнулъ прибывшій; сдѣлалъ прыжокъ и полетѣлъ внизъ головою. Понамарь побѣжалъ по лѣстницѣ и нашелъ его на мостовой съ раздробленнымъ черепомъ — онъ былъ богатый купецъ, котораго неизлечимая хроническая болѣзнь печени подвергала сильнымъ ипохондрическимъ припадкамъ.

Я выбралъ воскресный день, чтобы посѣтить красивый садъ у Мюнстерскихъ воротъ. Онъ не великъ; но на этомъ небольшомъ пространствѣ умѣли соединить все, что можетъ прибавить удовольствіе къ прогулкѣ. Оркестръ стройной музыки поставленъ былъ на площади, гдѣ подъ тѣнью деревьевъ, у столовъ помѣщалась степенная публика. Въ аллеяхъ различными кучками разсыпа̀лась молодежъ, а въ пространной залѣ ресторацiи тѣснились любители рейнвейна. Въ то время какъ я переходилъ отъ одного мѣста къ другому, въ нерѣшимости, гдѣ присѣсть, я почувствовалъ, что кто-то коснулся моего плеча; обернувшись, я съ удовольствіемъ узналъ своего Кельнскаго знакомца. — „Наконецъ удалось мнѣ встрѣ„титься съ вами,“ сказалъ онъ, пожимая мою руку, „ну, какъ понравились вамъ берега на„шего Рейна?“ Послѣ моего короткаго отвѣта, онъ продолжалъ: „вездѣ хорошо; но нигдѣ „такъ, какъ въ Маинцѣ; я живу здѣсь больше „двухъ недѣль и не вижу какъ время прохо„дитъ. Всякой день дѣлаю небольшія путе„шествія то въ Франкфортъ, то въ Висба„денъ, то въ Гохгеймъ — въ каретѣ, на па„роходѣ, въ лодкѣ, пѣшкомъ, въ вагонѣ по

„желѣзной дорогѣ; завтракаю въ одномъ мѣ-
„стѣ, обѣдаю въ другомъ, и къ вечеру возвра-
„щаюсь сюда, гдѣ меня ожидаетъ пара волшеб-
„ныхъ голубыхъ глазъ и бутылка рейнвейна, ка-
„кого трудно гдѣ либо найти—что за жизнь!
„Эй, кельнеръ! два стула къ этому столу и
„бутылку стараго гохгеймера, которую при-
„несетъ Анхенъ — слышишь ли? Но скажи-
„те же мнѣ что нибудь о себѣ." — „Что мо-
„гу я вамъ сказать особеннаго," отвѣчалъ я
смиренно, „мѣстность мнѣ не такъ знакома,
„какъ вамъ: вино я нашелъ; но что до голу-
„быхъ глазъ, необходимо будетъ подчинить
„себя вашему руководству — „Nicht-zu rasch,
„mein Herr, nicht-zu rasch! (*). Вотъ види-
„те: эти голубые глаза принадлежатъ пре-
„лестному существу, которое всякой вечеръ
„приноситъ мнѣ мой ужинъ; но если бываютъ
„глаза голубые, за то бываютъ и сѣрые,
„коша́чьи — эти принадлежатъ другому суще-
„ству, капризному, злому, несносному — ея
„матери! О, эти глаза ночью видятъ такъ же
„хорошо, какъ и днемъ!"—„Что же я могу заклю-
„чить изъ того?" спросилъ я, невольно засмѣ-

(*) Не слишкомъ прытко, сударь, не слишкомъ прытко!

явишись. — „Вы можете заключить, что мое „положеніе затруднительно, очень затруднительно! На примѣръ: не дальше какъ вчера „красавица принесла мнѣ ужинъ съ такимъ „угрюмымъ лицемъ, что я съ безпокойствомъ „спросилъ у нея, отчего съ нею сдѣлалась „такая перемѣна? — „Отчего, сказала она, „потупивъ свои прелестные глазки, отъ того, что вы сами перемѣнчивы. Матушка говоритъ про васъ, что вы самый непостоянный человѣкъ! — „Какъ, почему такъ? — „Потому, господинъ Баронъ, что сперва вы „спрашивали по три порціи къ ужину, а теперь довольствуетесь одною. — „Что было дѣлать! со вчерашняго дня я опять *поступилъ* „на три порціи; не умѣю воздержно ѣсть, и „это мнѣ жестоко вредитъ!“ — Въ это время появилась молодая красивая дѣвушка съ бутылкою въ рукахъ. — „Анхенъ!“ вскричалъ Баронъ, „какъ давно я не видалъ тебя — мнѣ „кажется ты похорошѣла.“ — „Это вамъ кажется отъ того,“ отвѣчала дѣвушка съ лукавою улыбкою, „что вы меня забыли.“ — „Тебя забыть — невозможно! вскричалъ Баронъ, хватаясь за бутылку, „вотъ видишь, въ „этомъ старомъ винѣ много огня; но въ тво-

„ихъ глазахъ еще больше!“ — „Какое неспра-„ведливое сравненіе!“ возразила плутовка, вынимая штопоръ изъ кармана передника, — „сра-„внивать два глаза съ одною бутылкою ви-„на! — еще, когда ихъ было бы двѣ!“ — „Ты „права, Анхенъ, совершенно права; но дѣло „въ томъ, что у тебя глаза неодинаковы: въ „одномъ много огня и лукавства; въ другомъ „замѣтны чувство и снисходительность. Не „знаю, которымъ ты на меня смотрѣть бу-„дешь, но они неодинаковы, а потому спро-„сить другую гохгеймера было бы неспра-„ведливо, а ты принеси намъ бутылку либ-„фрауенмильхъ.“ Дѣвушка порхнула и чрезъ двѣ минуты явилась опять. — „Вы очень лю-„безны, господинъ Баронъ,“ сказала она, ставя другую бутылку; „но знаете ли что? го-„сподинъ адвокатъ Дорнъ любезнѣе васъ: онъ „находитъ въ моихъ глазахъ больше огня, чѣмъ „въ четырехъ бутылкахъ стараго вина.“ — Анхенъ засмѣялась и побѣжала къ другому столу, гдѣ ее ждали съ нетерпѣніемъ. — „Вотъ „видите“ сказалъ мой товарищъ, „что это за „городъ Маинцъ; здѣсь поневолѣ ѣшь и пьешь — „выпьемте за здоровье милой Анхенъ!“ — „Охотнѣе выпью за ваше, Баронъ; какъ ка-

„жется, вамъ надобно имѣть его довольно въ „запасѣ." — „Знаете ли что," продолжалъ Баронъ, не обративъ вниманія на мое замѣчаніе, „мы жители береговъ Рейна умѣемъ наслаждаться жизнію потому, что не отравляемъ удовольствій самолюбіемъ и эгоизмомъ. „Меня плѣняютъ голубые глаза, хотя въ тоже время знаю, что эти глаза пламенно смотрятъ на бѣлокураго кельнера, которому „должна принадлежать рука Каролины. Я не „могу питать никакой надежды; но смотрю „на нихъ съ наслажденіемъ, какъ бы смотрѣлъ „на картину Рафаэля, не заботясь о томъ, „чья она собственность: все прекрасное въ „природѣ, неоспоримо должно быть доступно „для того, кто умѣетъ его цѣнить. Слова: „*мое*, *твое*, *его*, существуютъ только въ „одномъ воображеніи эгоиста." — „Однакожъ, сказалъ я, „можно быть мужемъ прекрасной „женщины, владѣльцемъ красиваго мѣстоположенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбранять другимъ „нѣжныя отношенія къ женѣ и прогулку въ „своихъ владѣніяхъ." — „Вы правы, совершенно правы," вскричалъ Баронъ, „хотя подъ выраженіемъ нѣжныхъ отношеній я никакъ не „хочу разумѣть тѣхъ правъ, которыхъ и

„не желалъ бы себѣ присвоить; но люди таковы, „что они хотятъ видѣть зло даже и тамъ, „гдѣ оно не существуетъ.“ — „Но гдѣ оно можетъ родиться!“ сказалъ пожилой человѣкъ въ широкомъ синемъ сюртукѣ, подошедшій къ намъ во время разговора. „Милый Баронъ,“ продолжалъ онъ со смѣхомъ, „ты играешь на „чужіе ремизы — ожидаю когда ты поставишь свой.“ — „Это значитъ, что твой разыгрывается,“ сказалъ мой собесѣдникъ. — „Нѣтъ, онъ разыгрался“ — спокойно отвѣчалъ „тотъ, „я не принадлежу къ числу любителей „высокой итальянской школы — довольствуюсь „фламандскою: столъ, уставленный хорошо при„готовленными блюдами, имѣетъ большую цѣну „въ моихъ глазахъ, а въ доказательство того,“ прибавилъ онъ поклонившись намъ, „любезный „Баронъ, ожидаю тебя завтра къ обѣду — „въ Майнцѣ никто не приготовитъ такъ сви„ныхъ котлетъ, какъ моя жена.“ — Баронъ смотрѣлъ своему знакомцу вслѣдъ, пока онъ не удалился, послѣ чего, обратившись ко мнѣ, сказалъ съ сильнымъ смѣхомъ: „Вотъ видите „каковы они — видите ли, каковы наши добрые „прибрежные жители Рейна! пріятель мой „можетъ быть ихъ вѣрнымъ *типомъ*. Будь

„онъ живописецъ, онъ могъ бы, такъ же какъ и „другой, удачно схватить съ натуры одинъ „изъ ея лучшихъ видовъ; но на первомъ пла-„нѣ, онъ ужь конечно помѣстилъ бы фламанд-„скій прилавокъ мясника. Идеалъ женской красо-„ты могъ бы развиться подъ его кистью; но „этотъ идеалъ былъ бы одѣтъ въ черный „тафтяный фартукъ и своими розовыми паль-„чиками укладывалъ бы начинку въ жаренаго „гуся. Что они счастливы — я увѣренъ въ „томъ, готовъ божиться, готовъ присягнуть, „что они вполнѣ счастливы; но скажите, чтобы „сочувствовать высокому, не нужно ли возвы-„ситься душею? Эти грубыя матеріальныя на-„слажденія отягчаютъ душу, застилаютъ гла-„за, которые наконецъ сдѣлаются равнодушными „ко всему изящному — и поэзія жизни будетъ „убита! „Я люблю вино," продолжалъ Баронъ наполняя стаканы; „но только потому, что „оно воспламеняетъ, удвоиваетъ способность „къ ощущенію всего прекраснаго." — Тутъ Баронъ залпомъ осушилъ свой стаканъ. — „Однакожь вотъ видите ли что," продолжалъ онъ, „правду сказать, мнѣ въ винѣ нравится и „его вкусъ, и его букетъ, а когда подумаю „немножко, такъ долженъ буду сознаться, что

„и свиныя котлеты съ поджареньımъ лукомъ „также примапчивы — *Донерветтеръ!* это старое вино меня разгорячило: чувствую, что „несу чепуху — ну что будетъ, то будетъ! „еще годика два погуляю — а тамъ ремизъ — „и кажется, съ ними же буду тянуть хоровую!“

На другой день Баронъ явился ко мнѣ, чтобы вмѣстѣ идти въ полицію, гдѣ должно было рѣшиться дѣло одного подсудимаго. Здѣсь всякое судопроизводство публично; но что въ важныхъ дѣлахъ хорошо, то въ пустыхъ случаяхъ теряетъ свою цѣну. Дѣло шло о томъ, что нѣсколько крестьянъ, выходя изъ шинка, подрались, и одинъ изъ нихъ, защищаясь противъ троихъ, вынулъ изъ кармана небольшой складной ножикъ, которымъ угрожалъ своимъ противникамъ. Ножикъ вырвали у него изъ рукъ и представили въ полицію. Дѣло тянулось отъ 27 го Марта по 6 е Августа. Защитникъ обвиняемаго говорилъ много и пылко, но ничто не помогло: кончилось тѣмъ, что *Мартына* приговорили къ заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ, и къ выплатѣ 8 гульденовъ штрафу. Медленность судопроизводства при такомъ маловажномъ обстоятельствѣ непонятна, тѣмъ

болѣе, что она сопряжена съ отрывкою крестьянъ отъ работы въ самое нужное для нихъ время, и съ большими для нихъ издержками. Мѣсячное заключеніе въ тюрьму и взносъ 8 гульденовъ, наказаніе строгое и не совсѣмъ справедливое потому, что оно пало на одного, тогда какъ и другіе были не правы. Ходъ судопроизводства былъ неприличенъ: заносчивое краснорѣчіе адвокатовъ, при маловажности обвинительнаго пункта, возбуждало невольный смѣхъ, отъ котораго сами судьи съ трудомъ удерживались, а судопроизводствомъ, предметомъ столь важнымъ, подать поводъ къ извинительному смѣху, не хорошо. —

Напрасно Гарлемъ и Стразбургъ оспориваютъ у Маинца славу изобрѣтенія книгопечатанія. Гутенбергъ въ началѣ XV столѣтія дѣлалъ нѣсколько опытовъ въ Стразбургѣ; но они вообще были неудачны и надобно было оставаться при прежнемъ способѣ нарѣзныхъ досокъ; въ Маинцѣ онъ изобрѣлъ литеры, которыя сначала вырѣзывались изъ дерева, но впослѣдствіи, усовершенствованныя Шеферомъ, дѣлались изъ метала. Вся слава изобрѣтенія, неоспоримо принадлежитъ Гутен-

бергу, которому здѣсь поставили статую ваянія Торвальдсена, съ пышною Латинскою надписью.

Здѣшнія астрономическія часы имѣютъ Европейскую извѣстность. Сложность механизма и точность исчисленій приводятъ въ удивленіе всѣхъ астрономовъ. Николай (Алексѣй Іоганнъ) родился въ Штейнахѣ 1753 года. На 20 году своего возраста онъ былъ принятъ въ число монаховъ Августинскаго ордена; на 24-мъ получилъ званіе пресвитера, и вскорѣ потомъ учительское мѣсто въ здѣшнемъ заведеніи, при которомъ находился около 20 лѣтъ. Въ это время въ немъ начала развиваться гигантская мысль — обозначить механизмомъ теченіе небесныхъ свѣтилъ. Во время дня онъ занимался исполненіемъ своей обязанности, а по ночамъ совершенно предавался любимой мысли, и слѣдя за ходомъ планетъ, трудился надъ своимъ произведеніемъ. Въ 1802 году часы были окончены, послѣ чего Іоганнъ жилъ 7 лѣтъ безъ должности, и въ 1809 могъ только получить мѣсто приходскаго священника въ Гейдесгеймѣ потому, что монастырь былъ уничтоженъ. Любимъ и уважаемъ сво-

ими прихожанами, онъ правилъ приходомъ 12 лѣтъ. Когда силы стали ему измѣнять, онъ отпросился на покой и скончался въ Майнцѣ въ 1826 году, въ званіи викарнаго священника. — Не смотря на то, что часы, обратившія на себя вниманіе всѣхъ астрономовъ Европы, сдѣлались извѣстными еще въ 1802 году, и рисунокъ, снятый съ нихъ, былъ посланъ къ Наполеону, Іоганнъ жилъ въ нуждѣ, и когда умеръ, надобно было сдѣлать сборъ, чтобы его прилично похоронить. Передъ смертью онъ завѣщалъ ихъ въ собственность заведенія для бѣдныхъ, которое ихъ продало за тысячу гульденовъ!! (1800 руб.) Теперь имъ нѣтъ цѣны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мангеймъ.—Гейдельбергъ; старый замокъ; бочка; Вольфсбруненъ.—Карлсру. — Расштадтъ. — Баденъ; древніе замки; горы: Ибургъ; Меркуріусъ-бергъ. — Стразбургъ; соборъ; установленіе вольнаго каменьщичества. — Фрейбургъ. — Адская долина. — Шварцвальдъ. — Шафгаузенъ; водопадъ. — Констанцъ; Константскій Соборъ. — Боденсее. — Линдау. — Брегенцъ.

Берега Верхняго Рейна не такъ красивы; но до Мангейма еще встрѣчается нѣсколько хорошихъ видовъ: деревня Ниренштейнъ, знаменитая своимъ виномъ, живописно раскинута на берегу. За нею Опенгеймъ, который въ XIII столѣтіи былъ въ числѣ Имперскихъ городовъ, но въ 1689 году Французы сожгли его такъ, что въ немъ оставался только одинъ домъ, послѣ чего постройка шла медленно и неохотно. Теперь онъ малъ и въ немъ полагается не болѣе 2,700 жителей. За Гун-

терсблумомъ мѣстоположеніе становится однообразнымъ: до самаго Вормса не видно ни одного селенія на берегу рѣки, и надобно довольствоваться тѣми, которыя изрѣдка показываются вдали. Чтожь до Вормса, онъ при концѣ 30-лѣтней войны имѣлъ до 30,000 жителей; теперь въ немъ нѣтъ болѣе 8,000. Кромѣ нѣсколькихъ хорошо уцѣлѣвшихъ древнихъ храмовъ, не видно никакихъ замѣчательныхъ строеній.

Въ Мангеймѣ я остановился на нѣсколько дней. Городъ имѣетъ особенно опрятный видъ; улицы прямы, широки и содержатся чисто; невысокіе дома красивы и нравятся своею милою простотою. Здѣсь можно примѣтить остатокъ патріархальной жизни древнихъ Германцевъ: вездѣ встрѣчаешь привѣтливую улыбку добродушія; всюду ожидаютъ удовольствія тихія и неубыточныя. Богатства не видно; но вездѣ находишь довольство и порядокъ. Мангеймъ, потерпѣвшій много во время 30-лѣтней войны и послѣ того поправившійся, опять былъ раззоренъ Французами въ 1689 году. Съ 1806 всѣ укрѣпленія стали постепенно обращаться въ сады, и прогул-

ка около города сдѣлалась очень пріятною Дворецъ обширное строеніе, красивой архитектуры, имѣетъ кабинетъ натуральной исторіи, библіотеку и картинную галлерею, гдѣ можно видѣть много хорошихъ оригиналовъ.

Отсюда два раза въ день ходитъ дилижансъ до Гейдельберга: въ 7 часовъ утра и въ 7 вечера. По обѣимъ сторонамъ дороги открываются прекрасные виды, и чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Гейдельбергу, тѣмъ плѣнительнѣе становится мѣстоположеніе.

Окрестности этого города, какъ говорятъ Германцы, классическая земля. Не льзя съ нѣмъ не согласиться: памятники глубокой древности являются на каждомъ шагу, и вездѣ возникаютъ воспоминанія замѣчательныхъ историческихъ событій. Нѣкоторые писатели, увлеченные страстью добывать свѣдѣнія изъ архивовъ сѣдой древности, относятъ основаніе Гейдельберга за предѣлы всѣхъ извѣстныхъ эпохъ. Есть много басенъ, не заслуживающихъ вниманія; но не льзя не передать того, что говоритъ Кейзеръ, почерпнувшій изъ источниковъ, за вѣрность которыхъ, впрочемъ, онъ

самъ не ручается: онъ выставляетъ, какъ преданіе очень любопытное, что основаніе Гейдельберга приписывается какому-то Нѣмецкому Королю Эстерману, жившему отъ начала міра въ 2250 году. По немъ мѣсто получило названіе: Эстербургъ; но какимъ образомъ преданія могли дойти до насъ и на чемъ они основаны, вотъ вопросы, на которые трудно отвѣчать! Гейдельбергъ начинаетъ быть извѣстнымъ въ XII столѣтіи. Конрадъ фонъ Гогенштауфенъ, двоюродный братъ Фридерика Барберусы, избралъ его для своего пребыванія, оставивши Бахарахъ, въ которомъ до того времени жилъ.

Городъ расположенъ у подошвы горы Гайсберга, гдѣ на возвышенности былъ построенъ за́мокъ — кѣмъ, когда? — не извѣстно. Конрадъ поселился тамъ, и началъ его перестроивать. По прошествіи полнаго столѣтія, за́мокъ принялъ другой видъ и городъ распространился; но въ 1278 году сдѣлался пожаръ, отъ котораго не много домовъ уцѣлѣло; при этомъ случаѣ сгорѣлъ и за́мокъ; но какимъ образомъ пожаръ могъ добраться до высоты и сообщиться за́мку, ти-

чѣмъ не поясняется. Въ половинѣ XII вѣка появляется городъ перестроеннымъ, и къ старому за́мку прибавился новый. Вѣроятно мѣсто не понравилось владѣльцамъ потому, что новое зданіе поставлено было на половинѣ горы, кѣмъ — опять не извѣстно! Во время Лудовика V старый за́мокъ былъ обращенъ въ складочное мѣсто военныхъ снарядовъ, а въ новомъ жилъ онъ самъ, отдѣлавши его совершенно къ 1535 году.

Въ томъ же году 25 Апрѣля ужасное происшествіе едва не уничтожило Гейдельберга: день былъ необыкновенно жаркій, и въ 2 часа пополудни тяжесть воздуха начала предвѣщать грозу. Сгустившіяся облака сосредоточились между горами надъ самымъ городомъ; сильные порывы вѣтра перешли въ бурю; вихрь вырывалъ огромные дубы съ корнями и срывалъ крыши съ домовъ. Спертыя волны рѣки Некара поднялись высоко, угрожая городу наводненіемъ; мракъ, прибавлявшійся постепенно, дошелъ наконецъ до того, что жители въ самомъ близкомъ разстояніи не могли узнавать другъ друга. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, и молнія, прорѣзывая

мглу, освѣщала эту ужасную картину. Каждый спѣшилъ укрыться гдѣ только могъ. Башня стараго за́мка, гдѣ хранился порохъ, разсѣлась до основанія. Раздался сильный ударъ, и молнія, пролетѣвши сквозь разсѣлину, пробила сводъ и коснулась пороха. Все строеніе взлетѣло на воздухъ. Потрясеніе было такъ сильно, что въ городѣ не осталось ни одной рамы въ своемъ мѣстѣ, ни одной двери на петляхъ. Камни большими плитами падали на улицы и на берегъ рѣки. Страхъ жителей обратился въ отчаяніе; не находя убѣжища подъ крышами своихъ домовъ, они бродили въ темнотѣ и давили другъ друга. Новый за́мокъ, въ которомъ Лудовикъ V-въ то время находился, также потерпѣлъ: нѣсколько большихъ камней, упавшихъ на крышу, продавили ее, разбили потолокъ кабинета и тамъ сокрушили все, что находилось. Къ вечеру гроза прошла и солнце освѣтило мѣсто раззоренія, гдѣ тѣла́ убитыхъ и раздавленныхъ, вмѣстѣ съ ранеными, лежали на улицахъ; никто не думалъ о нихъ. Не прежде какъ на другой день жители занялись очищеніемъ города. — Долго послѣ того, Гейдельбергъ не могъ поправиться.

За́мокъ отъ XVI-го по XVIII столѣтіе горѣлъ не одинъ разъ, и послѣ всякаго пожара обновлялся съ бо́льшимъ противъ прежняго великолѣпіемъ. Въ 1764 году онъ былъ обращенъ въ ту кучу развалинъ, передъ которою стоитъ въ безмолвномъ удивленіи. Въ этомъ памятникѣ славы и пышности древнихъ Германскихъ владѣтелей многіе прекрасные остатки наводятъ память посѣтителя на событія Среднихъ Вѣковъ. Онъ невольно переносится мыслію къ рыцарскимъ временамъ, и пробѣгая длинную нить громкихъ и славныхъ дней, въ грустной задумчивости смотритъ на разбросанные камни угрюмой развалины. — Церковь, рыцарская зала и мѣсто, гдѣ была картинная галлерея, довольно хорошо сохранились.

Здѣсь въ погребѣ находится извѣстная бочка, имѣющая 23 фута въ діаметрѣ при 30 въ длину; въ ней вмѣщается 283,200 бутылокъ вина. Придѣланная лѣстница служитъ для всхода на дощатую площадь, устроенную на ея поверхности и окруженную балюстрадомъ. Въ праздничный день является музыкантъ и горожане затѣваютъ игривый вальсъ на знаменитой бочкѣ. Въ 1752 году она была напол-

нена виномъ, послѣ чего еще до трехъ разъ наполнялась; но послѣ пожара 1764 года стоитъ пустая. —

Отъ за́мка я пошелъ къ и́сточнику, называемому Вольфсбруненъ. Прекрасное мѣсто для прогулки! Тутъ между горами, въ углубленіи долины, построенъ трактиръ, въ которомъ подаются вкусныя форели съ различными приправами. Передъ домомъ бьетъ вода фонтаномъ и вливается въ каменный бассейнъ, гдѣ на самомъ днѣ, серебристою чешуею, сверкаютъ знаменитыя рыбки, пущенныя сюда для приманки посѣтителей — для кухни есть другой садокъ. Названіе Вольфсбруненъ, имѣетъ основаніемъ суевѣрное преданіе о Волшебницѣ, растерзанной волкомъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Постараюсь передать его, какъ могу.

Въ тѣ времена, когда Гейдельбергъ былъ окруженъ непроходимымъ лѣсомъ, въ недоступныхъ ущеліяхъ горъ, жила женщина, извѣстная въ окрестности подъ названіемъ Іерты. Смѣлые охотники, которыхъ звѣрь заводилъ въ чащу лѣса, часто ее встрѣчали. Для всѣхъ она была услужлива и привѣтлива; но не всѣмъ

казалась одинаковою. Кто ее описывал молодою прекрасною дѣвицею, кто безобразною старухою. Являясь вездѣ, гдѣ нужна была ея помощь, она цѣлительными травами врачевала опасныя раны и нѣсколькими глотками вина изъ фляжки, которую носила при себѣ, возвращала упадшія силы. Люди пользовались ея благодѣяніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣгали ее: ужасное слово Волшебница оледѣняло чувство, удерживало порывъ благодарности.

Изъ окрестныхъ охотниковъ не было никого отважнѣе Генриха; изъ всѣхъ молодыхъ людей не было никого великодушнѣе, чувствительнѣе, красивѣе его. Взоры всѣхъ дѣвицъ устремлялись на юношу, когда онъ проходилъ мимо ихъ; но онъ, казалось, не примѣчалъ ихъ! Какое-то чувство таилось въ его груди; онъ чего-то хотѣлъ неизъяснимаго, непонятнаго. Часто вечеръ заставалъ его у подошвы горы, гдѣ онъ стоялъ понѣскольку часовъ, вперивши взоръ въ темный лѣсъ. Его мысль была занята тѣмъ благодѣтельнымъ существомъ, которое онъ хотѣлъ узнать — благодарить за всѣхъ неблагодарныхъ! Въ одинъ день охота завлекла его дальше обыкновеннаго; полдень

давно прошелъ, а онъ еще не могъ найти стежки для обратнаго пути. Въ недоумѣніи, онъ остановился. Чувство робости, дотолѣ ему незнакомое, стѣснило его грудь, и сердце начинало сильно биться, какъ вдругъ изъ-за скалы показалась серна; тутъ охотникъ забылъ опасность своего положенія; схватилъ лукъ и пустилъ мѣткую стрѣлу въ звѣря. Кровь брызнула изъ раны; но серна скрылась. Отъ мѣста, гдѣ она стояла, капли крови, падавшія на листы и мохъ, обозначали слѣдъ. Генрихъ кинулся догонять добычу; но лѣсъ становился всё гуще, и вѣтви деревьевъ такъ сплетались, что онъ, раздвигая ихъ руками, долженъ былъ каждый шагъ покупать большими напряженіями. Силы стали ему измѣнять; въ отчаяніи онъ готовъ былъ броситься на землю, какъ мысль, которая его никогда не покидала, сдѣлалась въ это время еще пламеннѣе и рѣшительнѣе. „Гдѣ ты, таинственная благодѣтельная Волшебница!“ Вскрикнулъ онъ, въ отчаяніи. „Хотя ты выше смертныхъ, но любовь сближаетъ тебя съ ними! Всѣ тебя страшатся; но въ моемъ сердцѣ, полномъ благодарности, нѣтъ мѣста для страха!“ Въ эту минуту ему послышался какъ бы звукъ отголоска, въ которомъ

онъ не могъ ничего различить; чувство бодрости пробѣжало по его членамъ, и съ новыми силами онъ пошелъ впередъ. Сквозь густоту вѣтвей блеснулъ свѣтъ; онъ сдѣлалъ еще усиліе и остановился на круглой площадкѣ. Передъ нимъ прекрасная молодая женщина сидѣла на пригоркѣ; у ея ногъ лежала серна, которой она заботливо перевязывала рану. Пучекъ травы былъ уже приложенъ, и она старалась прикрѣпить его битьями. Шелестъ сухихъ листьевъ заставилъ ее поднять глаза; она устремила ихъ на пришельца. „Кто ты, „отважный охотникъ?“ сказала она ему голосомъ упрека, „почему твоя рука не пощадила „моей серны — развѣ мало для тебя звѣрей „въ этомъ пространномъ лѣсу?“ Генрихъ стоялъ какъ пораженный ударомъ; онъ сбросилъ съ головы шапочку и русые длинные локоны разсыпались по плечамъ. Робко онъ подошелъ къ ней, и преклонивъ колѣно, почтительно положилъ къ ея ногамъ лукъ и стрѣлы.“ — Я „виноватъ передъ тобою,“ выговорилъ онъ едва внятнымъ голосомъ, „когда моя покорность „не можетъ смягчить твоего гнѣва, произнеси „приговоръ. До сего времени для моихъ соперниковъ я былъ предметомъ зависти — пускай

„буду жертвою ихъ осмѣяній: обѣщаю тебѣ,
„что виновная рука не натянетъ болѣе те-
„тивы!“ Онъ замолчалъ, и изъ-за опущенныхъ
рѣсницъ покатились двѣ крупныя слезы. „Нѣтъ,“
отвѣчала она, „такъ много я отъ тебя не
„требую! Нѣтъ, Генрихъ, я знаю твое бла-
„городное сердце, привыкла уважать тебя и
„давно мое вниманіе слѣдовало за тобою съ
„утеса на утесъ. Я прошу твоей дружбы —
„вотъ единственное удовлетвореніе за твою
„вину.“ — „Но кто же ты, непостижимое су-
„щество?“ спросилъ юноша, обративъ на нее
умоляющій взоръ, „давно чувство влекло меня
„къ тебѣ, я хотѣлъ тебя благодарить......
„теперь не могу. Сердце горитъ, мысли смѣ-
„шались; мнѣ кажется, что я смотрю,
„однако ничего не вижу — пощади, о пощади
„меня, мощная Волшебница!“ съ этими словами
онъ упалъ къ ея ногамъ и обильный потокъ
слезъ оросилъ мураву. „Встань, Генрихъ,“ ска-
зала она — „напрасно ты приписываешь слабой
„смертной силу неестественную: въ то вре-
„мя какъ ты просишь меня о пощадѣ, я сама
„хочу просить твоей помощи; я нуждаюсь въ
„совѣтѣ, въ участіи; какое-то чувство, мнѣ
„невѣдомое, тяготитъ, давитъ меня! Генрихъ,

„я совершенно одинока; мнѣ нуженъ другъ! „Мнѣ необходимо откровенно говорить съ тобою. Умоляю тебя, не откажи мнѣ въ совѣтѣ. „Завтрешній день, со всходомъ солнца, я буду „ждать тебя у источника; теперь поспѣшай „домой. Въ двухъ шагахъ отъ себя, по правую „руку, ты найдешь тропинку; она приведетъ „тебя къ утесу, который видепъ у васъ изъ „долины; съ него ты возмешь направленіе и „не ошибешься путемъ. Прощай! завтра ожи-„даю тебя!“ — „Приду!“ торжественно произнесъ Генрихъ, и тихими шагами пошелъ къ показанному мѣсту.

На другой день, когда первые лучи солнца освѣтили верхи горъ, молодые люди сидѣли у источника. — „Родители мои были жер-„твою ненависти и гоненія,“ такъ говорила дѣвица, „въ младенческихъ годахъ я лишилась „отца; мать осталась моею наставницею и „единственнымъ другомъ. Ущеліе, гдѣ мы еще „при жизни отца поставили хижину, укры-„вало насъ отъ злобы людей. Бѣдствія, пере-„носимыя съ покорностью къ волѣ Творца, „укрѣпляютъ умъ, развертываютъ понятіе — „недосягаемое для взоровъ плотскаго міра,

„страдальцу открыто: мы занимались собира-
„ніемъ травъ, которыя сдѣлались, впослѣд-
„ствіи, столь извѣстными цѣлительною силою.
„Какъ часто непонятное предчувствіе приво-
„дило, или мать мою, или меня, къ тому мѣсту,
„гдѣ требовалась помощь; какъ часто совѣтъ,
„данный по неизъяснимому внушенію, остана-
„вливалъ людей на краю ихъ гибели — все то
„приписывалось дѣйствію злобной силы! Люди
„цѣнили добро, но страшились изъявить при-
„знательность—да впрочемъ, чтожъ и въ ней?
„Она лишила бы насъ внутренняго наслажденія,
„которое даютъ чистота совѣсти и безуслов-
„ное исполненіе обязанности. Мать, удрученная
„недугами, на моихъ рукахъ заснула сномъ слад-
„кимъ и вѣчнымъ; я перенесла эту потерю
„безъ огорченія — Генрихъ! Вѣдь на то была
„воля Отца небеснаго! У меня достало силы
„выкопать могилу и похоронить драгоцѣнные
„останки. Ни одна слеза не упала на свѣжій
„дернъ: я усердно благодарила Бога и просила
„Его помощи, чтобы соблюсти послѣднюю
„волю матери: „Оттилія, говорила она мнѣ,
„когда уже чувствовала приближающуюся кон-
„чину, любимая дочь, я умираю покойно, даже
„радостно потому, что оставляю тебя съ

„упованіемъ на Того, безъ Чьей воли и волосъ „не падаетъ съ головы человѣка. Онъ будетъ „твоимъ помощникомъ и утѣшителемъ. Я „отъ тебя требую только одного: не проси по-„мощи отъ людей; между ними много доб-„рыхъ; но ихъ путь—путь міра; ихъ воля—воля „немощной плоти. Они самимъ себѣ помочь не „могутъ! Твердая надежда на помощь Искупи-„теля — вотъ сокровище, собранное въ пусты-„нѣ — я оставляю его тебѣ въ наслѣдство; „умѣй имъ пользоваться; но, Оттилія, если „земное чувство вкрадется въ святилище ду-„ха, если ты попустишь совлекать себя съ „пути чистоты и безстрастія, — о дочь моя! „Тогда пускай преждевременная смерть иску-„питъ тебя отъ оковъ міра, и твоя дѣвствен-„ная душа, во всемъ блескѣ чистоты, станетъ „предъ престоломъ Мздовоздаятеля!—При этихъ „словахъ ея рука опустилась на мою голову и „оледенѣла на ней. Я осталась сиротою; но „упованіе меня не покидало: всякій вечеръ я „ложилась съ благодареніемъ, и съ новыми си-„лами вставала на другое утро. Генрихъ, твое „имя, перелетавшее отъ устъ къ устамъ ме-„жду дѣвицами долины, донеслось до меня и, „вмѣстѣ съ твоимъ образомъ, врѣзалось въ мо-

„ей памяти — я тебя давно знала. Въ одинъ „день, преслѣдуя лань, ты прошелъ близко ме-„ня; кусты меня закрывали. Не знаю отче-„го въ эту минуту у меня сердце сильно за-„билось; что-то мнѣ шепнуло: это твой братъ— „твой другъ! — Ахъ, Генрихъ! съ тѣхъ поръ „я потеряла спокойствіе; уединеніе мнѣ каза-„лось тяжелымъ, страшнымъ; ожиданіе чего-„то ужаснаго меня всюду преслѣдовало — я „стала чувствовать что я—сирота! Какъ мнѣ „желалось тебя видѣть! Какъ мнѣ хотѣлось „говорить съ тобою и, можетъ быть, я рѣ-„шилась бы искать тебя въ долинѣ; но не-„ожиданно судьба привела тебя ко мнѣ. Ген-„рихъ, будь братомъ и другомъ Оттиліи: воз-„врати ей спокойствіе" — и она кинулась въ объятія юноши. Сильно забились невинныя серд-ца. Генрихъ и Оттилія поклялись другъ дру-гу въ вѣчной дружбѣ, и разстались, условив-шись часто видаться у источника.

Протекли мѣсяцы. Частыя отсутствія Генриха навели сильныя подозрѣнія: люди стали догадываться, и слухъ о связи съ Вол-шебницею, со всѣми ужасами суевѣрныхъ вымы-словъ, быстро разнесся по долинѣ. Огорченный

отецъ долго уговаривалъ; долго убѣждалъ — все напрасно; наконецъ угроза проклятія прогремѣла въ ушахъ Генриха, который произнесъ какія-то несвязныя слова, и безъ чувствъ упалъ къ ногамъ неумолимаго. Въ безпамятствѣ сильнаго недуга, онъ не разъ проговаривался; тайна сердца сдѣлалась полутайною. Когда онъ пришелъ въ себя, ему предложили избрать, или совершеное отреченіе отъ преступной связи съ покаяніемъ, или вѣчное изгнаніе изъ долины съ проклятіемъ. Юноша изъ двухъ крайностей не смѣлъ рѣшиться ни на одну. Молчаніе вмѣнилось ему въ упорство, и скорость бѣга едва спасла его жизнь отъ ярости ожесточенной толпы. Съ видомъ отчаянной рѣшительности онъ пришелъ къ Оттиліи:—„Я лишился всего на землѣ и на небѣ!" сказалъ онъ ей, „я подпалъ проклятію отца; „у меня нѣтъ роднаго крова, для меня нѣтъ „пути къ спасенію! Отверженный людьми и Не„бомъ, могу ли я пережить мое несчастіе? „Оттилія, ты ли будешь равнодушно смотрѣть „на мою погибель? Ты ли согласишься быть „моею убійцею, когда одно твое слово можетъ „меня помирить съ Небомъ, дать мнѣ жизнь „и возвратить благополучіе цѣлому семейству!

„Скажи, что ты моя вѣчная подруга; скажи, „что бракъ, о которомъ я давно тебя умоляю, „освятитъ союзъ двухъ сердецъ, и тогда съ „тобою, рука въ руку, я гордо возвращусь въ „долину." Какъ преступница, приговоренная къ смерти, стояла Оттилія: ужасъ сковалъ ея чувства; наконецъ она рѣшилась умолять: бросилась къ его ногамъ, просила, плакала — отчаянный не внималъ ничему. — „Родная!" вскричала она, „поспѣши ко мнѣ на помощь! Я должна преступить твою заповѣдь — борьба выше моихъ „силъ; прости дочь свою и сними съ нея грѣхъ „ослушанія. Генрихъ, насъ ничто разлучить „не можетъ! Завтра поутру приведи всѣхъ „твоихъ родныхъ къ источнику. Тамъ я произнесла обѣтъ вѣчной дружбы, тамъ въ ихъ „присутствіи, я должна подтвердить его другою клятвою. Оттуда я уже не возвращусь „въ эту драгоцѣнную хижину, гдѣ протекли „лучшіе года моей жизни. Теперь оставь меня; „дай мнѣ на могилѣ матери посвятить воспоминаніямъ остальные часы." —

Юноша ночью пробрался въ домъ своего отца, и открылъ всѣмъ сердечную тайну. Къ утру семейство и родные собравшись пошли

по дорогѣ къ источнику. Генрихъ бѣжалъ впереди и далеко за собою оставилъ всѣхъ. Издали онъ увидѣлъ Оттилію и кинулся ей на встрѣчу. Ему оставалось сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ свирѣпый волкъ выскочилъ изъ кустовъ и повергъ се на землю. Въ нѣсколько прыжковъ Генрихъ былъ уже подлѣ звѣря и ударомъ топора разнесъ ему голову; но Оттилія, сильно раненая въ грудь, лежала на травѣ; розовая кровь, струясь ручьемъ, сливалась съ водою источника. — „Родимая, благодарю тебя!" сказала она слабымъ голосомъ, „Генрихъ! не заботься напрасно о воз„вращеніи мнѣ жизни: я должна умереть — „судьбы Всевышняго непостижимы! Прощай, „милый другъ! мы соединимся тамъ, гдѣ вся„кое земное чувство угасаетъ передъ огнемъ „истинной любви; не надолго мы разстаемся— „ты скоро за мною послѣдуешь!" Послѣ этихъ словъ Оттиліи не стало. Мрачно указалъ юноша пришедшимъ родственникамъ на хладѣвшій трупъ, и общія слезы раскаянія оросили останки дѣвы. Ес погребли тутъ же у источника, который, въ память событія, получилъ названіе *Вольфсбруненъ*. Генрихъ не пошелъ за своими: онъ остался тутъ, поставилъ себѣ хи-

жину и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ искупалъ строгою отшельническою жизнію, минуту несчастной настойчивости. Въ одно утро, при первыхъ лучахъ солнца, его чистая душа соединилась съ небесною подругою. —

Заплативъ дань похвалъ вкуснымъ форелямъ, я оставилъ трактиръ и сталъ подниматься на высокую и крутую гору, которая прежде называлась Кёнигъ-Штуль; но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1815 году, ее посѣтили Союзные Монархи, она получила названіе Кейзеръ-Штуль. На томъ мѣстѣ, гдѣ они отдыхали, осматривая окрестности, поставлена круглая башня; съ этой высоты панорама еще болѣе открыта!

Гейдельбергъ имѣетъ болѣе 12,000 жителей, не включая студентовъ, которыхъ число не переходитъ 800. Основаніе Университета, послѣ Пражскаго, древнѣйшаго въ Германіи, относится къ 1346 году. Уступкою лѣваго берега Рейна въ 1802, онъ потерялъ большую часть своихъ доходовъ; но его поддержалъ Баденскій Курфирстъ Карлъ Фридерикъ, назначивъ въ пользу заведенія большой

капиталъ, который теперь значительно увеличился. Съ того времени Университетъ не переставалъ улучшаться, и въ честь своего возстановителя принялъ названіе Ruperto-Carolina. — Способы для науки на столько здѣсь облегчены, что въ приватныхъ библіотекахъ для чтенія, можно взять книгу и, продержавъ ее цѣлый день, заплатить только одинъ крейцеръ!! ($3\frac{1}{2}$ копѣйки).

Отъ Мангейма рѣка изгибами проходитъ между безплодныхъ и полудикихъ ровнинъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ необходимость заставила дать ей другое направленіе, прежнее русло, обращенное въ луга, снабжаетъ жителей торфомъ. — Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Карлсру пароходъ останавливается: пассажировъ сажаютъ въ длинныя кареты, или *шарабаны*, и везутъ до города. Карлсру выстроился не такъ давно: въ 1715 году на этомъ мѣстѣ былъ одинъ только домъ, построенный для отдыха послѣ охоты: Carls-ruhe; теперь городъ съ своими прямыми, широкими улицами, со всѣхъ сторонъ примыкающими къ дворцовой площади, очень красивъ. Изъ зданій

особенно хороши: домъ Министерства, монетный дворъ, военная школа, казармы, арсеналъ и ратуша. Дворецъ не великъ, но внутри хорошо отдѣланъ. Изъ танцовальной залы выходъ въ ротонду, откуда виды въ садъ очень привлекательны; но чтобъ оцѣнить планъ города, надобно взойти на верхъ довольно высокой дворцовой башни. Остатки каминовъ и перегородокъ показываютъ, что она нѣкогда была обитаема; теперь въ ней никто не живетъ.

Нанявши коляску отъ Карлсру до Бадена, я остановился въ Раштадтѣ, чтобы посѣтить дворецъ, гдѣ Принцъ Евгеній и Маршалъ Вилларъ заключили трактатъ въ 1714 году. Зданіе построено по плану Версальскаго дворца, но съ значительнымъ уменьшеніемъ въ размѣрѣ, и украшено бельведеромъ, на которомъ поставлена бронзовая вызолоченная статуя Юпитера. Здѣсь нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ трофеевъ, добытыхъ Маркграфомъ Лудвигомъ Вильгельмомъ въ войнѣ противъ Турокъ, нѣсколькихъ тканей, отъ времени совершенно полинявшихъ, и чернильныхъ пятенъ на стѣ-

нѣ, напоминающихъ, какъ Маршалъ Вилларъ, въ пылу негодованія, сбросилъ со стола чернилицу. Раштадтъ былъ нѣкогда резиденціею Баденскихъ Маргафовъ. —

Нѣтъ сомнѣнія, что Баденъ обязанъ своимъ основаніемъ Римлянамъ, которымъ хорошо были знакомы его цѣлительные источники. Названіе Civitas aurelia aquensis это ясно доказываетъ. Въ городѣ не больше 4,500 жителей, но съѣздъ иностранцевъ очень великъ: иногда ихъ число доходитъ до 10 и 11,000. Лучшихъ гостинницъ найдется до десяти; сверхъ того много другихъ, гдѣ можно довольно хорошо помѣститься, и число приватныхъ квартиръ всякій годъ умножается. Вообще улицы не хороши; но вновь выстроенные домà, передъ которыми образовались красивыя площадки съ тѣнистыми деревьями, заставляютъ мириться съ прочими недостатками. Домъ собранія — обширное строеніе, окруженное англійскимъ садомъ — состоитъ изъ многихъ пространныхъ и хорошо отдѣланныхъ комнатъ. Отъ главнаго корпуса тянутся двѣ колоннады: одна примыкаетъ къ строенію, гдѣ помѣщается ресторація, другая къ театру. Во всю длину

аллеи ставятся временныя лавки, гдѣ, отъ дорогихъ вещей, до мелочей въ три крейцера, все размѣщено съ большимъ вкусомъ. —

Городъ расположенъ на покатости возвышенія. Красивое мѣстоположеніе и чистота воздуха привлекаютъ не одних больныхъ, но и здоровыхъ, которые пріѣзжаютъ сюда на все лѣто. Трудно найти другое мѣсто столько пріятное для жизни. Окрестности прелестны: надъ долиною, гдѣ извивается рѣчка Мургъ, на шесть миль пространства тянутся съ обѣихъ сторонъ цѣпи лѣсистыхъ горъ съ покатостями и отвѣсными скалами. По берегамъ рѣки показываются красивыя селенія, а на высотахъ развалины за́мковъ — камень, поросшій кустарникомъ, едва отдѣляется отъ зеленой вершины. Къ нѣкоторымъ развалинамъ сдѣланы пристройки, другія, совершенно оставленныя, служатъ скромнымъ пріютомъ мелочному виноторговцу, который, съ привѣтливою улыбкою и съ бутылкою въ рукѣ, спѣшитъ навстрѣчу усталому путешественнику.

Между этими развалинами за́мокъ Эберштейнъ, какъ лучше сохранившійся, занимаетъ

первое мѣсто: къ остаткамъ его стѣнъ удачно пристроены комнаты, въ которыхъ иногда останавливается Герцогъ; онѣ безъ особенной отдѣлки, но виды съ балкона очень хороши. Здѣсь замѣчательна скала, нависшая надъ долиною; ее называютъ Графсшпрунгъ, или Графскій прыжокъ. Она знаменита несчастною кончиною одного изъ Эберштейновъ, который съ этой высоты, разгоряченный виномъ и подстрекнутый закладомъ, верхомъ на своей лошади спрыгнулъ внизъ. —

Отъ стараго за́мка Маркграфовъ, раззореннаго Французами въ 1689 году, осталась одна только куча камней, изъ которой тамъ и сямъ возвышаются остатки стѣнъ. Не смотря на крутизну всхода, я рѣшился посѣтить развалину. Съ уцѣлѣвшаго угла стѣны, можно любоваться обширною и прекрасною картиною; за то какъ ужасно взглянуть внизъ: совершенно перпендикулярный отвѣсъ скалы, слившейся съ стѣною, не дозволяетъ взгляду нигдѣ остановиться, и онъ, быстро опускаясь, встрѣчаетъ макушки сосенъ, скромно прислонившихся къ подошвѣ горы.

Фаворитъ, дворецъ, построенный въ 1725 году Маркграфинею Сивиллою, вдовою

Лудвига Вильгельма, прозваннаго Побѣдителемъ Турокъ, заслуживаетъ особенной поѣздки. Его странная архитектура пріятна для глазъ. Внутреннее расположеніе комнатъ хорошо и убранство отзывается пышностію тѣхъ временъ. Собраніе японскихъ фарфоровыхъ вещей можетъ обратить на себя вниманіе знатока. —

Новый Баденскій зáмокъ, построенный въ началѣ XV столѣтія, вмѣстѣ съ городомъ былъ раззоренъ Французами въ 1689 году. При возобновленіи стѣнъ, добавили къ нимъ нѣсколько пристроекъ. Зданіе основано на фундаментѣ, построенномъ Римлянами. Нѣсколько подземныхъ комнатъ слѣдуютъ одна за другой, и остатки бассейновъ, вѣроятно тогда наполнявшихся водою, обличаютъ извѣстный образъ стройки нѣкоторыхъ Римскихъ храмовъ, гдѣ изображалось царство тѣней и Стиксъ. Впослѣдствіи эти погреба могли имѣть и другое назначеніе. Многіе охотно вѣрятъ, что здѣсь было Тайное Судилище (*Femgericht*). Двери, вытесанныя изъ огромнаго камня, съ трудомъ поворачивающіяся на своихъ петляхъ, снабжены внутренними желѣзными засовками. Нѣсколько колецъ и крючковъ, вбитыхъ въ стѣну,

почитаются указаніями мѣстъ пытки. Сообщеніе погреба, посредствомъ пролетнаго узкаго отверстія, съ уцѣлѣвшею верхнею частію зданія, напоминаетъ, какъ подсудимыхъ, съ завязанными глазами, опускали на блокахъ до мѣста заточенія; оправданныхъ, такимъ же образомъ, поднимали до верхняго этажа, откуда, съ повязкою на глазахъ, ихъ выводили въ лѣсъ, или поле и тамъ оставленные, они потомъ никогда не могли опознать мѣста своего заключенія. Этому мнѣнію служитъ также опорой тайный и узкій корридоръ, ведущій къ стѣнѣ, гдѣ сдѣлана небольшая впадина; тамъ, по народному преданію, находилось священное ваяпное изображеніе, къ которому преступникъ, приговоренный къ смерти, долженъ былъ идти во мракѣ, чтобы ненаказаннымъ лобзаніемъ подтвердить свою невинность; но передъ впадиною —несчастнаго ожидалъ провалъ! Падая, онъ тяжестью своего тѣла приводилъ въ движеніе колесо съ зубцами, находившееся на днѣ, и оно его разсѣкало на части! Теперь надъ проваломъ положены двѣ широкія доски, по которымъ посѣтители проходятъ безопасно. — Что былъ тутъ Фемгерихтъ, хотя и не доказано, но нельзя не убѣ-

диться, что, или феодальное судилище, или какое нибудь частное самоуправство избрало это мѣсто для исполненія своихъ тайныхъ кровавыхъ приговоровъ.

За́мокъ не имѣетъ красивой наружности; о внутренней его отдѣлкѣ сказать нечего. Надъ главными воротами виситъ засушенный осетръ, пойманный въ Рейнѣ во время 30-ти-лѣтней войны. Необычайность заставила простой случай принять за предзнаменованіе освобожденія всего края отъ Шведовъ, которые его тогда занимали!!!

Въ моихъ поѣздкахъ для обзора окрестностей я былъ не одинъ: близкій мнѣ родной, проживавшій на то время въ Баденѣ (*), мнѣ сопутствовалъ. Всякій день, послѣ ранняго обѣда, коляска стояла у крыльца, и мы разнообразили наши прогулки по времени и расположенію. Какъ часто восхищаясь прекрасною картиною горъ, гдѣ предметы безпрестанно воспламеняютъ воображеніе, и взоръ съ безпокойствомъ перебѣгаетъ отъ одного мѣста къ

(*) А. Д. Чертковъ.

другому, мы припоминали себѣ ровнины нашего отечества — припоминали удовольствіе, съ которымъ можно наслаждаться видами, когда взоръ, погружаясь въ синюю даль, безпрепятственно бродитъ по плоской поверхности, и мысль, свободная отъ гнёта впечатлѣній, вслѣдъ за сизыми облаками, безотчетно несется къ небосклону. Эта картина, такъ величественная въ своей простотѣ, имѣла тогда большую цѣну въ нашихъ глазахъ.

Поѣздка въ Фремерсбергъ была одна изъ пріятнѣйшихъ: мы выѣхали въ четыре часа, и сдѣлавши нѣсколько верстъ, остановились у поворота къ горѣ Ибургъ; коляску послали прямо къ Фремерсбергу, а сами стали взбираться на высоту. Съ большою усталостью поднявшись до верхней площади, мы пріятно были удивлены, нашедши тамъ цѣлое общество, составленное изъ стариковъ и молодыхъ людей; между ними, вѣроятно, были женихи и невѣсты, что можно было замѣтить по чувству, съ которымъ старики пили за здоровье нѣсколькихъ паръ, кружившихся томнымъ нѣмецкимъ вальсомъ, подъ звуки деревенской скрыпки.

М..Ч.

Съ горы виды открыты; но туманъ, въ то время разстилавшійся надъ долиною, все портилъ. За́мокъ Ибургъ, построенный неизвѣстно кѣмъ и когда, сдѣлался извѣстнымъ въ 1382 году. Двѣ башни и остатокъ стѣны, вотъ все, что уцѣлѣло въ его развалинахъ; одну изъ нихъ время сокрушило, а на другую всходили свободно, по устроенной внутри лѣстницѣ, но и эта стала обваливаться. Преданіе населило развалины домовыми и привидѣніями, послужившими предметомъ для многихъ народныхъ сказокъ. Ибургъ почитается единственнымъ мѣстомъ въ Баденскихъ окрестностяхъ, перенесшимъ повѣрья древнихъ дней за предѣлы ихъ быта. Спускаясь съ горы, мы ошиблись направленіемъ, и долго бродили, пока не прибыли въ Фремерсбергъ, гдѣ насъ ожидалъ деревенскій полдникъ — кислое молоко. —

На другой день мы поѣхали до Штауфенберга, или горы Меркурія, прозванной такъ потому, что на ея вершинѣ нѣкогда находилась статуя языческаго божества, поставленная римскимъ купцемъ Куріусомъ, въ знакъ его благодарности за скорое исцѣленіе отъ болѣзни. Меркуріусъ-Бергъ, высочайшая изъ горъ въ

окрестности возвышается отъ поверхности моря на 2240 футовъ.

Поѣздка къ Герцогскому загородному домику, гдѣ, кромѣ аллеи изъ высокихъ тополей и комнатъ съ затѣйливыми украшеніями, нѣтъ ничего особеннаго, дала мнѣ мысль побывать въ Стразбургѣ: съ возвышенности этого охотничьяго пріюта бываетъ видна Стразбургская колокольня. Мы всѣ нетерпѣливо хотѣли ее увидѣть; но облака, какъ нарочно, покрывали даль и съ досадою мы принуждены были отказаться отъ нашей надежды. — „Мы увидимъ ее прежде всѣхъ,“ сказалъ я моему родному, и на другой день поутру, въ дилижансѣ мы катились по дорогѣ.

Не доѣзжая Стразбурга экипажъ остановился у Французской таможни; въ моемъ походномъ мѣшкѣ была только одна перемѣна бѣлья. — „C'est bon, Monsieur!“ сказалъ худощавый чиновникъ, и я вслѣдъ за мѣшкомъ помѣстился опять въ каретѣ. Чрезъ четверть часа мы въѣхали въ городъ и кривыми, грязными улицами потянулись между двухъ рядовъ высокихъ, запачканыхъ домовъ.

Къ довершенію картины, вездѣ показывались сорвавшіяся рамы съ петлей, разбитыя стекла, куски наклеенной бумаги и вывѣшенное для просушки бѣлье. — „Ахъ, какъ это гадко!" безпрестанно вскрикивалъ сидѣвшій возлѣ меня Англичанинъ; но я не слушалъ его, не смотрѣлъ на дома, и только что карета остановилась, выскочилъ изъ нее, забросилъ свой походный мѣшокъ въ гостинницу, и побѣжалъ къ знаменитому собору. —

Кто взглянетъ на эту непомѣрную высоту строенія, съ которою соединяется необыкновенная изящность и легкость въ частяхъ; на эту массу камней всю сквозную, на красоту ваянія, на своды, такъ смѣло накинутые, не удивится выраженію энтузіастовъ, называвшихъ Страсбургскій соборъ осьмымъ чудомъ въ свѣтѣ!! Монахъ Ложье, въ своемъ Опытѣ объ Архитектурѣ, говоритъ такъ: „изъ всѣхъ произведеній зодчества, ни одно не „можетъ сравниться съ Страсбургскимъ со„боромъ. Полагаю, что ни одинъ архитек„торъ еще не произвелъ ничего, столь смѣло „изобрѣтеннаго, столь счастливо обдуманнаго, „и такъ скоро исполненнаго. Въ одномъ этомъ

„соборѣ видно болѣе генія и искусства, чѣмъ „во всѣхъ великолѣпнѣйшихъ зданіяхъ, взятыхъ „совокупно., которыхъ красотѣ мы привыкли „удивляться." — Въ этомъ мнѣніи, такъ смѣло выраженномъ, выказывается пристрастіе къ своему отечественному памятнику, къ славѣ родины; но вмѣстѣ съ тѣмъ кроется и несправедливость: *такъ скоро исполненнаго* непонятно, когда извѣстно, что строеніе храма продолжалось четыре вѣка съ четвертью!!!

Страсбургскій соборъ выше всѣхъ высочайшихъ зданій, воздвигнутыхъ въ Европѣ. Церковь Св. Петра въ Римѣ ниже его 6, или 7 футами, и высочайшая изъ Египетскихъ пирамидъ превышаетъ его только 25. Его высота была не одинъ разъ измѣрена; но геометры между собою несогласны. Здѣсь отдавали преимущество вычисленію Зильбермана, которое назначаетъ 346 королевскихъ футовъ; но недавно новымъ исчисленіемъ нашли $437\frac{1}{2}$ парижскихъ футовъ, и на томъ остановились. До шпица, гдѣ находится корона, считаютъ 638 ступеней; до платформы 329. —

На другой день поутру, въ сопровожденіи моего роднаго, я пришелъ опять къ собору. Мы взошли до второй галлереи и потомъ до восьми винтовочныхъ лѣстницъ, то есть: мы поднялись сперва на 329 ступеней, потомъ на 121; послѣ того на 36. Бывши на высотѣ 556 ступеней, намъ оставалось только 79 до короны; но туда никого не пускаютъ безъ особеннаго на то письменнаго дозволенія отъ начальства — этотъ всходъ очень опасенъ. Изъ двухъ башенъ, назначенныхъ быть на платформѣ, построена только одна; мѣсто другой занимаетъ небольшой домикъ для сторожей. Тутъ замѣчателенъ колоколъ, отлитый въ началѣ XIV столѣтія, съ надписью: Nuncio festa, metum, nova quaedam, flebile Lethum (возвѣщаю праздники, опасность, внезапную вѣсть, горестную кончину). Въ его окружности при отверстіи считаютъ до 22 футовъ; согласно съ надписью, въ него звонятъ и теперь въ торжественные дни, и въ случаѣ кончины значущаго лица.

Внутренность храма величественна. Хорное мѣсто, въ которомъ сохранился вполнѣ вкусъ древняго зодчества, мнѣ особенно понравилось;

что же до престола, возобновленнаго въ концѣ XVIII столѣтія, онъ нисколько не согласуется съ остальнымъ.

Здѣшнія стѣнныя часы считаются Европейскою рѣдкостью. Народъ всегда любитъ держаться своихъ преданій: онъ приписываетъ изобрѣтеніе этихъ часовъ Копернику, которому городской Глава велѣлъ выколоть глаза, для того, чтобъ онъ подобныхъ нигдѣ не могъ поставить; но Коперникъ никогда не былъ въ Стразбургѣ и умеръ 27 лѣтъ прежде того, какъ появились часы!!

Въ ризницѣ погребенъ первый Стразбургскій типографщикъ Іоганнъ Меттелинъ; надъ его прахомъ надпись очень любопытна: *наконецъ я лежу здѣсь: Іоганнъ Меттелинъ, изобрѣтатель книгопечатанія въ Стразбургѣ. Помощію этого способа, человѣкъ можетъ въ одинъ день написать больше, чѣмъ прежде писалось въ теченіе цѣлаго года. Это искусство будетъ жить до скончанія вѣка — слѣдственно справедливо, чтобы за то благодарили Бога и были признательны моему художеству; но люди не исполняютъ своихъ обязанностей, а потому Самъ Господь*

назначилъ для меня памятникъ: Его волѣ было угодно, чтобы соборъ мнѣ служилъ мавзолеемъ.

Остается упомянуть, какъ построился храмъ: на этомъ мѣстѣ былъ лѣсъ, гдѣ приносились кровавыя жертвы Германскому идолу *Эзусу*. Римляне, овладѣвшіе *Аргенторатомъ* (древнее названіе Стразбурга), внесли свои обряды и Геркулесъ сдѣлался главнымъ идоломъ Германцевъ. Его статуя, сохранившаяся доселѣ, называлась *Крузманомъ*, или *Кригсманомъ*. Въ 349 году идолопоклонство уступило мѣсто истинной вѣрѣ, и на развалинахъ капища поставлена была Христіанская деревянная часовня; отъ ней, вѣроятно, уже не было остатковъ, когда Кловисъ, послѣ битвы при Толбіакѣ принявшій Св. крещеніе, вознамѣрился построить на томъ мѣстѣ деревянную церковь, крытую соломой, которую его преемники долго поддерживали. Хотя Карлъ Великій къ этому бѣдному зданію прибавилъ хорное мѣсто изъ камня, сохранившееся до нашихъ временъ, но каменная пристройка не защитила прочихъ частей отъ огня, и въ концѣ столѣтія церковь сгорѣла. Въ 1019 году Императоръ Генрихъ обратилъ вниманіе на каменный остатокъ

и поручилъ Епископу Вернеру надзоръ за возобновленіемъ храма. Въ 1015 сбросили все, оставивъ одно хорное мѣсто, и стали выводить новый фундаментъ. Съ того времени началось строеніе собора, котораго планы въ теченіе двухъ столѣтій не одинъ разъ измѣнялись. Въ 1275 году все было приведено къ концу, и черезъ годъ послѣ того приступили къ постройкѣ колокольни, оконченной въ 1439 — и такъ, все зданіе строилось въ теченіе 424 лѣтъ!! Того же года 24 Іюня въ день Св. Іоанна Крестителя поставили крестъ на колокольнѣ, и пышное торжество ознаменовало окончаніе работъ.

Къ этому дню относятъ эпоху основанія масонскихъ ложъ: ваятели, рѣзщики и каменосѣчцы, чтобы отличиться отъ своихъ товарищей, работавшихъ безъ знанія и искусства, составили общество подъ названіемъ Hütten (ложи), котораго члены, гдѣ бы они ни находились, должны были во всякомъ случаѣ признавать первенство Главной ложи — Страсбургской, получившей названіе Haupt-hütte. Въ собраніи мастеровыхъ въ Регенсбургѣ 25 Апрѣля 1459 года установились правила и общимъ

согласіемъ утвердилось признавать Архитектора Страсбургскаго собора Главнымъ Мастеромъ (Grossmeister) братства каменьщиковъ въ Германіи. Въ 1498 году дипломъ, данный Императоромъ Максимиліаномъ I-мъ, утвердилъ основаніе и статутъ общества, котораго права и привилегіи были возобновляемы Карломъ V, Фердинандомъ I-мъ и ихъ наслѣдниками. Всѣ каменьщики, не принадлежавщіе къ обществу, назывались *профанами*, или неумѣками, и чтобы свободнѣе было отличать причисленныхъ къ ложамъ, установились знаки и таинственныя слова. Хорошее поведеніе составляло необходимое условіе для вступающаго; повышеніе въ степеняхъ зависѣло отъ искусства въ работѣ. Въ то время образовались 22 ложи, размѣстившіяся въ Германіи, Швейцаріи и на границахъ Италіи; онѣ подчинялись Страсбургской, въ которой заключалось право верховнаго суда, и приговоры, разсылаемые ею повсюду, были извѣстны подъ названіемъ Hütten-briefe. Это установленіе много послужило къ пользѣ художествъ: во всѣхъ лучшихъ зданіяхъ того времени усматривается изящность и вкусъ Страсбургскаго зодчества.

Прекрасный памятникъ Маршала Графа де Саксъ, въ церкви Св. Апостола Өомы, извѣстенъ какъ мастерское произведенie; о немъ нечего сказать. Одна статуя скорбящей Францiи могла бы доставить славу Пигалю!

Отсюда мы не поѣхали сухимъ путемъ назадъ; но занявши мѣста на пароходѣ, доплыли до Ифельсгейма, гдѣ путешественниковъ ожидаетъ нѣсколько публичныхъ каретъ (omnibus). Выѣхавши изъ Стразбурга въ 8 часовъ утра, къ 11 мы уже прибыли въ Баденъ.

Чрезъ нѣсколько дней я разстался съ моими родными: въ наемной коляскѣ я ѣхалъ къ Фрейбургу. На дорогѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ дома, построеннаго для сбора пошлинъ; въ немъ останавливался несчастный Герцогъ Энгiенскiй на пути изъ Этенгейма, гдѣ онъ былъ арестованъ.

Фрейбургъ, мѣстопребыванiе старшаго Архiепископа, выстроенъ хорошо; но нечистота улицъ заставила правительство заняться его улучшенiемъ: теперь вездѣ проводятся небольшiе каналы для стока воды и нечистоты.

Ихъ дѣлаютъ прочно, а потому немного накладно для жителей, которые ропщутъ, не умѣя усматривать въ томъ своей выгоды. Соборъ замѣчателенъ красотою отдѣлки; онъ построенъ по образцу Стразбургскаго, только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ и съ большими измѣненіями.

Въ Фрейбургѣ я взялъ кабріолетъ и поѣхалъ къ Шафгаузену. Дорога проходитъ черезъ *адскую долину* — такъ называется мѣсто, гдѣ перпендикулярное возвышеніе скалъ образуетъ съ обѣихъ сторонъ гладкія стѣны, и на такомъ узкомъ пространствѣ, что едва есть мѣсто для небольшаго ручейка и узкой дороги, на которой два кабріолета съ трудомъ могутъ разъѣхаться. Рѣдко проникаетъ солнечный лучъ въ этотъ погребъ! Здѣсь показываются крестьянскіе домики; но прилѣпленные къ скаламъ, они имѣютъ видъ конуръ, изъ которыхъ выскакиваютъ дѣти и съ визгомъ преслѣдуютъ проѣзжающаго. — „Не уже „ли здѣсь всѣ такъ бѣдны?“ спросилъ я моего кучера.“ — „Конечно,“ отвѣчалъ онъ, „чѣмъ „же имъ жить? Здѣсь камень и песокъ; земли „нѣтъ — виноградъ не ростетъ, и фрукто-

„выхъ деревьевъ никогда не бывало. Жители „нанимаются перетаскивать бревна изъ лѣса „къ берегамъ рѣчки, откуда они сплавливаютъ „ихъ до Рейна. На заработанныя деньги бѣдняки „должны покупать хлѣбъ. У немногихъ найдет„ся молоко и яйца; что же до мяса, они не смѣ„ютъ и думать о немъ, а вино имъ вовсе „незнакомо." — „Вотъ настоящая адская долина!" подумалъ я, кинувъ нѣсколько мелкихъ монетъ полунагой женщинѣ, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Этимъ путемъ Моро совершилъ свое знаменитое отступленіе въ 1796 году. —

Въ Ленцкирхѣ, гдѣ, подобно какъ въ Вальдкирхѣ и Нейштадтѣ, процвѣтаетъ издѣліе стѣнныхъ часовъ и соломенныхъ шляпъ, я остался ожидать дилижанса. Онъ прибылъ ночью и мнѣ досталось мѣсто возлѣ кондуктора. Совершенная темнота не позволяла различать предметовъ и по одной только наклонности экипажа, я могъ примѣчать когда мы спускались съ горы, — а Шварцвальдскія горы не бездѣлица! Признаюсь, тѣмъ болѣе я не могъ быть равнодушнымъ, что лошади во все время бѣжали полною рысью и карета

съ самаго крутаго спуска катилась съ удивительною быстротою. Увѣренность кондуктора и спокойствіе пассажировъ заставили меня обратить вниманіе на спасительный механизмъ. Онъ простъ и слишкомъ извѣстенъ, правда; но потому что онъ извѣстенъ, я и хочу говорить о немъ. Для меня непонятно, почему у насъ до сего времени не могли приспособить его къ путевымъ экипажамъ. У насъ нѣтъ высокихъ горъ; за-то наши лошади не такъ пріѣзжены и при малѣйшемъ случаѣ закусываютъ удѣла, чего здѣсь не случается. Механизмъ удобенъ, простъ и дешевъ: кондукторъ, сидя напереди, повертываетъ рукоятку и въ тоже время сзади откидывается горизонтальная желѣзная полоса, которая прихватываетъ заднія колеса такъ, что они катиться не могутъ. При взъѣздѣ на крутизну горы, такимъ же образомъ выкидывается рычагъ, не позволяющій каретѣ подаваться назадъ, въ случаѣ если бы лошади на серединѣ горы остановились. Во всякое время кондукторъ, не сходя съ своего мѣста и на полномъ ходу, нѣсколькими оборотами рукоятки, можетъ полосу и рычагъ утвердить

на ихъ мѣстахъ: вся сила въ цѣпи, которая опускается, или натягивается по произволу.

Шафгаузенъ, существующій съ XI столѣтія, построенъ очень неправильно и въ немъ мало красивыхъ домовъ. Рейнъ раздѣляетъ его на двѣ части: одна принадлежитъ Баденскому Герцогству; другая, причислившаяся, въ XVI столѣтіи, къ одиннадцати Кантонамъ, сдѣлалась двѣнадцатымъ и вступила въ составъ Гельветійской республики. Я остановился на Баденской сторонѣ, которая гораздо лучше той. Главная промышленность жителей заключается въ набойкѣ узоровъ по коленкору, полотну и клеенкѣ. Чугуноплавильный заводъ Г. Фишера доведенъ до совершенства: здѣсь чугунъ получаетъ такую мягкость и гибкость, что его свободно можно ковать и гнуть, а закалка даетъ ему качество стали. Въ мелкой работѣ, какая требуется для нѣкоторыхъ машинъ и столовыхъ часовъ, онъ употребляется съ большимъ успѣхомъ.

Изъ Шафгаузена я отправилъ свой чемоданъ почтою до Цюриха, оставивъ при себѣ не-

большой походный мѣшокъ: мнѣ хотѣлось, слѣдуя берегомъ рѣки, дойти пѣшкомъ до Констанца; но прежде надобно было побывать у знаменитаго водопада! Въ 8 часовъ утра я снарядился въ путь. Съ котомкою на спинѣ и посохомъ въ рукѣ, я дошелъ до трактира у городскихъ воротъ, оставилъ свою сумку, заказалъ обѣдъ потому, что мнѣ надобно было возвращаться тѣмъ же путемъ, и отправился къ водопаду.

Сперва я шелъ по широкой дорогѣ, гдѣ засѣянныя поля, виноградники, огороды, пріятно разнообразятъ виды. Въ двухъ верстахъ предсталъ поворотъ: узкая сельская дорожка повела меня влѣво, и прошедши черезъ небольшую деревню, я очутился у рѣки. Здѣсь Рейнъ, быстро струясь между камней, отклоняется отъ своего направленія. Жители тѣмъ воспользовались: устроили плотины изъ самороднаго камня и поставили мельницы. Съ этого возвышенія, которое не болѣе какъ въ три фута, вода, переливаясь черезъ преграду, падаетъ широкимъ полотномъ, входитъ въ русло рѣки и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мельницъ образуетъ небольшой водопадъ, незаслуживающій

вниманія. Вся сила ея стремленія къ лѣвому берегу; тутъ изъ нѣсколькихъ скалъ высочайшая дѣлитъ ея напоръ на двѣ главныя части — Это знаменитый водопадъ! За нимъ Рейнъ, круто поворачивая влѣво, образуетъ загибъ, почти подъ прямымъ угломъ. Мнѣ надобно было обойти это мѣсто, чтобы стать противъ водопада — видъ чрезвычайный! Вода, не доходя до уступа, стелется широкою, гладкою пеленою; но потомъ, съ высоты 70 футовъ, съ ревомъ падаетъ внизъ. На вершинѣ остроконечной скалы, вырѣзанный изъ желѣзнаго листа и раскрашенный швейцарецъ, съ бердышемъ въ рукѣ, показываетъ точку, до которой путешественникъ долженъ достигнуть, если желаетъ насладиться совокупнымъ зрѣлищемъ двухъ водопадовъ. Смѣльчакъ долженъ на лодкѣ пробираться между двухъ кипучихъ потоковъ, подъѣхать къ подошвѣ скалы, взойти на нее, и стать тамъ, гдѣ поставлена фигура. Подвигъ затруднительный и безполезный: на лѣвомъ берегу устроена галлерея, съ которой можно видѣть водопадъ ближе и лучше. Изъ числа любопытныхъ, побывавшихъ на скалѣ, не всякій сознается, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

На самомъ берегу въ трехъ-этажномъ каменномъ домѣ, гдѣ устроена гостиница, отведена комната для камеръ-обскуры — я пошелъ туда, сѣлъ спиною къ окну, и передо мною опустили большой бѣлый картонъ. По мѣрѣ того, какъ слабѣлъ постепенно уменьшавшійся свѣтъ, предметы обозначались все явственнѣе на бумагѣ, и съ послѣднею задернутою занавѣскою, водопадъ величественный, кипучій, съ своими голубыми валами, съ пѣнистыми фонтанами и сребристымъ переливомъ, вдаль текущихъ струй, какъ живой перешелъ на бумагу! — Разсказываютъ, что одинъ Англичанинъ, посмотрѣвъ на водопадъ вблизи, съ презрительною улыбкою сказалъ: „только-то? Для того не стоило пріѣзжать изъ Англіи!" Но онъ же просидѣлъ, почти цѣлый день, у заманчиваго листа — не удивительно; это разгадывается просто: онъ воображалъ водопадъ чѣмъ-то ужаснымъ, и взглядъ на небольшую массу воды, заключенную въ широкой рамѣ огромныхъ предметовъ, не могъ быть для него удовлетворительнымъ. Все прекрасное теряется, утопаетъ въ окружающемъ. Водопадъ должно разсматривать отдѣльно; надобно за-

крыть глаза для всего и вперить ихъ въ воду — въ ней одной искать красоты!

Видѣвши водопадъ съ двухъ сторонъ и полюбовавшись имъ въ почтительномъ разстояніи, надобно посмотрѣть на него съ третьей — и бросить взглядъ въ самую бездну! Возлѣ ресторацiи всегда стоятъ лодки, готовыя для перевозки путешественниковъ на противоположный берегъ; я взялъ одну изъ нихъ; два искусныхъ гребца махнули веслами и мы понеслись въ разрѣзъ струи. Вблизи водопада въ рѣкѣ слышенъ сильный отзывъ; сотрясеніе передается лодкѣ, и эта *лихорадочная* зыбь пугаетъ женщинъ не на шутку. Причаливъ къ берегу, я пошелъ къ утесу, на которомъ построена галлерея. Скала до самой воды идетъ стѣною и кажется, что ея верхняя часть подалась впередъ навѣсомъ. Въ деревянной галлереѣ, довольно помѣстительной и снабженной скамѣйками, я сѣлъ, и долго глядѣлъ съ наслажденіемъ. Кто хочетъ видѣть водопадъ, тотъ долженъ смотрѣть на него съ этого мѣста. Для отважныхъ, сверхъ того сдѣланъ мостикъ изъ двухъ сплоченныхъ досокъ съ легкими перильцами; онъ тянется отъ одного угла утеса до дру-

таго и, покрытый брызгами воды, на цѣпяхъ виситъ надъ обрывомъ. На меня накинули вощанку, и я пошелъ по немъ до самаго края. Истинно величественное не можетъ восхищать; оно поражаетъ, изумляетъ! Не могу дать отчета въ томъ, что я видѣлъ, слышалъ, думалъ, отгадывалъ — это невыразимо! Я стоялъ на мокрыхъ доскахъ въ сильномъ страхѣ: у меня подъ ногами кипѣла бездна, въ которой огромные пѣнистые валы колесообразно вращались. Надъ головою громада ярыхъ волнъ! Я находился посреди водяныхъ горъ: однѣ, казалось, неслись прямо на меня; но не долетая, съ громомъ исчезали, тогда какъ другія подымались изъ пропасти, росли постепенно и потомъ, быстро опускаясь, открывали обширное жерло, откуда, подобно выстрѣламъ, вылетали облака водяной пыли, въ которой играли всѣ цвѣты радуги! . . . . Напрасно искалъ я остановить глаза на какомъ либо предметѣ; напрасно я собиралъ всѣ растерянныя способности, чтобъ отыскивать живописныя красоты въ отдѣльныхъ частяхъ этой безпрестанно движущейся картины — это было невозможно: такъ быстро смѣнялось одно другимъ; такъ непо-

стижимо сливалось все въ одно цѣлое — ужасное, невыразимо-величественное!

Отъ галлереи я сталъ взбираться на гору. На вершинѣ построена ротонда изъ сплошныхъ стеклянныхъ рамъ, принадлежащая къ усадьбѣ поселившагося здѣсь трактирщика. Съ этой высоты водопада не видно и Рейнъ кажется уже не такъ значительною рѣкою; онъ гладко стелется до порога и его рѣзвая струя, ударяясь о камни, пѣною накидываетъ красивый бѣлый узоръ на голубую пелену. — Осмотрѣвъ всѣ принадлежности затѣйливаго строенія, другою стежкою я достигъ рѣки, гдѣ меня ожидала лодка; на томъ берегу я еще разъ остановился противъ водопада, чтобъ посмотрѣть на эту картину во всемъ ея пространномъ объемѣ. —

Въ Шафгаузенѣ надобно было мнѣ проходить черезъ мостъ, соединяющій Баденскій городъ съ Швейцарскимъ; онъ плохо замѣняетъ прежній, сожженный Французами въ 1779 году. Швейцарская половина не имѣетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ древняго монастыря *Парадисъ*, получившаго извѣстность по нѣкото-

рымъ мѣстнымъ историческимъ событіямъ. Здѣсь нѣтъ и тѣхъ видовъ, которыми Рейнъ такъ изобилуетъ. Начиная отъ Шафгаузена, все перемѣнилось: клочки полей, сплющенныя горки, уродливые кусты и вообще, какое-то унылое однообразіе — вотъ все, что я встрѣтилъ, и если къ тому добавить дурные деревенскіе трактиры, брюзгливыхъ хозяекъ, грубыхъ трактирщиковъ, крикливыхъ дѣтей — отчетъ будетъ самый вѣрный. Я былъ въ дурномъ расположеніи духа, сердился за все, на всѣхъ, а всего болѣе на себя; но къ вечеру я увидѣлъ берега прелестнаго Боденсее (Lac de Constance) и совершенно забылъ досаду. Верстахъ въ 10 отъ Констанца я ночевалъ въ опрятномъ домикѣ, гдѣ нашелъ радушный пріемъ и совершенно отдохнулъ душею. На другой день въ 9 часовъ утра я смиренно вытрясалъ свой походный мѣшокъ передъ неумолимымъ исполнителемъ таможенныхъ законовъ. —

Констанцъ, основанный Римлянами въ IV столѣтіи, расположенъ на лѣвомъ берегу Рейна. Въ VI вѣкѣ онъ распространился и сдѣлался

Имперскимъ городомъ. Въ 1805 году Австрія уступила его Баденскому Герцогу.

Кто посмотритъ теперь на него, не захочетъ повѣрить, чтобы здѣсь былъ Соборъ, на которомъ присутствовалъ Императоръ Сигизмундъ, Папа Іоаннъ XXIII, 26 Князей, 140 Графовъ, болѣе 20 Кардиналовъ, 7 Патріарховъ, 20 Архіепископовъ, 92 Эпископа, 600 Прелатовъ и Докторовъ Богословія и 4,000 Священниковъ. Въ Констанцѣ, гдѣ въ то время считалось 36,000 жителей, собралось на Соборъ около 100,000 человѣкъ, и въ теченіи 4 лѣтъ: отъ 1414 по 1418 годъ, пока продолжались пренія, жизненные припасы на столько поднялись цѣною, что большая часть гражданъ принуждена была перебраться въ Сен-Галленъ. Теперь въ Констанцѣ не болѣе 4,500 жителей; много домовъ развалилось и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицы поросли травою.

Въ соборѣ, главнѣйшемъ зданіи, построенномъ въ 1052 году, показываютъ мѣсто, гдѣ былъ произнесенъ приговоръ Іоанну Гуссу. Путешественниковъ водятъ въ знаменитую залу

собора; тамъ хранятся: тронъ Папы Мартина, кресло Императора Сигизмунда и дверь отъ тюрьмы, въ которой содержался Гуссъ. Противъ Папскаго престола стоятъ три восковыя фигуры; одна изображаетъ Гусса, другая Іеронима Прагскаго, третья Доминиканскаго монаха Целестина. Всѣ три, въ полный ростъ человѣка и въ одеждѣ того времени, были работаны съ оригинальныхъ портретовъ и славятся сходствомъ.

Іоаннъ Гуссъ, сынъ крестьянина, родился въ Богеміи, въ Римскомъ исповѣданіи; своими необыкновенными способностями и успѣхами въ наукахъ, онъ достигъ званія Доктора Богословіи. Чтобы понять причину его внезапнаго отпаденія отъ Церкви, надобно взглянуть на событія той эпохи. Констанцскій Соборъ представилъ глазамъ удивленной Европы трехъ Папъ въ одно время: Іоанна XXIII, Григорья XII и Венедикта XIII, тягавшихся передъ свѣтскими властями въ ихъ правахъ на митру. Каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ Кардиналовъ и каждый щедро одѣлялъ отлученіями, проклятіями, своихъ противниковъ и разрѣшеніями грѣховъ своихъ приверженцевъ. Гри-

горій и Венедиктъ прислали Легатовъ; Іоаннъ, признанный правящимъ, находился въ Констанцѣ. Духовные внутренно презирали другъ друга, и какъ ни старались прикрываться личиною ревности ко благу Церкви, но злоба жестокая, неукротимая, всегда выскользала изъ-подъ гнета. Ругательства, клятвы, улики, проклятія, градомъ сыпались со всѣхъ сторонъ; все сдѣлалось явнымъ, и соблазнъ дошелъ до того, что постыднѣйшіе доносы не оставались тайною ни для кого. Гуссъ былъ человѣкъ строгихъ правилъ и поведенія неукоризненнаго; онъ не могъ переносить стыда принадлежать къ такому сословію и совѣсть не дозволяла ему безусловно подчинить себя руководству такихъ людей. Въ этомъ положеніи трудно было найти середину; онъ позволилъ себѣ сильныя выходки противъ злоупотребленія Іерарховъ, и мѣстомъ для своихъ проповѣдей избралъ свое отечество. Въ то время Іеронимъ Пражскій, ученикъ и другъ его, только что возвратившійся изъ Англіи, привезъ съ собою проповѣди Виклефа, который не только что вооружался противъ злоупотребленій Римскаго духовенства, но и явное дѣлалъ нападеніе на права̀ верховнаго лица.

Сначала Гуссъ ужаснулся такого рѣшительнаго отступленія; до того, у него были въ предметѣ одни люди своего времени; но наконецъ, завлеченный убѣжденіями своего друга и собственнымъ негодованіемъ, не съумѣлъ удержать себя въ предѣлахъ умѣренности: загорѣлась новая мысль, и онъ съ своей каѳедры объявилъ рѣшительную войну Римской Іерархіи. Вытребованный въ Констанцъ къ отвѣту, проповѣдникъ явился съ полною увѣренностью, что охранительная грамота, присланная ему Императоромъ Сигизмундомъ, защититъ его и что онъ будетъ имѣть возможность оправдать свои мнѣнія и свои слова передъ Соборомъ; но вышло иначе: только что онъ прибылъ, подъ предлогомъ переговоровъ его заманили на совѣщаніе съ Кардиналами, схватили и посадили въ тюрьму. Между тѣмъ хитрый Сигизмундъ, избѣгавшій разрыва съ духовенствомъ, согласился признать ничтожность своей собственной грамоты, основываясь на томъ, что Соборъ выше Императора и что Гуссъ, какъ обвиненный въ ереси, подлежалъ суду духовному.

Въ то время какъ отступникъ, оставленный всѣми, во власти своихъ непримири-

мыхъ враговъ, томился въ тюрьмѣ, въ ожиданіи своего приговора, соблазнъ мірскихъ обратился въ сильное негодованіе. Папа Іоаннъ содержался подъ политическимъ арестомъ и замышлялъ бѣгство; но для того нужны были способы — а онъ ихъ не имѣлъ. Фридерикъ, Герцогъ Австрійскій, взялся ему помогать. Чтобъ обмануть бдительность Императора, Герцогъ составилъ турниръ и пока всѣ были заняты зрѣлищемъ, Папа, въ одеждѣ почталіона, верхомъ былъ выпровоженъ за городскія ворота и такимъ образомъ доѣхалъ до Шаффгаузена, гдѣ уже былъ въ безопасности, а Соборъ, ему вслѣдъ, грянулъ приговоромъ!!!

Послѣ бѣгства Іоанна, потребованы были къ суду Венедиктъ и Григорій; послѣдній добровольно отказался отъ своихъ правъ и умеръ въ *Реканати* подъ своимъ именемъ Ангело Коpapio, а Венедиктъ, упрямый 78-лѣтній старикъ, оставленный своими Кардиналами, за исключеніемъ двухъ, хотѣвшихъ раздѣлять его участь, поселился въ *Пѣнисколѣ*, откуда сыпалъ проклятіями на весь Соборъ и всякій день дарилъ Короля Арагонскаго новымъ отлученіемъ. Такъ продолжалось до дня его кон-

чины. Между тѣмъ въ Констанцѣ приступили къ избранію Папы. Послѣ многихъ затрудненій избранъ былъ Оттонъ Коллона, который взошелъ на престолъ подъ именемъ Мартина V. Сигизмундъ, послѣ того, какъ онъ явно ругался надъ тремя его предшественниками, велъ за узду лошадь, на которой торжественно въѣзжалъ новый Іерархъ!!!

Тутъ вспомнили о Гуссѣ: онъ былъ приведенъ и поставленъ передъ Мартиномъ; его другъ Іеронимъ и монахъ Доминиканецъ стояли возлѣ него, какъ изображаютъ восковыя фигуры. Доминиканецъ повторилъ свои убѣжденія; но Гуссъ отвѣчалъ, что не почитаетъ себя ни въ чемъ виновнымъ и охотно готовъ подвергнуться участи, его ожидающей. Тогда подъ стражею 800 вооруженныхъ воиновъ, его повели до мѣста казни, гдѣ онъ громогласно повторилъ передъ народомъ, что умираетъ невиннымъ. Лудовикъ Баварскій, которому поручено было исполненіе приговора, приказалъ взвести его на костеръ и приковать цѣпями къ столбу. Прежде чѣмъ подложенъ былъ огонь, Герцогъ подъѣхалъ и въ послѣдній разъ убѣждалъ его сознаться въ заблужденіи; но

когда увидѣлъ его до конца непреклоннымъ, подалъ роковой знакъ — и костеръ запылалъ!

. . . .

. . . . Іеронимъ бѣжалъ; но пойманный на границѣ, онъ былъ приведенъ обратно въ Констанцъ, гдѣ его осудили на такую же казнь. —

Когда окончились дѣла̀ Собора и всѣмъ надобно было разъѣзжаться, Императоръ, въ затрудненіи, какимъ образомъ выпроводить свою свиту, которая много задолжала, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ переговоровъ съ жителями, не хотѣвшими ожидать никакихъ сроковъ, созвалъ почетнѣйшихъ гражданъ въ Ратушу; тутъ, при краснорѣчивомъ изъявленіи своего особеннаго расположенія къ Констанцу, онъ намекнулъ о предпочтеніи, оказанномъ городу въ назначеніи его мѣстомъ для Собора, и въ заключеніе предложилъ, въ обезпеченіе должной имъ суммы, свою серебряную посуду. Когда граждане на то согласились, онъ добавилъ, что притомъ ему представляется неприличнымъ лишать себя такихъ вещей, которыя должны быть въ ежедневномъ употребленіи; но находитъ возможнымъ отдать имъ

парчу и матеріи, цѣнною превосходящія посуду. Получивъ и на то ихъ согласіе, онъ приказалъ, содранную со стѣнъ и мебели дворца обивку, уложить въ ящики и отправить въ Ратушу; послѣ чего онъ залога не выкупалъ, а отрѣзки съ нашитыми на нихъ гербами, не поступившіе въ продажу, остались памятникомъ особеннаго его расположенія къ городу!!!

Съ грустью на сердцѣ я глядѣлъ на опустѣвшіе домà, запертыя лавки, недостроенныя зданія; на груды камней и на мостовыя, поросшія травою. Это наводило на меня уныніе! На другой день въ четыре часа утра, я взошелъ на пароходъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты отчала. Выстрѣлила вѣстовая пушка; пассажиры стали собираться; прозвонилъ колоколъ — и мы пошли. Погода была пасмурная; туманъ носился надъ водою. Черезъ часъ туманъ поднялся, и со всѣхъ сторонъ стали открываться прекрасные виды: вправо тянулось нѣсколько рядовъ горъ съ обнаженными скалами, которыхъ снѣжныя вершины совершенно сливались съ облаками. Тутъ же начиналась другая цѣпь горъ, не столь высокихъ, за то красивыхъ; покрытыя роскошною зе-

лесью и виноградниками, онѣ отдѣлялись отъ прочихъ; но внизу ихъ зелень такъ хорошо слѣпливалась съ дико-голубымъ цвѣтомъ воды. Впереди, въ концѣ пространной водяной ровнины, мелькали бѣлыя точки; онѣ росли по мѣрѣ того, какъ мы подвигались, и красивые домà города Линдау постепенно выходили изъ воды. Вскорѣ легкимъ полукружіемъ стали рисоваться его берега, усѣянные деревьями, сельскими домиками и садами. Когда мы вошли въ гавань и я пошелъ осматривать городъ, я нашелъ его вовсе не такъ красивымъ; но съ озера всѣ недостатки покрываются живописнымъ мѣстоположеніемъ. Пробывши нѣсколько часовъ въ Линдау, я взялъ кабріолетъ и черезъ полтора часа пріѣхалъ въ Брегенцъ.

Этотъ городокъ находится на покатости возвышенія, что издали ему даетъ видъ живописный; но строеніемъ и расположеніемъ улицъ онъ хуже Линдау. Гора Гебгардтъ не высока и всходъ на нее очень легокъ. Съ возвышенности, гдѣ построенъ небольшой тракширъ, виды чрезвычайные. Въ маленькой комнатѣ, замѣняющей бельведеръ, большая зрительная труба, стоявшая на столѣ, при-

влекла къ себѣ трехъ студентовъ; хозяинъ съ жаромъ выхвалялъ ея совершенство и, чтобъ еще сильнѣе подѣйствовать на своихъ слушателей, нашелъ нужнымъ добавить, что въ хорошую погоду онъ можетъ видѣть, который часъ на башенныхъ часахъ Констанца. Студенты не могли удержаться отъ смѣха, и чѣмъ больше хозяинъ обижался, тѣмъ больше они смѣялись — не знаю чѣмъ бы все кончилось, если бы молодые люди, не въ состоянiи будучи владѣть собою, не выскочили изъ комнаты; ихъ громкiй смѣхъ еще долго раздавался на дворѣ. Хозяинъ стоялъ возлѣ оставшихся гостей въ большомъ замѣшательствѣ. — „Принесите намъ еще вашего хорошаго вина," сказалъ я ему, „такого „не вездѣ случится пить." Старикъ съ живостью побѣжалъ внизъ и черезъ двѣ минуты возвратился съ двумя бутылками; тогда началась похвала вину. Я соглашался съ нимъ во всѣхъ качествахъ этого полу-уксуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, поспѣшно выливалъ его въ стаканы всѣхъ тутъ бывшихъ. —

Выѣхавши изъ Брегенца за два часа до разсвѣта, я прибылъ въ Линдау къ тому вре-

мени, какъ пароходъ готовъ былъ отчалить. Наше направленіе было къ Роршаху, слѣдственно влѣво и ближе къ тѣмъ горамъ, которыя наканунѣ у меня были вправо — я это твердо помнилъ всходя на пароходъ; но когда мы отошли отъ берега на порядочное разстояніе и разсвѣло совершенно, лучи восходившаго солнца все измѣнили — неожиданная, удивительная картина развилась передъ нами: на поверхности воды загорѣлась точка, и сквозь густой туманъ проникъ первый лучъ свѣтила; блеснулъ небосклонъ; по снѣжнымъ вершинамъ горъ пробѣжала огненная струя, и отъ поверхности воды потянулся туманъ вверхъ прозрачною пеленою. Пары, сгущаясь и разстилаясь, принимали видъ, то высокихъ снѣжныхъ горъ съ блѣдно-желтыми отвѣсами и сизо-розовыми скалами, то остроконечныхъ башенъ съ блестящими шпицами, или вдругъ склубившись въ одно густое облако, висѣли надъ водою — потомъ, постепенно раздвигаясь во всѣ стороны, тонкою пеленою застилали окрестность. Зеленыя горы съ деревьями и кустарникомъ являлись загадочными очерками сквозь опаловую пелену, а каменныя строенія, на которыхъ отражался лучъ солн-

ца, блистали какъ звѣздочки. Цвѣтъ воды, проникнутый яркимъ свѣтомъ, сливался съ прозрачною зеленою и полуосвѣщеннымъ небосклономъ — все составляло что-то нераздѣлимое, фантастическое — невыразимо-прекрасное! Едва глазъ начиналъ различать предметъ, какъ облако вновь его застилало, и загадка оставалась опять неразрѣшенною! — Такъ мы плыли нѣсколько верстъ. Я долго восхищался этою картиною и полагалъ, что по мѣрѣ восхожденія солнца, она станетъ развертываться; но какъ я ошибся! Только что оно поднялось, вмѣстѣ съ тѣмъ поднялись и новые пары, совершенно закрывшіе всѣ предметы. Мы принуждены были остановиться и дать нѣсколько сигналовъ колоколомъ, чтобъ узнать настоящее направленіе. Изъ гавани намъ отвѣчали также, и по одному только продолжавшемуся звуку колокола, мы достигли пристани. Городъ открылся тогда, какъ мы подошли къ нему на разстояніе тридцати шаговъ. —

ШВЕЙЦАРІЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Роршахъ. — Сен-Галленъ; Аббатство. — Гора Фрейденбергъ. — Почлегъ у пастуховъ. — Гора Сентисъ. — Раперсвиль. — Цюрихское озеро. — Гора Альбисъ. — Гольдау. — Гора Риги; историческія воспоминанія. —

Пароходъ подтянулся къ высокой набережной, выложенной широкими плитами; еще не успѣли набросить доску, какъ я выпрыгнулъ на берегъ и съ восхищеніемъ ступалъ по неровнымъ камнямъ худо вымощенной улицы, безпрестанно повторяя: я въ Швейцаріи! — Какъ сильно воображеніе! Отъ Шафгаузена до Констанца, слѣдовавши правымъ берегомъ рѣки, я уже былъ въ Швейцаріи, но тогда мнѣ это и не приходило на мысль: въ моемъ путешествіи по Рейну, я упорно хотѣлъ видѣть одинъ только Рейнъ; но въ Роршахѣ начинался обзоръ прекрасной Гельвеціи и чудесъ

ся природы; здѣсь меня ожидалъ входъ въ галлерею удивительныхъ картинъ — приступъ къ давно желаннымъ впечатлѣніямъ! Полицейскій чиновникъ въ длинномъ зеленомъ сюртукѣ, въ круглой лакированной шляпѣ, съ тесакомъ на черной портупеѣ, важно подошелъ ко мнѣ и спросилъ у меня мой видъ. Увлеченный мечтами, я лазилъ по утесамъ, а передъ собою видѣлъ длинную фигуру, которую безотчетно осматривалъ съ ногъ до головы. Вѣроятно мои наблюденія не понравились ему. — „Пожалуйте мнѣ вашъ видъ," — повторилъ онъ такимъ голосомъ, что легко можно было подумать, что ихъ тутъ было шесть, тянувшихъ одну ноту, — „я кажется громко говорю!" — „И въ первый разъ громко," отвѣчалъ я, „а во второй еще громче; вотъ мой видъ." Я подалъ ему паспортъ, къ которому переплетчикъ въ Кельнѣ, пришилъ тетрадку для помѣщенія прописей, и пошелъ за нимъ въ караульню. Тамъ чиновникъ, плохой грамотей, ворочая листы книжки, искалъ чего-то прилежно. Чтобъ ему помочь, я развернулъ паспортъ, сложенный вчетверо. — „Что это — что это такое?" спросилъ онъ, водя глазами по русскимъ буквамъ, съ такимъ видомъ, какъ

бы смотрѣлъ на кучу клоповъ. — „Это мой „паспортъ; тутъ написано кто я, откуда и „куда ѣду; на оборотѣ найдете нѣмецкій пере„водъ." — „Да вы были въ Брегенцѣ?" — „Ко„нечно, я прибылъ оттуда на пароходѣ." — „Такъ мнѣ больше ничего не нужно; покажите „мнѣ пропись тамошней полиціи, и я свою при„ложу. Тамъ хорошо разсматриваютъ, и если бы „нашли безпорядокъ, вѣрно бы не прописали, а „мнѣ до вашей особы никакого нѣтъ дѣла." — Я отыскалъ требуемую подпись, и онъ подъ нею какими-то іероглифами, написалъ Роршахъ, мѣсяцъ, число, свое имя, и приложилъ печать. Когда все было кончено и путевая книжка опять помѣстилась въ карманѣ, я счелъ нужнымъ проститься съ нимъ учтивымъ поклономъ; Швейцарецъ поднялъ руку — я думалъ къ шляпѣ, — а онъ почесалъ носъ! Въ воображеніи тоже, что въ музыкѣ: въ минуту увлекательныхъ гармоническихъ аккордовъ, фальшиво взятая нота, куда какъ бываетъ досадна!

Роршахъ небольшой, но порядочно выстроенный городокъ, принадлежитъ къ Сенъ-Галльскому кантону. Его гавань, почитаемая лучшею изъ всѣхъ гаваней Констанцскаго озера,

много способствуетъ его промышленности: здѣсь производится значительный торгъ хлѣбомъ, который доставляется сюда изъ Виртемберга, а отсюда расходится по всей Швейцаріи. —

Кто не бывалъ на Швейцарскихъ горахъ, тотъ не знаетъ необходимости запасаться особенными башмаками. Чтобы достать такіе, необходимо прибѣгать къ извѣстнымъ мастерамъ. Мнѣ рекомендовали одного изъ лучшихъ, и онъ снабдилъ меня обувью, въ которой было нѣсколько фунтовъ вѣсу, за то онъ ручался, что никакіе камни не протрутъ подошвы, окованной гвоздями. Въ табачной лавкѣ я нашелъ длинную палку съ заостренымъ желѣзнымъ наконечникомъ; она была цѣлымъ аршиномъ выше меня. Продавая ее, табачникъ нашелъ нужнымъ снабдить меня наставленіемъ: „башма„ки," сказалъ онъ, постукивая пальцемъ по табакеркѣ, — „могутъ быть вамъ полезны толь„ко для того, чтобъ не поскользнуться въ опа„сныхъ мѣстахъ и чтобъ оберегать ноги отъ „острія мелкихъ камней; но палка — палка, „сударь мой," тутъ онъ ударилъ ладонью по табакеркѣ, „она другъ человѣка! Изнемо-

„жители, вы на нее обопретесь; поскользне-
„тесь ли, она васъ удержитъ; захотите пе-
„репрыгнуть через разсѣлину, вы воткнете за-
„остреный конецъ въ противоположный край,
„и обѣими руками взявшись за оконечность, вы
„сдѣлаете такой прыжокъ, какой можетъ сдѣ-
„лать одна только коза! — „Довольно! доволь-
„но!“ сказалъ я, „всякой науки сначала поне-
„многу.“ — Обутый въ тяжеловѣсные башма-
ки, съ длинною палкою въ рукѣ, съ котом-
кою на плечахъ, въ которой укладывалось не-
обходимое изъ бѣлья — однимъ словомъ, снаб-
женный всѣмъ, кромѣ опытности и искусства,
я явился въ контору дилижансовъ; взялъ мѣ-
сто, и послѣ трехъ-часовой ѣзды, пріѣхалъ въ
Сен-Галленъ.

Городъ образовался постепенно изъ доми-
ковъ, строенныхъ возлѣ стѣнъ монастыря
знаменитаго Аббатства. Сначала жители поль-
зовались неограниченною свободою; но въ X
столѣтіи ихъ подвергли переписи и податямъ.
До 1567 года они съ большими усиліями бо-
ролись за независимость и наконецъ успѣли сло-
жить съ себя обязанность повиновенія мона-
хамъ. Въ этомъ году высокая каменная стѣна

отдѣлила ихъ отъ Аббатства; но совершенную самостоятельность они пріобрѣли не прежде XVII столѣтія. Городъ выстроенъ на покатости невысокой горы и очень красивъ. —

Аббатство, занимающее почетное мѣсто въ Исторіи, заслуживаетъ, чтобъ о немъ упомянуть: монастырь, основанный Пепиномъ Эристелемъ въ концѣ VII столѣтія, получилъ свое названіе по Шотландцу Сен-Галлю, который построилъ хижину на берегу рѣки Штейнахъ, и умеръ въ 640 году. Первымъ Аббатомъ былъ Отмейеръ; ему ученый міръ обязанъ заведеніемъ правильной школы. Въ то время, какъ Европа снова погружалась въ невѣжество, Сен-Галленскіе монахи, втеченіе трехъ вѣковъ, подобно древнимъ весталкамъ, хранили огонь просвѣщенія. Въ XI вѣкѣ они еще снабжали Германію и Францію профессорами; но впослѣдствіи, воинскій духъ заступилъ мѣсто угасавшаго любознанія: титулъ Имперскаго князя, данный Императоромъ Филиппомъ Аббату Ульриху, и потомъ переходившій ко всѣмъ его преемникамъ, былъ причиною, что монахи-рыцари до XV столѣтія не переставали прибѣгать къ войнѣ во всякомъ случаѣ, гдѣ только могли

усматривать свою выгоду. Отъ XVI столѣтія по XVIII, заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ, они не смѣли взяться за оружіе. Въ 1798 году Аббатство лишилось всѣхъ мірскихъ правъ, а въ 1805 оно было совершенно уничтожено. —

Въ Сен-Галленскомъ кантонѣ двѣ горы знамениты: Каморъ и Гохъ-Сентисъ. На первую всходятъ ради прекрасныхъ видовъ и ея богатаго травника; вторая привлекаетъ къ себѣ любителей ужасовъ природы: она отличается своею высотою, простирающеюся до 7,671 фута, и опасностями, которымъ подвергается странникъ, желающій посѣтить ея вершину. Сентисъ сдѣлался предметомъ любопытства путешественниковъ, и затрудненія не удерживаютъ смѣльчаковъ. Мой странный нарядъ обличалъ во мнѣ рѣшительнаго *горолаза*; въ тракпирѣ меня встрѣтили восклицаніемъ: *а, вы вѣрно пробираетесь къ Сентису?* „Жребій выпалъ!“ подумалъ я, и послѣ ранняго обѣда, снарядившись въ путь, пошелъ къ горѣ Фрейденбергъ, примыкающей къ городу. Прекрасная дорога ведетъ къ ея вершинѣ, гдѣ построена ресторація съ большою танцоваль-

ною залою. Сюда собирается Сен-Галленская молодежъ гулять по склону горы подъ тѣнью деревьевъ, наслаждаться плѣнительными видами, по которымъ гора получила названіе Фрейденберга (горы радостей) и кончать вечеръ танцами. Надъ домомъ поставленъ бельведеръ съ тремя окнами; каждое изъ нихъ даритъ особенною картиною. Здѣсь нѣтъ тѣхъ необыкновенныхъ, капризныхъ *состроеній* природы, которыми Швейцарія изобилуетъ; но какое-то пріятное сочетаніе цвѣтовъ въ огромной картинѣ: изъ одного окна видны макушки сосенъ, покрывающихъ крутизну горы; за ними на отлогости, прудки съ купальнями, а дальше подъ горою, какъ пестрый букетъ цвѣтовъ, брошенный на зеленый коверъ, рисуется Сен-Галленъ съ его красивыми домами. Отъ города по двумъ направленіямъ разсыпаны загородные домики и хозяйственныя сельскія строенія; они вмѣстѣ съ садами, огородами и большими квадратами кустовыхъ растеній, составляютъ узоръ ковра, который тянется до небольшой горы, столь пологой, и такъ согласной съ цѣлымъ, что и эта часть тотъ же коверъ, только приподнятый съ конца.

Изъ другаго окна подобный видъ до береговъ Констанцскаго озера; но тутъ кустовое растеніе сгущаетъ зелень, и берегъ имѣетъ видъ темно-зеленаго окрайка у свѣтлодикой скатерти воды. —

Когда я подошелъ къ третьему окну, мнѣ представилась подошва горы и деревня Сан-Тюркенъ, закрытая высокими деревьями; ея существованіе можно было только отгадывать по нѣкоторымъ возвышеннымъ частямъ строеній, кое-гдѣ проглядывавшимъ изъ-за вѣтвей. Вдали цѣпь высокихъ горъ полукружіемъ обхватываетъ всю лѣвую сторону и теряется за миловидными зелеными горами Фёгельсексна — эти гораздо ближе къ Фрейденбергу. Изъ-за всѣхъ горъ великанъ Сентисъ выказываетъ свои остроконечныя скалы. Часть его хребта покрыта снѣгомъ; онъ кажется ужаснымъ, недоступнымъ!

Въ то время, какъ я смотрѣлъ на него, вошедшій трактирщикъ взялся снабдить меня полнымъ маршрутомъ. По его указаніямъ, сошедши съ Фрейденберга, я прошелъ чрезъ деревню Сан-Тюркенъ, и взялъ прямое направле-

ніе къ горѣ. Верстахъ въ десяти меня ждалъ ночлегъ въ деревнѣ Тюфѣ. При входѣ въ пріемную комнату, довольно опрятную, моимъ глазамъ представилось: большое окно изъ четырехъ сплошныхъ рамъ, широкая скамья у стѣны, длинный дубовый столъ и на немъ двѣ большія кружки съ пивомъ; изъ-за нихъ выказывались два лица поразительной противоположности: одно блѣдное и худощавое принадлежало, какъ я узналъ послѣ, странствующему живописцу; другое красное и замѣчательнаго объема, рѣзко отдѣлялось отъ бѣлаго халата, бѣлаго колпака и сѣдыхъ волосъ. Фигура хозяина дома, облокотившагося обѣими руками на столъ, походила на бѣлый павиліонъ, вверху котораго прибитъ значекъ страховаго общества. На мою длинную фразу, заготовленную подобно докладной запискѣ, я не получилъ отвѣта, а что привѣтствіе было принято, я имѣлъ на то доказательство въ кисточкѣ колпака, которая легкимъ движеніемъ руки была переброшена на другую сторону. Хозяйка лѣтъ пятидесяти, высокая, худощавая, съ связкою ключей на поясѣ, приняла меня радушно; салфеткою обтерла столъ, гдѣ еще оставались слѣды стакановъ, и поставивъ ша-

кую же глиняную кружку, съ улыбкою просила меня присѣсть и отвѣдать пива. Оно было хорошо, но на этотъ разъ мнѣ не по вкусу: я былъ голоденъ, утомленъ; кусокъ жареной говядины, картофель облитый масломъ, и потомъ, мягкая высокая постель мнѣ больше понравились.

Въ деревнѣ Апенцель мнѣ доставили необходимые съѣстные припасы и проводника, имѣвшаго письменные аттестаты отъ разныхъ путешественниковъ въ совершенномъ знаніи всѣхъ тропинъ. На Сентисъ взойти и съ него спуститься однимъ днемъ невозможно. Дорогою къ намъ присталъ крестьянинъ, возвращавшійся въ свою деревню. По его словамъ, предстояло много опасныхъ переходовъ и онъ предложилъ себя въ проводники. Я очень радъ былъ находкѣ, и мы трое, поднявшись на высоту трехъ тысячь футовъ, къ вечеру достигли хижинъ пастуховъ (chalets).

Въ этой долинѣ, до которой надобно добираться крутымъ всходомъ, построено нѣсколько сараевъ и одна изба. Жители держатъ здѣсь коровъ во все лѣто, а при на-

ступленіи глубокой осени, отводятъ ихъ въ деревню, оставляя на-зиму строеніе пустымъ. Хижина занималась тремя пастухами, которымъ ввѣрено стадо и сковъ молока. Маленькая канурка служила имъ убѣжищемъ отъ непогоды и кладовою, гдѣ они хранили все для нихъ потребное. Туда они собирались обѣдать и ужинать. Ихъ пища тяжела для непривычнаго желудка. Не хотѣвши трогать своего запаса, который могъ быть мнѣ очень нуженъ на горѣ потому, что на другой день предстояло четыре часа труднаго пути для всхода и другіе три, для того, чтобъ спуститься по ту сторону въ долину, я рѣшился, не развязывая своего узелка, приступить къ ужину пастуховъ. На столѣ, освѣщенномъ лампадою, было три блюда: холодное молоко съ густымъ отстоемъ, горячая сыворотка и смѣтана, черезъ огонь превращенная въ какой-то густой кремъ, плававшій въ маслѣ. Этого чрезвычайно жирнаго кушанья, я съ трудомъ могъ проглотить ложку. Пастухи мало знакомы съ хлѣбомъ; они рѣдко варятъ картофель и утверждаютъ, что молочная пища ихъ такъ насыщаетъ, что они не чувствуютъ никакой нужды въ другой. Черная жирная собака, сто-

явшая у стола въ ожиданіи остатковъ ужина, кормится однимъ молокомъ — не удивительно: питательность молока извѣстна; но какая же нужна для того и привычка! — По окончаніи пастушеской трапезы, при которой я былъ болѣе зрителемъ, чѣмъ участникомъ, насъ повели въ общую спальню на сѣнникъ, или чердакъ сарая, гдѣ на кучѣ сѣна, мы помѣстились къ одной сторонѣ, а хозяева уладили себѣ постель къ другой; но прежде чѣмъ они улеглись, надобно было выслушать ихъ пѣсни: задавая ночной кормъ скоту, они имѣютъ обыкновеніе пѣть. Горный напѣвъ состоитъ изъ вскрикиваній, при которыхъ выказывается вся сила горловаго голоса. Коровы, или неравнодушныя къ мелодіи, имъ столь не чуждой, или отъ нетерпѣнія получить ожидаемую пищу, начинаютъ въ то же время ревѣть особеннымъ образомъ. Этотъ концертъ продолжался около часа, послѣ чего коровы принялись за сѣно, пастухи улеглись и въ *шалѣ* все притихло; но въ полночь поднялась сильная буря. Какъ она ужасна на Альпійскихъ горахъ! Каждый гулъ, дробясь въ отголоскахъ, представляется могучимъ голосомъ, произносящимъ невнятныя слова. Долго этотъ великанъ продолжалъ разговаривать съ

нами! Къ утру дождь утихъ, вѣтръ сталъ перемѣняться и можно было отважиться на продолженіе пути. Общимъ совѣтомъ было рѣшено, оставя прямое направленіе къ Септису, гдѣ въ обнаженныхъ мѣстахъ порывъ вѣтра легко можетъ сбросить путника въ пропасть, идти боковою тропинкою черезъ сосѣднія горы.— „Здѣсь переходъ еще опаснѣе," сказалъ старикъ, „но за то вы будете защищены отъ вѣтра, „и если у васъ голова не подвержена круженію, „могу вамъ поручиться, что проберетесь."—Я хотѣлъ ужь отказаться отъ этого милаго путешествія, но взглянулъ на свои тяжелые башмаки, на длинную палку, и невольно улыбнулся: боевой нарядъ такъ худо согласовался съ моимъ миролюбнымъ расположеніемъ духа, что, въ своихъ собственныхъ глазахъ, я становился какимъ-то жалкимъ, комическимъ лицомъ.— Пускай господа психологи, трудящіеся надъ отыскиваніемъ всѣхъ извилистыхъ вѣтвей душевной силы, растолкуютъ, что это такое? Сначала мнѣ было смѣшно; потомъ стыдно, досадно, и наконецъ нестерпимо больно; я вскочилъ съ своего мѣста, взялъ палку въ руки и выговорилъ „*идемъ*!" такъ, что этому *идемъ* могъ бы позавидовать самъ Каратыгинъ —

я сдѣлался человѣкомъ отважнымъ и рѣшительнымъ!

Вершина Сеннтиса раздѣлилась на двѣ остроконечныя скалы, соединенныя между собою хребтомъ, по бокамъ котораго висятъ снѣжныя глыбы. Одно мѣсто столько открыто и переходъ такъ труденъ, что при сильномъ вѣтрѣ нѣтъ никакой возможности пробраться. Не задолго передъ моимъ прибытіемъ четыре путешественника едва не сдѣлались жертвою своей неосторожности: неопытный проводникъ повелъ ихъ не смотря на худую погоду; къ счастью, они еще не успѣли дойти до опаснаго перехода, когда порывъ вѣтра ихъ сбросилъ съ высоты, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было обрыва. Хотя они удачно удержались на уступѣ, совсѣмъ тѣмъ, прокатились довольно далеко. Покрытые ранами, кое-какъ они добрались до долины, откуда на лошадяхъ ихъ доставили въ Сен-Галленъ. —

Мы долго взбирались на высоту и наконецъ пришли къ главному переходу. По срединѣ отвѣсной стѣны, составившейся изъ нѣсколькихъ скалъ, простирается *карнизъ* на сто

шаговъ въ длину и шириною въ аршинъ; по немъ пробираются жители горъ, когда хотятъ укрыться отъ вѣтра. Влѣво возвышалась стѣна обрубомъ на три тысячи футовъ, а вправо было на столько же отвѣсной глубины, или ужасной пропасти, и на этомъ узкомъ *карнизѣ*, нѣсколько времени мы должны были, такъ сказать, висѣть между небомъ и землею . . . . Ужасно! Приближаясь къ роковому мѣсту, проводникъ счелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ наставленіе. Онъ настоятельно требовалъ, чтобъ я не глядѣлъ, ни внизъ, ни вверхъ —„а то съ вами сдѣлается альпійскій обморокъ," сказалъ онъ хладнокровно, — „и тогда, вы погибли! На такомъ узкомъ про„странствѣ не возможно обернуться, чтобы по„дать вамъ помощь — да и тутъ каждому „только до себя." — „Но куда же глядѣть?" спросилъ я отчаянно. — „Прямо мнѣ въ спи„ну и больше никуда." — Я стиснулъ зубы и замолчалъ — мы пошли. Куда я глядѣлъ, по сіе время не знаю, только помню, что сначала я шелъ бодро, но къ концу у меня сжалось сердце; невольно я опустилъ взглядъ къ ногамъ; онъ скользнулъ по утесу и потерялся въ неизмѣримой пропасти. Въ тоже

время я почувствовалъ, какъ бы *ударъ по головѣ*; въ ушахъ начался *шумъ* и постепенно увеличивался. Мнѣ стали слышаться разные *голоса*, *звукъ музыки*, какой-то невыразимый *говоръ* въ безднѣ! Альпійскій обморокъ приближался, но въ ногахъ оставалось еще довольно силы. Не помню какъ я перешагнулъ остальное небольшое пространство и упалъ на камень, покрытый густымъ мохомъ. Минуты три я былъ въ забытіи. — Когда открылъ глаза, проводникъ стоялъ передо мною съ моею походною фляжкою въ рукѣ; съ улыбкою онъ мнѣ сказалъ: — „однако вы хорошо „прошли, признаюсь, я боялся за васъ." — „Какъ," вскричалъ я, „ты сомнѣвался, чтобы „я могъ безопасно пройти, и повелъ меня „этимъ кошачьимъ перелазомъ! — Что жь мнѣ „было дѣлать!" — возразилъ онъ холодно, „вы, путешественники, не имѣя никакого по„нятія о нашихъ горахъ, хотите ходить „тамъ, гдѣ мы горные жители съ трудомъ „пробираемся! Наше дѣло сказать вамъ, что „опасно, а беречь свою голову, можете са„ми." — Глотокъ киршвасера возвратилъ мнѣ силы и мы продолжали путь, направляясь къ вершинѣ Сентиса, бывшей у насъ передъ

глазами. Поднявшись на самую высоту, мы приблизились къ великану на разстояніе 500 или 600 шаговъ; но пропасть отдѣляла его отъ горы, на которой мы стояли и, чтобъ удобнѣе разсматривать, необходимо было подвинуться до самаго обрыва. Мы поползли до выдавшагося впередъ утеса; тутъ, лежа на самомъ краю, свѣсивши голову, я свободно и безопасно смотрѣлъ на 6,000 футовъ внизъ, и подымая глаза вверхъ, любовался двумя вершинами Сеписа. Ихъ остроконечныя, обнаженныя скалы какъ бы выростали изъ снѣжныхъ глыбъ!

Въ горахъ никогда нѣтъ тишины потому, что безпрестанно скатываются камни. Шумъ ихъ паденія со скалы на скалу, передаваемый отголоскомъ, сливается съ воемъ вѣтра и производитъ неизъяснимый безконечный гулъ.

Обошедши вершину горы, мы пришли на другую сторону и остановились надъ пространнымъ ущельемъ, набитымъ снѣгомъ. Далеко внизу разстилалась красивая долина. — „Какъ „же мы проберемся черезъ этотъ снѣгъ?“ спро-

силъ я у Швейцарца. — „Не бойтесь,“ отвѣчалъ онъ, — „на немъ твердая кора.“ — „Но „какъ же спуститься съ высоты?“ — „Увидите — у насъ на все свои способы,“ сказалъ онъ улыбнувшись. Мы сплели руки, потомъ просунувъ палки между ногъ и упирая желѣзными концами въ снѣгъ, дали себѣ волю катиться на ногахъ. Желѣзо, врѣзываясь въ снѣгъ, удерживало стремленіе. Я нашелъ этотъ способъ удобнымъ, безопаснымъ и даже пріятнымъ, но недостатокъ привычки заставлялъ меня часто останавливаться, и тогда, упирая палку впередъ, я отдыхалъ нѣсколько минутъ. Снѣгъ не простирался далѣе, какъ на сто шаговъ; тамъ были камни, послѣ опять снѣгъ и такъ продолжалось около полуверсты, послѣ чего мы перебирались съ камня на камень и наконецъ покатостью, покрытою травою, достигли долины, находящейся на возвышенности 3,000 футовъ отъ другой, гдѣ проходитъ большая дорога и расположена деревенька Вальдгаузъ — мѣсто, избранное мною для отдыха. Въ необитаемой долинѣ мы нашли родникъ чистой свѣжей воды, утолили жажду и отдохнули на пригоркѣ, покрытомъ прекраснымъ дерномъ. Отсюда надобно было

опять спускаться; но уже не съ такими затрудненіями. Измученный въ высочайшей степени, я прибылъ въ Вальдгаузъ и, послѣ сельскаго обѣда, взялъ кабріолетъ до долины Рейнталь.

Гдѣ, во время Страбона, Рейнъ съ трудомъ прокладывалъ себѣ путь черезъ болото, тамъ теперь настоящій Англійскій садъ, простирающійся на двадцать верстъ въ длину и на шесть въ ширину, съ двумя городками, множествомъ богатыхъ селеній и вмѣщающій болѣе 22,000 жителей. Природа создала чудный амфитеатръ изъ двухъ рядовъ высокихъ горъ, которыя обхватываютъ эту зеленую ровнину, и какъ бы соединяются на ея изгибѣ. Переночевавши въ деревенскомъ трактирѣ, я продолжалъ путь до красиваго мѣстечка Гайсъ, гдѣ сталъ подниматься въ гору. На высотѣ дорога загнулась угломъ, и тутъ открылись передо мною двѣ картины: сзади оставалась цѣпь горъ исполиновъ, съ обнаженными скалами и снѣжными вершинами, а впереди показалось прелестное Бодензее съ своими плоскими берегами. Мѣсто, съ котораго можно наслаждаться двумя прекрасными и

шакъ различными видами, называется Фёгельсекенъ.

Жители этого кантона занимаются скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ и воздѣлываніемъ виноградниковъ, которые въ Рейнтальской долинѣ очень хороши; но горожане предались одной торговлѣ. Въ концѣ XVIII вѣка здѣсь насчитывалось до 40,000 швей, занимавшихся вышиваніемъ шелкомъ, золотомъ и серебромъ по киссѣ и другимъ матеріямъ. Эта работа продолжается и теперь, только бумагою и не въ такомъ количествѣ.

На пути изъ Сен-Галлена мнѣ представился случай еще разъ взглянуть на своего знакомца: миновавши Герсау, я подходилъ къ уединенному трактиру на большой дорогѣ, какъ показался Сентисъ. Въ прошедшую ночь снѣжное облако разсѣлось надъ нимъ и покрыло его бѣлымъ саваномъ. При сумракѣ дня, прорѣзываясь сквозь сѣрыя облака, онъ величаво подавался впередъ; но я не могъ имъ долго любоваться: дождь, который до того времени только накрапывалъ, вдругъ полилъ и заставилъ меня бѣжать до трактира. На другое утро

Сентисъ былъ тотъ же; но при ясномъ небѣ его видъ измѣнился. —

Раперсвиль, небольшой городокъ, принадлежащій Сен-Галленскому кантону, выстроенъ на берегу Цюрихскаго озера; отсюда ежедневно отходитъ пароходъ въ Цюрихъ. Озеро узко, но въ длину имѣетъ до 45 верстъ. На этомъ небольшомъ пространствѣ число береговыхъ жителей доходитъ до 40,000. Высокихъ горъ нѣтъ; здѣсь тянутся одни зеленыя пологія возвышенія и на всякихъ сто шагахъ выглядываетъ какой нибудь красивый домикъ. Я насчиталъ до 18 селеній. Въ одной изъ деревень, въ приходѣ Оберридена, Лафатеръ трудился надъ своимъ знаменитымъ сочиненіемъ. Здѣсь, въ утреннихъ прогулкахъ, Геснеръ почерпалъ новыя мысли для своихъ идиллій. Мѣста, гдѣ поэтъ останавливался, домà, куда онъ заходилъ, до сего времени въ памяти у жителей. —

Пробывши нѣсколько дней въ Цюрихѣ, я пошелъ къ горѣ Риги. Дорога пролегаетъ черезъ гору Альбисъ, которая не высока, но привлекательна прекрасными видами. У ея по-

дошвы, на берегахъ потока Силь (Sihl), въ уединенномъ домикѣ жилъ Гесперъ. Къ его жилищу ведетъ тропинка, утоптанная поклонниками геніальнаго пѣвца природы. Мнѣ не было суждено наслаждаться видами: надъ долиною носился густой туманъ. Переночевавъ въ гостинницѣ, построенной на вершинѣ горы, я на другое утро дождался проѣзда дилижанса, и воспользовался имъ, чтобы пріѣхать въ Гольдау. —

Здѣсь путешественникъ, вмѣсто ожидаемой деревни, увидитъ только церковь и трактиръ, едва замѣтные между высокими грудами камней, подъ которыми, взрывомъ горы, погребена была деревня въ 1808 году.

Въ этотъ несчастный день (2го Сентября) послѣ полуночи начался дождикъ и продолжалъ падать до полудня. Съ разсвѣтомъ открылось нѣсколько значительныхъ трещинъ на Шпипсъбуэлѣ и также на Гиппѣ, сосѣдней горѣ. Подземный трескъ, происходившій, вѣроятно, отъ раздиравшихся сосновыхъ корней, раздавался въ долинѣ. Дернъ, мѣстами вдругъ возвышался, и нѣсколько камней, выкинутыхъ

изъ трещинъ, катилось по горѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, отъ скалъ стали отламываться большія части и съ шумомъ падали внизъ. Изверженіе становилось часъ отъ часу сильнѣе и камни вылетали чаще. Въ 2 часа пополудни оторвалась значительная часть скалы, послѣ чего каждое изверженіе сопровождалось облаками черной пыли, которую вѣтръ, подобно флёровому покрывалу, носилъ по воздуху. — Въ окрестностяхъ земля сильно колебалась, а на склонѣ горы образовался провалъ, который ежеминутно расширялся; потомъ съ вершины посыпалась земля; вслѣдъ за нею падали обломки утесовъ; на Гниппѣ сосны зашатались и стадо птицъ съ крикомъ поднялось на воздухъ. Вдругъ раздался трескъ: сосны, вырванныя съ корнями, покатились съ утеса на утесъ; за ними слѣдовали камни, сперва тихо, потомъ сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ цѣлый лѣсъ и камни ужасной величины, уже не катились, но съ быстротою стрѣлы неслись по воздуху. Деревья переносились чрезъ долину и селенія, а камни, перелетѣвши черезъ долину, падали въ Гольдау и подъ собою погребали дома и жителей. Озеро *Лацверцъ* такъ наполнилось ими, что вода огромною

массою поднялась вверхъ и хлынула на окрестность. Сверхъ взрыва, изверженіе постоянно неслось двумя потоками, увлекавшими съ собою все, что имъ встрѣчалось на пути. — Причину ужаснаго событія приписываютъ водѣ, накопившейся во внутренности горы отъ дождя, который шелъ постоянно въ продолженіе двухъ недѣль. Нѣкоторые изъ жителей, имѣвшіе свои жилища на покатости Шпитсъбуэля, за нѣсколько дней до того примѣчали трещины. Этотъ вѣрный признакъ близкаго взрыва заставилъ ихъ удалиться въ селеніе, гдѣ они считали себя въ безопасности, никакъ не воображая, чтобы на такомъ разстояніи могло постичь ихъ несчастіе. Эта неожиданность была причиною, что не многіе изъ нихъ спаслись, и особенно замѣчательно, что эти не многіе были женщины и дѣти! —

Жители славились особенною умѣренностью и необыкновенною честностью. Здѣсь можно еще было находить остатки древней пастушеской жизни: молоко, сыръ и вареныя вишни составляли ихъ ежедневную пищу. Хлѣбъ они употребляли только по праздникамъ. Ихъ одѣяніе также отзывалось простотою древ-

нихъ временъ: грубая шерстяная ткань защищала ихъ лѣтомъ отъ зноя, зимою отъ стужи. Довѣріе, согласіе и любовь царствовали во всѣхъ семействахъ. Рѣдко бывали у нихъ тяжебныя дѣла; но и тѣ отличались особенностію. Г-нъ Бродель, въ своихъ Гельветическихъ Запискахъ 1783 года, приводитъ разительный примѣръ ихъ взаимнаго довѣрія: въ одинъ день должны были два крестьянина, имѣвшіе между собою тяжбу, явиться въ судъ и защищать свое право. Одинъ изъ нихъ не могъ отлучиться по хозяйственнымъ обстоятельствамъ, и что же? Онъ попросилъ своего соперника говорить за него. Тотъ, говорившіи въ свою пользу, съ такою же точностью защищалъ и права̀ своего противника. Когда дѣло было рѣшено въ пользу отсутствовавшаго, крестьянинъ пошелъ къ нему въ домъ поздравить его съ счастливымъ окончаніемъ дѣла!!

Отъ ста одиннадцати домовъ не осталось ничего. Въ этой каменной пустынѣ образовались двѣ площадки: на одной построили трактиръ, гдѣ путешественникъ, изъ окна обзирая слѣды опустошенія, съ трепетомъ випи-

маетъ повѣствованію — на другой, воздвиглась небольшая церковь; тутъ усердіемъ сострадательныхъ людей ежедневно раздается голосъ священника-старичка, святящаго память погибшихъ заупокойною молитвою! —

Изъ Гольдау прямо всходятъ на гору Риги. Въ трактирѣ нашлись мнѣ два товарища, и мы, взявши проводника съ лошакомъ, стали подниматься сперва покатостью, а дальше уступами, высѣченными въ камнѣ. Скамѣйки, разставленныя недалеко одна отъ другой, доказываютъ, съ какою заботливостью искали сдѣлать дорогу покойною и пріятною. Это объясняется необходимостью, въ которой считали себя жители облегчить путь для богомольцевъ, предпринимающихъ *поклонный подвигъ* до часовни, поставленной на возвышенности 4,000 футовъ. Чтобы дойти до того мѣста, надобно употребить около трехъ часовъ, и еще нуженъ часъ, чтобы достигнуть вершины горы, гдѣ выстроена помѣстительная гостиница. — Риги возвышается не болѣе какъ на 5,700 футовъ отъ поверхности моря; но нигдѣ нѣтъ такихъ открытыхъ и прекрасныхъ видовъ. На горѣ находится до 150 *шалѐ* и

пасутся болѣе трехъ тысячь штукъ рогатаго скота. Названіе Риги нѣкоторые производятъ отъ mons rigidus, другіе отъ mons regius, или regina montium; съ послѣднимъ трудно согласиться, по ея незначительной высотѣ; что же до перваго, оно оправдывается ощутительнымъ холодомъ на ея вершинѣ.

Смерклось совершенно, когда мы достигли часовни, или небольшаго монастыря, гдѣ, по словамъ проводника, живутъ только четыре монаха. Церковь не велика. Пространная гостиница назначена для помѣщенія приходящихъ богомольцевъ, а иногда и посѣтителей, которые по совѣту врачей поселяются здѣсь на лѣтніе мѣсяцы, чтобы пользоваться чистымъ воздухомъ и пить молоко. Отъ часовни нѣтъ дороги: надобно было довольствоваться узкою тропинкою, которую въ темнотѣ мы ежеминутно теряли; но проводникъ привелъ насъ благополучно къ гостинницѣ, гдѣ въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ мы нашли большое общество. Строеніе помѣстительно, чисто убрано, съ хорошимъ столомъ и достаточною прислугою.

На другой день всѣ встали рано, чтобы на вершинѣ горы встрѣтить первые лучи солнца. На такой высотѣ утренній воздухъ нестерпимо свѣжъ, и въ эту минуту можно было дорого заплатить за шубу. Я перестаюъ удивляться странной надписи, которую нашелъ здѣсь въ каждой комнатѣ: *Гг. посѣтители, выбѣгающіе на вершину горы, закутанные въ одѣяла, должны платить 20 бацовъ* (2 рубли 40 коп.) — порядочный штрафъ за безпорядочный уборъ! — Только что вершины скалъ стали покрываться розовымъ цвѣтомъ, явился служитель трактира съ трубою. Сиповатымъ звукомъ длиннаго бересчатаго инструмента, онъ долженъ былъ огласить появленіе свѣтила и за то отъ каждаго изъ насъ получить награду. Заря была тихая и обѣщала прекрасное утро. Каждый держалъ, или зрительную трубку, или лорнетъ на-готовѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ нетерпѣливаго ожиданія, бересчанка просипѣла и всѣ вскрикнули отъ удивленія: вершина одной изъ горъ загорѣлась, какъ бы объятая пламенемъ, и огненныя струи быстро покатились по снѣжной поверхности — минута невыразимая! Постепенно стали показываться

то голые утесы, то зеленыя покатости, и внизу открылось тринадцать озеръ, несколько городовъ и множество деревень. Въ объемѣ цѣлаго, эта картина ни съ какою сравниться не можетъ; но не надобно останавливаться на частяхъ потому, что въ такой дали отдѣльно опознать не все можно. По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось, отдаленные предметы становились менѣе ясными, и когда оно совершенно взошло, картина много измѣнилась.

Напившись кофе, я пошелъ бродить по вершинѣ горы, которой подошва омывается Луцернскимъ озеромъ. Это — классическое мѣсто Швейцаріи, а Риги, какъ средоточіе, откуда однимъ взглядомъ можно обнять столько предметовъ, краснорѣчиво передаетъ путешественнику важнѣйшія событія и знакомитъ его съ поэтическими народными преданіями. —

Въ 1386 году, въ прекрасное утро 9 Іюля, три путника, вышедшіе изъ лѣсистой пологости южной части горы, поднялись на вершину и подходили къ утесу, нависшему

надъ обрывомъ сѣверной стороны. Одинѣ изъ нихъ, покрытый сѣдинами, въ одеждѣ горныхъ поселянъ, шелъ задумчиво впереди, тогда какъ его молодые товарищи въ панцыряхъ и вооруженные сѣкирами, слѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Когда старецъ достигъ скалы, онъ остановился, дождался своихъ спутниковъ, сѣлъ на камнѣ и далъ имъ знакъ помѣститься возлѣ него. — „Дѣти мои," сказалъ онъ, „отсюда вы спуститесь въ доли„ну, и достигнете Луцерна; но прежде нежели „прощусь съ вами, удовлетворю вашему любо„пытству и докончу начатый разговоръ: такъ „друзья мои, перстъ Всевышняго отмѣчалъ вѣка̀ „на вершинахъ нашихъ горъ! Вся прекрасная „Гельвеція была покрыта моремъ, а оконечно„сти горъ составляли острова̀. Тамъ, гдѣ мы „теперь обработываемъ поля, вода поднима„лась на 1500 футовъ высоты. Постепенно „опадая, она обнажала части земли, которыя „были пустынею въ теченіе многихъ сто„лѣтій. Откуда взялись первые жители, ни„кому не извѣстно; но эти жители были наши „предки. Они назывались Тигурійцами. Ихъ „предводитель Давиконъ встрѣтилъ Римлянъ, „перешедшихъ черезъ Альпы, одержалъ надъ

„ними побѣду и заставилъ ихъ пройти подъ „уничижительнымъ игомъ. Черезъ полъ-вѣка по-„слѣ того Юлій Цесарь отомстилъ за нихъ — „мы потерпѣли пораженіе; но еще были страш-„ны побѣдителямъ. — „*Не данниками будете* „*Рима*," сказалъ онъ намъ, „*но его союзниками* „*и друзьями*! Не долго такъ было: въ цар-„ствованіе Августа мы лишились свободы. „Вотъ начало того рабства, въ которомъ „наши предки жили десять вѣковъ. Римля-„не, Франки, а наконецъ и Германцы вла-„дычествовали одни послѣ другихъ въ Гель-„веціи; но и въ теченіе такого долгаго време-„ни, союзъ и любовь не переставали царство-„вать между нами. Въ семейной жизни мож-„но было видѣть благочестіе, честность, „трудолюбіе; въ общественныхъ дѣлахъ вы-„казывались: справедливость, осторожность, „безкорыстіе. Никто изъ гражданъ не хо-„тѣлъ быть въ тягость обществу и каждый, „отъ своего малаго достатка, старался удѣ-„лить часть для общей пользы. Не смотря „на все то, мы подвергались несправедливымъ „притѣсненіямъ. Подобно какъ древнимъ Хри-„стіанамъ, намъ всѣ добродѣтели вмѣнялись „въ преступленія, и мы вѣрно служившие на-

„шимъ притѣснителямъ, пили горькую чашу „поношенія! Съ возшествіемъ на престолъ „Рудольфа Габсбургскаго наше положеніе много „измѣнилось. Его память незабвенна для насъ; „но съ его кончиною сокрылась и эта отра„да! Когда его сынъ Албертъ наслѣдовалъ „престолъ, притѣсненіе вышло изъ границъ, „наше терпѣніе истощилось; но все еще мол„чали — никто не рѣшался говорить. Въ „одинъ день Вернеру Штауфахеру сказала его „жена: „доколѣ вы, рабы чужеземныхъ владыкъ, „будете лить слезы отчаянія? На что намъ „наши горы, когда не живутъ на нихъ муже„ственные люди! „Вернеръ молчалъ; но у него „сердце горѣло огнемъ. Онъ поспѣшилъ къ сво„имъ искреннимъ друзьямъ, Валтеръ-Фурсту и „Мельхталю; имъ онъ передалъ свою тайну. Они „трое стали дѣйствовать, каждый въ кругу сво„ихъ знакомыхъ, и для соображенія своихъ „дѣйствій назначили Грутли мѣстомъ свида„нія. Въ ночь 17 Ноября 1307 года, каждый „изъ нихъ привелъ десять человѣкъ, которые „первые произнесли клятву жить для отече„ства и умереть за него; предпринимать вся„кое дѣло съ общаго согласія, уважать права „Габсбургскаго Дома, почитать сановниковъ,

„но вмѣстѣ съ тѣмъ положить предѣлы же-„стокимъ притѣсненіямъ. Отсюда мы Грутли „видѣть не можемъ, но знаю, что оно врѣ-„залось въ вашей памяти." — „Отецъ," возразилъ одинъ изъ молодыхъ людей, „мы чтимъ „твое приказаніе, и каждое воскресенье, послѣ „обѣдни, на лодкѣ достигаемъ того берега, „гдѣ молодежью кантона совершается обычное „моленіе. Два раза только, мы не могли испол-„нить священнаго долга: одно воскресенье бы-„ла та ужасная буря, въ которую, какъ ты „знаешь, погибъ рыцарь Штауфенъ, а вчера „полученное извѣстіе о приближеніи непріяте-„ля такъ неожиданно поразило всѣхъ, что „врядъ ли кто могъ тамъ быть." — „Ночь „1-го Января", продолжалъ старикъ, „была на-„значена ими для начала дѣйствій. Въ то вре-„мя Геслеръ уже палъ отъ стрѣлы Телля. „Вотъ между этими небольшими скалами, ко-„торыя отсюда едва примѣтны, блеснулъ пер-„вый лучъ нашей свободы. Народъ вздрогнулъ, „но не смѣлъ радоваться — такъ сильно страхъ „сковалъ сердца̀! Нетерпѣливо ожидаемая ночь „1-го Января настала. Во всѣхъ за́мкахъ стра-„жа, не подозрѣвавшая ничего, принуждена „была уступить превосходному числу. Всѣ

„сановники были высланы за предѣлы Валь-
„штадта; ихъ заставили присягнуть, что они
„никогда не возвратятся — зла не было сдѣ-
„лано никому и въ ту ночь на вершинахъ
„горъ запылали костры — огни радости!
„Швейцарцы пріобрѣли давно потерянную не-
„зависимость не проливши ни одной капли кро-
„ви, не коснувшись до собственности своихъ
„притѣснителей! Императоръ Албертъ дви-
„нулся противъ насъ съ войскомъ; но на пу-
„ти, при Виндитѣ, онъ былъ умерщвленъ
„своимъ племянникомъ Іоанномъ Швабскимъ.
„Его преемникъ Леопольдъ составилъ совѣтъ,
„какъ удобнѣе вторгнуться, въ одно время,
„въ Ури, Швицъ и Унтервальденъ. Графъ То-
„кенбургъ любилъ насъ искренно, и вмѣстѣ
„съ тѣмъ былъ вѣрный слуга своему Госуда-
„рю. Онъ просилъ позволенья быть посредни-
„комъ. — „Я не долженъ щадить ихъ“ —
грозно вскричалъ Леопольдъ;“ „но могу ихъ
„помиловать, когда они послѣдуютъ примѣру
„Луцерна и добровольно покорятся Австріи.“ —
„Токенбургъ поспѣшилъ къ намъ съ предло-
„женіемъ; но его краснорѣчіе не могло поко-
„лебать твердости людей, рѣшившихся на
„*все*.“ — „Мы были вѣрны Австріи и ничѣмъ

„не оскорбили Императора," отвѣчали они.
„Несправедливости и притѣсненія терпѣли по-
„ка могли; но теперь сложили съ себя несно-
„сное иго и если Леопольдъ хочетъ покорить
„насъ силою оружія, то передайте ему, что
„онъ встрѣтитъ непріятеля не многочислен-
„наго, но сильнаго вѣрою въ правое дѣло, —
„а правому дѣлу Богъ помощникъ!" — Графъ
„былъ принужденъ возвратиться къ Леополь-
„ду безъ успѣха. Въ совѣтѣ положили, что-
„бы Герцогу съ главными силами двинуть-
„ся чрезъ Цугерландъ и напасть на Швицъ
„при Моргартенѣ, тогда какъ Графъ Отто
„Стазбургскій съ отрядомъ долженъ былъ
„проникнуть черезъ Брюнигъ въ Унтервальденъ.
„Для совокупнаго нападенія назначили день
„Св. Отмара. Совѣщанія тѣхъ временъ всег-
„да были полутайною. Арговійскій дворя-
„нинъ Гюнебергъ, котораго замокъ нахо-
„дился у границы земель Цуга, былъ обя-
„занъ благодарностью своимъ сосѣдямъ. Онъ
„пустилъ черезъ стѣну нѣсколько стрѣлъ, къ
„которымъ привязаны были бумажки съ над-
„писью: *берегитесь въ день Св. Отмара при*
„*Моргартенѣ*. Это извѣщеніе было очень по-
„лезно: мы, жители Швица, послали про-

„сить помощи въ Ури и Унтервальденъ. Пер-
„вые прислали 400, другіе 300 человѣкъ; сво-
„ихъ у насъ набралось до 600, и это неболь-
„шое войско двинулось къ Моргартену, гдѣ,
„какъ вамъ извѣстно, долина очень узка. Ко-
„гда появился непріятель, 40 человѣкъ, остав-
„ленные нами въ засадѣ на высотахъ, стали
„скатывать бревна и большіе камни, которые
„падая въ долину, давили людей и лошадей; эти,
„отъ испуга сдѣлавшись неукротимыми, вры-
„вались въ ряды пѣшихъ воиновъ и производи-
„ли ужасное смятеніе. Когда безпорядокъ до-
„шелъ до высочайшей степени, союзники кину-
„лись со всѣхъ сторонъ на разстроеннаго не-
„пріятеля, рубили и кололи безъ пощады. Гер-
„цогъ спасся; но до тысячи его воиновъ по-
„гибло. Такъ окончился день знаменитой Мор-
„гартенской битвы. — Любезныя дѣти, это
„была первая битва за независимость!! . . . .
„Тогда союзники условились между собою по
„могать, одинъ другому, въ каждомъ случаѣ,
„и не допускать одного начинать что либо безъ
„согласія прочихъ, а такъ какъ союзъ устано-
„вленъ былъ въ слѣдствіе побѣды, одержанной
„жителями Швица, онъ получилъ названіе *Швиц-*
„*каго*, а союзники назвались *Швицерами*. Вотъ

„имя *Швейцарцевъ*, переданное намъ предками, „столь славнымъ образомъ!!! —

„Съ 1315 года по нашъ 1386 оружіе „союзниковъ не одинъ разъ прославилось въ „битвахъ. Многіе города пожелали вступить въ союзъ, и теперь восемь кантоновъ гордятся названіемъ *Швейцарцевъ*. И „такъ, дѣти, изъ всего переданнаго вамъ, „вы можете усмотрѣть, что правое дѣло „имѣетъ всегда на своей сторонѣ силу и успѣхъ. „78 Лѣтъ тому назадъ, наши отцы заключили союзъ; вотъ уже протекаетъ 71 годъ „отъ Моргартенской битвы, и въ теченіе „этого времени, наши силы много возрасли.“— „Но скажи, отецъ,“ спросилъ старшій сынъ, „чего же хочетъ этотъ второй Леопольдъ, „грозящій намъ войною? Не ужели не памятна ему участь перваго? — „Послушай, сынъ,“ отвѣчалъ старикъ, „Австрійскій Домъ, которому мы, не взирая на всѣ наши страданія, „такъ вѣрно служили, не можетъ помириться съ мыслію потерять свои права̀ надъ нами. Герцогъ Леопольдъ, Государь храбрый и „души благородной; но онъ окруженъ дурными совѣтниками, а потому рѣшается на опро-

„метчивый шагъ, который будетъ намъ стоить „много крови, но утвердитъ еще болѣе нашу „независимость. Пока мы не измѣнимъ нашимъ „правиламъ, никакая превосходная сила непрі„ятеля не можетъ быть опасна для Швейца„ріи! — Теперь, друзья, ступайте — васъ при„зываетъ отечество!" Старецъ всталъ съ своего мѣста, и молодые люди, преклонили передъ нимъ колѣна. Возложивъ руки на ихъ головы, онъ поднялъ глаза къ небу; двѣ крупныя слезы покатились по его впалымъ щекамъ; дрожащимъ голосомъ онъ сказалъ: — „Дѣти! „любезныя дѣти! . . . . будьте до„стойны имени *Швейцарцевъ*!" — Они стали спускаться съ утеса, и старецъ съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не скрылись за лѣсистымъ пригоркомъ.

Въ Луцернѣ все готовилось къ битвѣ: изъ Швица, Ури и Унтервальдена прибыло по 300 ратниковъ; Луцернъ выставилъ 400. Изъ Глариса, Цуга, изъ Графства Ротенбургъ стекались молодые хорошо вооруженные воины. Войско союзниковъ возрасло до 4,000. Это число небольшое, но одушевленное мужествомъ и пламенною любовью къ отечеству, двинулось

подъ предводительствомъ старшаго Шульдгейса Петермана фонъ Гульдендингенъ; они прошли Эмму и повернули къ Ротенбургу, гдѣ расположились ночевать и ожидать извѣстій о движеніи непріятеля.

Надъ пригоркомъ, который, отъ послѣдняго уступа горы, едва примѣтнымъ наклономъ спускался въ долину, и гдѣ расположились воины, склубившись въ тѣсные кружки, возвышался дерномъ покрытый холмъ, съ высокимъ на немъ вѣтвистымъ дубомъ. Тамъ на копьяхъ, крестообразно утвержденныхъ, и перевязанныхъ ручниками, лежалъ поперегъ положенный дубовый сукъ; на немъ на желѣзныхъ цѣпяхъ висѣло до шести небольшихъ котловъ, а на землѣ тянулась гряда зеленыхъ вѣтвей, гдѣ медленно переливался густой черный дымъ и изрѣдка выскакивало блѣдно-желтое пламя. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ огня, изъ воткнутыхъ въ землю двуручныхъ мечей, составилась ограда; на ней коротенькія епанчи были развѣшены въ симметрическомъ порядкѣ; внутри этого полукружія помѣщалось нѣсколько человѣкъ. Изысканность въ оружіи и одеждѣ отличала ихъ отъ

рядовыхъ воиновъ. Они были заняты какимъ-то важнымъ обсужденіемъ, между тѣмъ, какъ одинъ, отдѣлившись отъ прочихъ, прилегъ къ огню, и безпрестанно бросая въ него обломки вѣтвей, съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ поглядывалъ въ сторону къ Ротенбургу. — „Удивительно!" вскричалъ онъ, „вотъ часъ „прошелъ, а Петра нѣтъ. Нужно же мнѣ бы-„ло посылать этого простяка: какъ будто „въ цѣломъ околодкѣ нѣтъ сухаго дерева." — „Рыцарь Штейнбергъ, ты такъ заботишься о „нашемъ ужинѣ, какъ бы отъ него зависѣлъ „успѣхъ нашего оружія," сказалъ Блуменъ, съ досадою толкнувъ ногою остатки сыраго мяса, обернутые кожею. — „Блуменъ! мы не безплот-„ные: сердце жаждетъ боя, — тѣло требуетъ „пищи. Не будь я другомъ Швейцарцевъ, если, „не я причиною, что въ этотъ вечеръ вы не „умрете голодною смертью: вы выскочили изъ „Луцерна, какъ сумасшедшіе; но мнѣ, по счастью, „вошла въ голову добрая мысль — проводить „васъ до Ротенбурга, взявши съ собою нѣ-„сколько походныхъ котловъ и дикую козу, „которую мой оруженосецъ стрѣлою, такъ „мѣтко и кстати, снялъ вчера съ утеса. „Никакая добыча не была мнѣ столько дорога.

„Теперь мясо варится въ котлахъ и друзья „Штейнберга не лягутъ спать безъ ужина. „Всегда вѣрный присягѣ, данной Леопольду, я „вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣню и дружбѣ: не „беру участія въ замыслахъ Герцога противъ „васъ; но также не хочу ничего знать и о „вашихъ совѣщаніяхъ. А, вотъ идетъ Петръ, „нагруженный какъ лошакъ. Нечего у него „спрашивать, гдѣ онъ по сіе время былъ — „отъ него толку не добьешься." — Куча сухихъ вѣтвей была брошена въ огонь, пламя разлилось, обхватило костеръ, холмъ освѣтился и всѣ съ удивленіемъ увидѣли высокаго статнаго человѣка, прислонившагося къ дереву и стоявшаго въ задумчивости. Блуменъ съ живостью всталъ съ своего мѣста и скорыми шагами пошелъ къ нему. — „Винкельридъ, — „это ты! Что ты тутъ дѣлаешь? — „Я „пришелъ искать мѣста въ рядахъ моихъ ратныхъ братьевъ," отвѣчалъ тотъ, слѣдуя за Блуменомъ къ огню, „но нашелъ васъ занятыхъ „разговоромъ и не хотѣлъ мѣшать вамъ. — „Мнѣніе рыцаря Арнольда Винкельрида будетъ „всегда принято съ уваженіемъ," сказалъ Петерманъ. — „Шульдгейсъ! Я знаю свою обязанность: пускай другіе рѣшаютъ въ совѣтѣ, —

„мудрость мнѣ не дана; но на полѣ битвы, „Винкельридъ будетъ умѣть исполнить повелѣнное!“ — „Арнольдъ! Ты всегда былъ для „меня загадкою,“ вскричалъ Штейнбергъ, „я „привыкъ почитать тебя какъ отца и любить какъ брата, но понимать тебя никогда „не могъ“ — „Что мудренаго! Я самъ себя „понять не могу,“ — отвѣчалъ Винкельридъ съ глубокимъ вздохомъ. „Но не уже ли ты „никогда не откроешь своимъ друзьямъ причину этой непонятной грусти? Откровенность „всегда была свойствомъ благородныхъ душъ — „можно ли не явить ее въ минуту, когда каждый изъ васъ не увѣренъ въ своемъ возвращеніи.“ — Въ это время одинъ изъ воиновъ взошелъ на холмъ, и приблизившись къ огню, палочкою подгребалъ къ нему вѣтви. Его сѣдые волосы небрежно разсыпались по плечамъ и небольшіе сѣрые глаза, едва выказывавшіеся изъ-подъ навислыхъ бровей, блистали необыкновеннымъ огнемъ. Житель горъ, онъ никогда не сходилъ въ долину. Всѣ знали объ Іоганнѣ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, котораго взглядъ, изощренный долговременными, глубокими наблюденіями, иногда проникалъ въ будущее; но не многіе видѣли его: со времени Моргартен-

ской битвы, гдѣ онъ отличился какъ храбрый юноша, Іоганнъ скрылся въ ущеліи горы и рѣдко когда показывался. Теперь 90-лѣтній старецъ присоединился къ рати и, въ числѣ воиновъ, шелъ на защиту отечества. Его появленіе поразило всѣхъ; шопотомъ выговоренныя слова перелетали отъ одного къ другому; но никто не смѣлъ выказать явнаго вниманія. Одинъ Винкельридъ обратилъ на него испытующій взоръ . . . . и вздрогнулъ! . . . . Онъ прочелъ приговоръ судьбы; онъ видѣлъ передъ собою вѣстника событій неотвратимыхъ!—Между тѣмъ Блуменъ, взявши за руку Винкельрида, съ чувствомъ сказалъ ему: Арнольдъ, помнишь ли, когда мы сидѣли на скалѣ горы Риги, въ недальнемъ разстояніи отъ твоего жилища? У насъ подъ ногами гладкою скатертью разстилалось Луцернское озеро; надъ нами, въ широкой рамѣ прозрачной бѣлой пелены, тихо плыла луна; во мракѣ едва мелькали берега, и вдали, серебристымъ отливомъ, обозначались вершины нашихъ великановъ. Воздухъ отовсюду несъ къ намъ тонкій запахъ горныхъ цвѣтовъ и тишина торжественная, священная, погружала насъ въ какое-то непонятное упо-

„еніе!“ — „Этотъ вечеръ никогда не вый-„детъ у меня изъ памяти!“ съ живостію сказалъ Винкельридъ. — „Тогда,“ продолжалъ Блуменъ, „какъ я, восхищенный красотами „природы, передавалъ тебѣ мои ощущенья, „ты держалъ на колѣняхъ двухъ своихъ дѣ-„тей; ты не внималъ моимъ словамъ, не чув-„ствовалъ невинной дѣтской ласки; ихъ пла-„менные поцѣлуи застывали на твоихъ ще-„кахъ, въ то время, какъ, обративъ непод-„вижный взоръ къ небу, ты, какъ бы тамъ „искалъ, чего тебѣ недоставало на земли!“ — Винкельридъ глубоко вздохнулъ. — „Помнишь ли, „какъ твоя жена, увлеченная чувствомъ, пере-„давала мнѣ, какъ она счастлива твоею друж-„бою, вниманіемъ и вообще твоею заботли-„востью о благосостояніи семейства; но вмѣстѣ „съ тѣмъ, со слезами добавила, что съ своей „стороны, она ничего не заслуживаетъ пото-„му, что во все время вашей совокупной жизни, „не умѣла никогда согрѣть твоего сердца, за-„служить отвѣта на пламенный порывъ ея „любви; я взглянулъ на тебя: дѣтей уже не „было на твоихъ колѣняхъ; на нихъ лежала „твоя голова, которую ты сильно сжималъ „руками; изъ твоей груди вырывались глухіе

„стоны — Арнольдъ! Въ этотъ вечеръ я по-
„нялъ, что тайная грусть запала тебѣ въ ду-
„шу. Послѣ того я не имѣлъ случая говорить
„съ тобою, и даже теперь, не знаю, рѣшился
„ли бы я сдѣлать тебѣ вопросъ, но присут-
„ствіе всѣхъ твоихъ друзей, ихъ живое участіе
„меня къ тому поощряютъ — если откровен-
„ность согласна съ твоими правилами, то мол-
„чаніе будетъ оскорбительно для всѣхъ насъ!" —
„Блуменъ! ты вонзилъ остріе меча въ боля-
„щую рану. Когда вы занимались общимъ дѣ-
„ломъ — судьбою отчизны, погруженный въ
„мысли, я стоялъ прислонившись къ дубу
. . . . и думалъ — о чемъ?
„Не знаю! Не вѣрю предчувствіямъ; но ка-
„кая-то свинцовая рука легла на мое сердце:
„мнѣ кажется, что завтрешній день будетъ
„послѣднимъ моей жизни. Передъ Всемогущимъ,
„подъ этимъ величественнымъ синимъ ша-
„тромъ, въ присутствіи братьевъ моихъ, я
„хотѣлъ бы принесть откровенную исповѣдь,
„передать единственное мое желаніе и про-
„ститься съ тѣми, которыхъ много люблю,
„хотя всегда былъ между ними какъ приш-
„лецъ. Не уже ли мнѣ суждено, до послѣдней
„минуты, нести тяжелое иго недоумѣнія и

„въ своихъ чувствахъ усматривать одну толь-
„ко загадку для себя и для другихъ? — Друзья!
„не смерть меня страшитъ; что въ ней ужа-
„снаго! Не испытавъ наслажденія, не познако-
„мившись ни съ какимъ порывомъ, привязыва-
„ющимъ человѣка къ мѣсту, или лицамъ, что
„могу я терять? Вы смотри́те на меня съ
„удивленіемъ; вы хотите сказать, что у ме-
„ня есть жена, дѣти, искренніе друзья —
„правда; но долгъ чистой откровенности тре-
„буетъ, чтобъ я подтвердилъ вамъ, что все
„для меня, едва ли не чуждо! . . . .
„Слушайте! Я лишился отца въ младенческихъ
„годахъ — не помню его, но мать безпрестан-
„но передавала мнѣ его слова, и они постепен-
„но врѣзывались въ моей памяти. Я росъ подъ
„вліяніемъ мысли сильной, овладѣвшей мною
„прежде, чѣмъ сердце стало способнымъ къ
„ощущеніямъ: я чувствовалъ себя призваннымъ
„на важное служеніе отечеству — любовь къ
„родному краю казалась мнѣ огнемъ вдохновен-
„нымъ, чистымъ, не терпѣвшимъ никакой при-
„мѣси. Я встрѣтилъ весну моей жизни съ хо-
„лодною улыбкою недовѣрія: я боялся всякаго
„наслажденія — мнѣ казалось, что оно должно
„было лишить меня части моего сокровища!

„Мать сама выбрала мнѣ подругу, которую я „принялъ, какъ святую обязанность, возложен„ную на меня рукою Всевышняго. Бывши всегда „почтительнымъ сыномъ, вѣрнымъ мужемъ, ча„долюбивымъ отцемъ, искреннимъ другомъ, я не „познакомился съ внутреннимъ утѣшеніемъ; ни„какое чувство не согрѣло сердца, не усладило „души. Моя жизнь протекла подобно тихому, „но мрачному дню: природа щедро расточала „свои дары; но лучъ солнца не согрѣвалъ стран„ника, и прекрасныя картины не улыбались ему! . . . . Если „искренное желаніе „каждому добра, предпо„чтеніе благополучія другихъ своему собствен„ному — любовь? . . . . о, я тылко лю„билъ всѣхъ! Но если безотчетное увлеченіе „человѣка; чувство, привязывающее его къ мѣ„сту, или лицамъ, справедливо носитъ назва„ніе: любви . . . . я не лю„билъ никого и ничего!!! Подъ гнетомъ не„изъяснимой грусти, какъ пришлецъ изъ даль„ной страны, я пользовался настоящимъ, не „упрочивая ничего на будущее, и въ домѣ сво„емъ, въ кругу милаго семейства, искреннихъ „друзей, всегда считая себя временнымъ го„стемъ, я ежедневно ожидалъ роковой мину-

„ты невѣдомаго призванія! . . . .
„Вотъ моя исповѣдь — теперь объявлю желаніе: друзья! если мнѣ суждено пасть въ „бою, обѣщайтесь, что тотъ, который переживетъ другихъ, возметъ на себя попеченіе о женѣ и дѣтяхъ моихъ.“ — „Обѣщаемся!“ въ одинъ голосъ вскричали всѣ. — Благодарю васъ,“ сказалъ Винкельридъ, „моя душа „покойна; пусть совершается теперь все назначенное мнѣ судьбою!“—Тутъ Іоганнъ сдѣлалъ шагъ впередъ и сталъ передъ Винкельридомъ. Всѣ вскочили, какъ бы въ ожиданіи чего-то особеннаго. Лице старца озарялось необыкновенною радостью. — „Арнольдъ,“ сказалъ онъ, торжественнымъ голосомъ, „иди по „стезѣ, начертанной тебѣ судьбою! Убійство не могло искупить независимости добродѣтельныхъ людей: нужна жертва добровольная, чистая! Нуженъ разительный примѣръ любви къ отечеству! Протекутъ вѣка, и на мѣстѣ, прославленномъ убійствомъ, „всегда свѣжіе цвѣты будутъ украшать памятникъ Телля; но мѣсто, гдѣ падешь ты, „великій мужъ, не привлечетъ къ себѣ поклонниковъ: люди хотятъ цѣнить одно земное; высокое, безстрастное для нихъ непо-

„нятно — они чуждаются его!“ — Старецъ замолкъ, и тихими шагами сталъ спускаться съ холма. Вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ: „*Вѣстникъ изъ Семпаха!*“

Молодой человѣкъ пріятной наружности, въ одѣяніи горныхъ пастуховъ, подошелъ къ Петерману: — „Шульдгейсъ,“ сказалъ онъ, „я „посланъ къ тебѣ отъ начальствующаго въ „Семпахѣ съ извѣщеніемъ, что жители стѣ„снены непріятельскимъ отрядомъ, прибыв„шимъ сегодня. Лошади рыцарей потоптали „нивы съ зрѣлою жатвою, а ихъ оруженосцы „и слуги порубили деревья съ плодами. Голодъ „угрожаетъ жителямъ окрестности. Рыцарь „Ринихъ подъѣхалъ къ стѣнамъ и съ насмѣш„кою спросилъ у гражданъ, почему они не „выносятъ имъ завтрака? Шульдгейсъ отвѣ„чалъ: вамъ его вынесутъ завтра изъ Лу„церна!“ — „Такъ и будетъ!“ грозно вскричалъ Петерманъ. — „Такъ и будетъ!“ повторили прочіе. Опрокинутые котлы и куски пылавшаго дерева покатились съ холма. Войско, построившись въ ряды, потянулось по дорогѣ и черезъ полчаса, въ долинѣ видна была черная масса подвигавшаяся, по напра-

вленію къ Семпаху, а на покинутомъ холмѣ тихо догорали остатки костра, и когда вспыхивалъ слабый огонекъ, онъ освѣщалъ станъ рыцаря Штейнберга, стоявшаго подъ дубомъ, съ сложенными на груди руками и поникшею головою. . . . .

. . . .

. . . .

Въ то время, какъ Семпахскій вѣстникъ поспѣшалъ къ Ротенбургу, Герцогъ съ большимъ числомъ отборныхъ рыцарей прибылъ къ отряду. Въ совѣтѣ было положено, не дожидаясь пѣхоты, тянувшейся сзади, и оставя небольшой отрядъ у Семпаха, главныя силы подвинуть впередъ. Желаніе предупредить вооруженіе Швейцарцевъ было причиною этой поспѣшности. —

Каменное возвышеніе, сжатое двумя рядами горъ, едва озарилось первыми лучами солнца, какъ съ одной стороны показался сильный отрядъ рыцарей, которыхъ велъ самъ Герцогъ; съ другой, небольшое войско союзниковъ подъ предводительствомъ Петермана. Обѣ стороны остановились. Невозможность дѣйство-

ватъ конницею на такомъ маломъ пространствѣ, заставила рыцарей спѣшиться, и пока они, отдавши своихъ лошадей оруженосцамъ, строились въ густые ряды, союзники преклонили колѣна, и громкая, единодушная ихъ молитва, слившись въ одинъ голосъ, перекатомъ понеслась по горамъ! Это небольшое число худо вооруженныхъ поселянъ, не страшась многочисленнаго непріятеля, рѣшительно двинулось впередъ. Рыцари, покрытые латами, съ длинными копьями въ рукахъ, представляли неприступную желѣзную стѣну. Всѣ усилія Швейцарцевъ опрокинуть твердыню были тщетны; они падали поражаемые длиннымъ оружіемъ, тогда какъ ни одинъ изъ рыцарей не тронулся съ мѣста — ни одинъ не подвергся удару! . . . . Винкельридъ сбросилъ съ себя панцырь и съ обнаженною грудью выступилъ впередъ: — „*Друзья!*“ сказалъ онъ, *я* „*открою вамъ путь къ независимости — слѣ*„*дуйте за мною. Не забудьте моей жены и* „*дѣтей!*“ Съ этими словами онъ бросился впередъ, съ необычайною силою захватилъ кучу копій, направилъ ихъ себѣ въ грудь и съ ними упалъ на землю! . . . . Союзники устремились въ образовавшійся про-

межушокъ. Корошкое оружіе сдѣлалось имъ выгоднымъ; кучами валился непріяшель подъ ударами палицъ и шопоровъ. Тяжело-вооруженные воины не могли свободно дѣйсшвовашь копьями, и ряды ихъ были вездѣ пробишы. Швейцарцы, осшавленные въ засадѣ на горахъ, сбѣжали на помощь своимъ шоварищамъ, и сѣча сдѣлалась ужасною. Нѣкошорые изъ рыцарей приступили къ Герцогу съ убѣжденіемъ, чшобъ онъ удалился, но благородный вишязь ошвѣчалъ: „*сохрани меня Богъ, чтобъ я подумалъ о своей* „*жизни, когда столько храбрыхъ людей за меня* „*умираютъ!*" Скоро и онъ палъ, пораженный ударомъ шопора. Тогда рыцари сшали помышляшь о бѣгсшвѣ и шребовали своихъ лошадей; но ихъ не было: оруженосцы съ ними бѣжали. Въ эшошъ день погибло болѣе 600 рыцарей; но и Швейцарцы дорого заплашили за побѣду: много храбрыхъ воиновъ къ нимъ не возврашилось. —

На мѣсшѣ бишвы не осшавалось никого, когда показался воинъ, покрышый кровью и пылью. Съ замѣшнымъ нешерпѣніемъ, озираясь во всѣ сшороны, онъ скорыми шагами возвращался назадъ. Его глаза упорно искали

какого-то предмета; наконецъ, онъ повернулъ влѣво и съ живостью подошелъ къ трупу, лежавшему между двумя камнями. — „Винкельридъ!" сказалъ онъ, и преклонилъ колѣно — „я пришелъ объявить тебѣ, что „всѣ твои друзья пали; я остался одинъ въ „живыхъ — мнѣ суждено быть братомъ твоей „жены и отцемъ твоихъ дѣтей!" . . . . . Блуменъ взялъ руку мертвеца, почтительно поцѣловалъ ее и пустился догонять своихъ товарищей!! —

Сошедши съ горы, я приблизился къ Кюсенахту и остановился, чтобы взглянуть на часовню Телля. Она построена на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ Геслеръ; но въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ стѣнъ, покрытыхъ надписями путешественниковъ. —

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Памятникъ Швейцарцамъ 10-го Августа. — Луцернъ; гора Пилатъ. — Озеро четырехъ кантоновъ. — Альторфъ. — Дорога до Сен-Готарда. — Чёртовъ мостъ; предание. — Урнеръ-лохъ. — Гора Сен-Готардъ. — Айроло. — Обратный путь. — Бернъ; медвѣди. — Фрейбургъ. — Вевэ. — Лозана. —

Левъ, пораженный копьемъ, умираетъ, покрывая своимъ тѣломъ щитъ, на которомъ изображены лиліи — вотъ памятникъ, знаменитый художествомъ, а еще болѣе воспоминаніемъ! Онъ изваянъ изъ скалы; надъ впадиною надпись: Helvetiarum fidei ac virtuti; внизу помѣщены имена офицеровъ и солдатъ, погибшихъ 10го Августа, защищавши Лудовика XVI. Часовня, воздвигнутая въ память героевъ, замѣчательна по своему трогательному украшенію: Герцогиня Ангулемская сама

вышивала шелковый покровъ для алтаря, и прислала его съ надписью: Ouvrage de Son A. R. Madame la Dauphine Marie Thérèse de France. An 1825. Donné à la chapelle du monument du 10 août 1792 à Lucerne. —

Время основанія Луцерна неизвѣстно. Въ VII столѣтіи построился монастырь, около котораго стали селиться жители. Въ 768 появился городъ; онъ былъ отданъ Пепиномъ (Pepin le bref) вмѣстѣ съ монастыремъ Мурбахскому Аббатству. Въ концѣ XIII столѣтія монахи продали его Габсбургскому Дому; но въ 1332 году Луцернъ, чтобъ избавиться отъ подданства Австріи, вступилъ въ союзъ съ первыми тремя возставшими кантонами. Знаменитая битва при Семпахѣ, гдѣ его граждане покрылись славою, утвердила его независимость. — Прелестныя окрестности, чистый воздухъ и возможность наслаждаться ежедневными прогулками по озеру, привлекаютъ сюда много иностранцевъ. —

Противъ окна моей комнаты, освѣщенная послѣдними лучами солнца, показывалась гора Пилатъ во всемъ своемъ величіи. Вечеръ былъ

прекрасный; я долго смотрѣлъ на этого грознаго великана. Хотя всходъ на него не сопряженъ ни съ какими опасностями, но къ угрюмому виду его скалъ, народъ присоединилъ суевѣрное преданіе, что *Понтійскій Пилатъ*, посланный въ заточеніе Римскимъ правительствомъ, утопился въ небольшомъ озерѣ, находящемся на его вершинѣ. Водѣ, поглотившей тѣло самоубійцы, приписывалось свойство приходить въ волненіе при малѣйшемъ случаѣ и насылать на Луцернъ облака съ дождемъ и градомъ. Вѣра въ сказку была такъ сильна, что правительство возбранило, подъ строгимъ взысканіемъ, всходъ на эту гору, и пренебрегавшіе запрещеніемъ не рѣдко принуждены были раскаяваться въ тюрьмѣ. Не болѣе какъ 200 или 300 лѣтъ тому назадъ, путешественники стали получать особенныя позволенія, а теперь шесть дорогъ ведутъ любопытнаго къ самой вершинѣ! — Страхъ произошелъ отъ имени, даннаго горѣ; но и тутъ кроется грубая ошибка: она названа Mons pileatus по причинѣ облака, которое часто обвивается около ея вершины и имѣетъ видъ шляпы, или колпака, а не Pilatus, какъ хотѣли разумѣть искатели чрезвычайнаго!!! —

Изъ Луцерна мнѣ хотѣлось пробраться къ Сен-Готарду, для чего надобно плыть озеромъ во всю его длину. Кромѣ особеннаго удовольствія, сопряженнаго съ этою поѣздкою, путешественникъ вынуждается къ ней затрудненіями непріятной береговой дороги. Въ 8 часовъ утра пароходъ отчалилъ. Ничто не можетъ сравниться съ прекрасными видами береговъ Луцернскаго озера, которое получило здѣсь названіе *озера Четырехъ кантоновъ* потому, что омываетъ берега кантоновъ: Луцерна, Швица, Унтервальдена и Ури. Скоро мы поровнялись съ горою Риги. Деревня Вегисъ, построенная у ея подошвы, пострадала въ 1795 году самымъ необыкновеннымъ образомъ: на высотѣ горы образовался потокъ красной густой грязи, имѣвшій нѣсколько саженей глубины и до 600 аршинъ ширины; подвигавшись медленно, онъ только въ 15 дней могъ дойти до озера; между тѣмъ, жители, имѣвшіе ежедневно ужаснаго непріятеля передъ глазами, взяли свои мѣры: они вывели скотъ, вынесли имущество, всю хозяйственную принадлежность и оставили свои полураззоренные дома ему въ жертву; однакожь нѣкоторая только часть селенія была поглощена и стянута

въ озеро. Широкая красная полоса и теперь еще обозначаетъ ходъ потока. —

Когда намъ нужно было поворотить вправо, чтобы войти въ заливъ, знаменитый своими классическими берегами, насъ встрѣтилъ сильный порывъ противнаго вѣтра. Это напомнило всѣмъ тотъ же случай съ Геслеромъ и спасеніе *Телля*. Заливъ бываетъ иногда грозенъ: вѣтръ, сжатый между двумя высокими стѣнами, получаетъ такую силу, что легко можетъ опрокинуть большое судно. За восемь дней до моей поѣздки, пароходъ былъ въ опасности; онъ едва могъ сдѣлать поворотъ, чтобы возвратиться. — Иногда отрываются отъ горъ цѣлые утесы, которые падая въ озеро, даютъ сильный напоръ водѣ. Весною 1801 года вода, приведенная въ движеніе упавшими камнями, такъ высоко поднялась, что въ деревнѣ Сизиконъ нѣсколько домовъ и одиннадцать человѣкъ жителей были увлечены волною. — Полагаютъ, что озеро было длиннѣе; но песокъ и камни, которые Рейсъ катитъ съ собою изъ ущелій Сен-Готардскихъ горъ, засыпали значительную его часть. —

Ночь 17-го Ноября 1307 года припоминалась каждому изъ насъ, когда мы поровнялись съ знаменитымъ Грутли. По желанію Прусскаго Короля, тамъ надъ источникомъ поставлено красивое строеніе и вода выходитъ тремя фонтанами; каждый изъ нихъ носитъ имя одного изъ освободителей Швейцаріи. — На мѣстѣ, гдѣ Телль выпрыгнулъ на берегъ, построена часовня, гдѣ одинъ разъ въ году совершается Литургія въ его память. Къ этому дню народъ стекается со всѣхъ сторонъ. —

Мы причалили у Флюелена, деревеньки, принадлежащей кантону Ури, гдѣ всегда можно найти готовые экипажи, въ которыхъ путешественники ѣдутъ до Альторфа и до Сенъ-Готарда.

Альторфъ, главный городъ, или столица кантона Ури, былъ прежде значительнѣе и пространнѣе; но при посредничествѣ Консула Буонапарте, весь кантонъ уменьшился на половину. Въ концѣ XVIII столѣтія онъ сдѣлался театромъ военныхъ происшествій, и войска, что проходили черезъ него, то ос-

ставливались и квартировали въ немъ. Многія семейства, раззоренныя, или вытѣсненныя тогда по политическимъ причинамъ, удалились навсегда. Большая часть жителей обнищала до того, что принуждена была питаться подаяніемъ, а сверхъ того, пламя истребило значительную часть города. —

На площади, противъ ратуши, стоитъ памятникъ, называемый *маленькою башнею*; на немъ дурною живописью изобразили: на одной сторонѣ, присягу трехъ возстановителей независимости и тирана Геслера, принуждающаго Телля, стрѣлою сбить яблоко съ головы своего сына; на другой, сраженіе при Моргартенѣ, въ которомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, участвовалъ Телль. Проводники увѣряютъ, что памятникъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было дерево, у котораго стоялъ сынъ Телля съ яблокомъ на головѣ; но памятникъ поставленъ былъ прежде того, какъ срубили дерево! Одно не подвержено сомнѣнію: на этомъ мѣстѣ произошло событіе, котораго историческая точность, впрочемъ, опровергается нѣкоторыми новѣйшими писателями. —

По дорогѣ отъ Альторфа къ Сен-Готарду, сначала, по обѣимъ сторонамъ, тянутся цѣпи не очень высокихъ зеленыхъ горъ; въ нихъ я не нашелъ ничего интереснаго; но желаніе подробно осмотрѣть окрестность, было причиною, что я шелъ тихо и часто останавливался. Между тѣмъ сближался вечеръ и терялась надежда заблаговременно достигнуть ночлега. Я уже хотѣлъ ускорить шагъ, когда меня догнала коляска, ѣхавшая полною рысью, съ опущеными по бокамъ кожаными сторонками. Громкимъ голосомъ, крикнулъ кто-то — *стой!* Экипажъ, поровнявшись со мною, остановился. — „Милостивый государь, позвольте мнѣ предложить „вамъ мѣсто въ моей коляскѣ," сказалъ проѣзжавшій, чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, „вы „идете къ Сен-Готарду — это мой путь и „мнѣ будетъ пріятно имѣть товарища. Не „смѣю настаивать; но до гостиницы еще далеко; ночь застанетъ васъ въ дорогѣ, а погода „не обѣщаетъ ничего хорошаго." Приглашеніе было убѣдительно и пришлось кстати — я принялъ его съ удовольствіемъ. Когда мы проѣхали нѣсколько верстъ, солнце сѣло, нашли тучи, пошелъ дождикъ — сперва мелкій, по-

помъ крупный, и темнота такъ увеличилась, что въ двухъ шагахъ передъ собою нельзя было различать предметовъ. Мы подъѣхали къ мѣсту моего ночлега. Кучеръ остановился, чтобы дать лошадямъ по куску хлѣба, а мы вошли въ небольшую комнату, освѣщенную однимъ пламенемъ камелька. Погода сдѣлалась еще хуже: къ дождю присоединился сильный вѣтръ, и по убѣжденіямъ хозяина я рѣшился переночевать въ этомъ трактирѣ. Товарищъ мой былъ несговорчивъ; напрасно ему представляли, что въ нѣкоторомъ разстояніи дорога, всегда опасная, вѣроятно была, сверхъ того, размыта наводненіемъ; онъ не внималъ ничему. — „Вы не имѣете никакой нужды „торопиться," сказалъ онъ, „я и самъ при„глашаю васъ остаться; но мнѣ необходимо по„двинуться ближе къ Сен-Готарду: у меня разо„чтены дни." — Я провелъ мучительную ночь: послѣ ужина, заключавшагося въ кускѣ хлѣба и стаканѣ кислаго вина, меня ждала жесткая и холодная постель. Укутавшись въ байковое одѣяло, я заснулъ какъ могъ. На другой день чѣмъ дальше я подвигался, тѣмъ больше росли — громоздились передо мною ужасныя скалы! Отъ Амстега начинается знаменитая до-

рога. — Не льзя не удивляться предпріимчивости человѣка, заставляющей его бороться съ столькими препятствіями, чтобъ проложить путь промышленности. Въ этомъ отношеніи дорога Сен-Готарда можетъ быть причислена къ немногимъ памятникамъ дерзкихъ предпріятій, увѣнчанныхъ счастливымъ исполненіемъ. Ея ширина, обыкновенно въ 10 футовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирается до 15. Она ведетъ мимо глубокихъ обрывовъ, и вездѣ стоятъ каменные столбы въ такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что они всегда могутъ быть спасительны для экипажа, который подвергнется несчастному случаю. Шоссе содержится въ большомъ порядкѣ; почтовая карета, пробѣгающая по немъ, снабжена предохранительнымъ механизмомъ; но совсѣмъ тѣмъ надобно сказать, что всѣ описанія этой *прекрасной*, *безопасной дороги*, далеки отъ истины: послѣ долговременныхъ дождей, съ вершинъ горъ несутся бурные потоки; вода срываетъ мосты, размываетъ насыпи; огромные камни, вырванныя деревья— падаютъ на дорогу и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, покрываютъ все ея пространство! Недостатокъ способовъ не дозволяетъ въ скоромъ вре-

мени сдвинуть эти каменныя преграды, и дорога остается загроможденною на нѣсколько дней и даже недѣль. — Такой точно случай былъ въ ту ночь, и мой спутникъ потому только избѣгъ несчастія, что паденіе камней началось черезъ часъ послѣ проѣзда его коляски. Въ то время какъ я проходилъ, не только почтовая карета не могла больше ходить, но, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сдва могли переводить лошаковъ. — Зимою предстоитъ еще бо́льшая опасность: въ изобиліи выпавшій снѣгъ не удерживается на вершинахъ; сорвавшись съ оконечностей скалъ, онъ катится по крутизнѣ и влечетъ за собою другія снѣжныя глыбы. Постепенно увеличиваясь, обвалъ достигаетъ долины въ видѣ огромной снѣговой горы и покрываетъ ее высокимъ слоемъ снѣга, камнями и деревьями. Метели также ужасны: вѣтръ, сдувая съ вершинъ цѣлыя массы сухаго снѣга, въ видѣ густыхъ облаковъ несетъ ихъ въ долину, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онѣ погребаютъ селенія. Весною, когда начинается оттепель, опять новая бѣда! — Глыбы собравшагося за зиму снѣга, сдѣлавшись твердыми, какъ утесы, ви-

сяшъ надъ головою путешественника. Малѣйшее потрясеніе воздуха можетъ привести ихъ въ движеніе, и нѣтъ спасенія путнику въ то время, когда обрушится такая снѣжная гора: она занимаетъ большое пространство и летитъ съ быстротою молніи. Въ отвѣсныхъ стѣнахъ горъ выдолблены впадины, гдѣ въ минуту опасности можно укрыться. Много ли было спасшихся этимъ способомъ — неизвѣстно; но число ежегодно погибающихъ велико!! — Весною при проѣздѣ, или проходѣ черезъ опасныя мѣста берутъ осторожность, избѣгая всего, что можетъ потрясти воздухъ: отвязываютъ колокольчики и бубенчики; путешественники между собою говорятъ тихо потому, что не рѣдко случалось, что одно громкое восклицаніе было причиною паденія обваловъ. Если проводники видятъ много нависшихъ глыбъ и предполагаютъ невозможность пройти безъ того, чтобъ которая нибудь изъ нихъ не обрушилась — опасность, которую они предугадываютъ по погодѣ, тогда, приближаясь къ тому мѣсту, они стрѣляютъ изъ ружья, или пистолета, и послѣ того проходятъ по сторонамъ упавшаго обвала.

Гладкое шоссе вьется около утесовъ, которые двумя стѣнами-гигантами сжимаютъ рѣку Рейсъ; черезъ нее надобно переходить во многихъ мѣстахъ: дорога идетъ то по правому, то по лѣвому ея берегу, смотря потому, гдѣ было удобнѣе высѣкать ее въ камнѣ. Одинъ изъ мостовъ называется Pfafen-sprung, или *скачёкъ попа*; этимъ названьемъ онъ обязанъ преданію, что священникъ, или монахъ, похитившій дѣвицу, убѣгая отъ преслѣдователей, сдѣлалъ этотъ невѣроятный прыжёкъ!!! — На горахъ не видно зелени; рѣдко гдѣ голый камень покрытъ мохомъ. Длинныя слоистыя скалы, извиваясь по крутизнѣ, блестятъ отъ солнечнаго луча змѣиною чешуею; изъ ихъ разсѣлинъ, какъ изъ зѣвовъ, съ ревомъ несется скопившаяся дождевая вода. Этотъ гулъ, повторяемый отголоскомъ, приводитъ душу въ содроганіе! — Тамъ, гдѣ встрѣчается небольшое пространство луговой земли, оно покрыто обломками скатившихся камней; всюду стоятъ *кресты*, поставленные въ память людей, погибшихъ на тѣхъ мѣстахъ; вездѣ слѣды ужаснаго разрушенія! Каждый предметъ говоритъ путнику о погибели; на каждомъ шагу онъ ожидаетъ встрѣтить

смерть — ему кажется, что изъ-за каждой навислой скалы, она смотритъ на него своими тусклыми *оловянными* глазами! —

Дорога привела меня къ горѣ, заграждавшей путь. Я обогнулъ ее и очутился въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ меня окружали утесы непомѣрной высоты. Здѣсь Рейсъ, съ грохотомъ стремясь со скалы на скалу, образуетъ шесть водопадовъ. Послѣднiй главнѣйшiй: вода падаетъ съ высоты ста футовъ въ прямой линiи; но въ ея косвенномъ направленiи, конечно будетъ до 300. Въ стѣны утесовъ вдолблены концы каменнаго моста, котóрый, загибаясь крутою дугою, виситъ на 95 футахъ высоты надъ бездною — это *чёртовъ мостъ*! Онъ имѣетъ восемь шаговъ въ ширину, до 56 въ длину и поставленъ 27 футовъ выше стараго, котораго полуразрушившаяся арка еще держится. Новая дорога, уничтоживъ прежнюю, прервала всякое сообщенiе съ старымъ мостомъ. — Можно утвердительно сказать, что тутъ представляется одна изъ ужаснѣйшихъ картинъ всего мiра! Чтобъ имѣть о ней понятiе, надобно быть тамъ; никакое описанiе

не можетъ ее представить. Изъ всѣхъ рисунковъ нѣтъ ни одного вѣрнаго, и быть не можетъ потому, что стоящій на мосту, или у моста, находится въ глубокомъ колодезѣ; онъ можетъ видѣть одни бока горъ, водопады, мостъ — и, закинувъ голову, онъ перпендикулярно надъ собою увидитъ еще зубчатый кругъ остроконечныхъ скалъ и надъ нимъ небольшой голубой шатеръ — это вершины горъ и небо!!! — Какъ ни велико разстояніе новаго моста отъ рѣки, но паденіе воды такъ сильно, что брызги взлетаютъ на эту высоту. При сильномъ вѣтрѣ можно намокнуть, какъ отъ дождя.

Въ живописномъ отношеніи новый мостъ не можетъ сравниться съ старымъ; хотя искусство и труды видны тамъ въ каждомъ камнѣ, но они показываютъ постепенное дѣло рукъ человѣка, тогда какъ старый представляется произведеніемъ волшебнымъ: одна накинутая арка соединяетъ двѣ остроконечныя скалы; не видно гдѣ, и какъ она утверждена — мостъ виситъ на воздухѣ! *Новый* можетъ почитаться образцовымъ произведеніемъ искусства; но *старый* всегда будетъ однимъ изъ тѣхъ за-

гадочныхъ предметовъ, передъ которымк посѣтитель такъ охотно отказывается отъ изслѣдованій. Полагаютъ, что онъ былъ построенъ въ началѣ XII столѣтія, Жеральдомъ, Аббатомъ Эйнзидельнскаго монастыря. Народъ не хочетъ признавать его произведеніемъ обыкновеннымъ и приписываетъ его построеніе сверхъ-естественному событію. Такъ говоритъ преданіе: Ландаманъ кантона Ури былъ чернокнижникъ и притомъ человѣкъ искусный, сдѣлавшій много полезнаго для своего края: онъ развилъ торговлю, устроилъ дороги въ горахъ и наконецъ увидѣлъ необходимость проложить путь до Сен-Готарда. Нѣсколько мостовъ было удачно построено на Рейсѣ; оставалось сдѣлать послѣдній, самый трудный. Собранные матеріалы лежали въ грудахъ на берегу; строители не приступали потому, что не знали какъ и съ чего начать. Ландаманъ хлопоталъ, сердился, а помочь было нечѣмъ; наконецъ онъ рѣшился обратиться къ своимъ таинственнымъ познаніямъ и вытребовалъ къ себѣ духа тьмы для совѣта. — „Чего ты хо„чешь отъ меня?“ — спросилъ *врагъ*. — „Тво„его совѣта,“ отвѣчалъ Ландаманъ, „какъ утвер„дить концы моста.“ — „Я построю его въ

„одну ночь", сказалъ *духъ*, „но съ условіемъ, „чтобъ душа перваго, который пройдетъ по „немъ, принадлежала мнѣ." — Ландаманъ согласился и въ ту же ночь работа была окончена. Поутру собравшійся народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на прочно сдѣланный мостъ; но никто не смѣлъ пройти по немъ: Ландаманъ извѣстилъ всѣхъ объ условіи. Такъ продолжалось нѣсколько времени. Въ одинъ день Ландаманъ пришелъ въ сопровожденіи своей собаки. Кусокъ мяса, переброшенный на другую сторону, заставилъ ее пробѣжать по мосту — „условіе исполнено!" — вскрикнулъ чернокнижникъ, и съ той минуты мостъ сдѣлался удобопроходимымъ!! —

По той сторонѣ на небольшой площади, покрытой грудами камней, стоитъ часовня, построенная во имя какого-то Святаго. Среди общаго разрушенія, какъ горящая лампада посреди могильнаго склепа, ея надпись живительнымъ лучемъ вѣры согрѣваетъ сердце странника: ora pro nobis (моли Бога о насъ)! Тутъ я увидѣлъ кресты, какіе мнѣ часто встрѣчались на этой дорогѣ. Видъ этихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ человѣколюбіемъ праху лю-

дей, такъ жестоко пораженныхъ, наполнилъ мою душу неизъяснимою грустью — здѣсь, думалъ я, несчастный, отлученный отъ своихъ кровныхъ, отъ друзей, застигнутый бѣдственнымъ случаемъ, напрасно обращалъ вокругъ себя блуждающіе взоры — никакого спасенія! Напрасно онъ призывалъ на помощь людей, — они были далеко отъ него; онъ былъ одинъ въ этой каменной пустынѣ, — стоялъ съ распростертыми руками, какъ бы ограждая себя отъ удара; на его поблекшихъ устахъ бродила безсвязная, неясная молитва, и наконецъ его дрожащій голосъ: ora pro nobis замеръ подъ сокрушительнымъ камнемъ!!!

Дальше ожидаетъ путешественника новое впечатлѣніе: каменная гора совершенно заграждаетъ путь; но сквозь нее пробитъ проходъ. Темная галлерея въ 200 футовъ длины и 30 ширины служитъ сообщеніемъ съ долиною Урзернъ. Въ самой серединѣ сдѣлано отверстіе для свѣта; оно загорожено рѣшеткою, чтобы предохранить любопытнаго отъ несчастнаго случая потому, что отверстіе надъ рѣкою, которая быстро несется съ камня на камень подъ стѣною. Пу-

тешественникъ, пробывшій нѣсколько часовъ подъ вліяніемъ сильнаго ужаса, приготовившійся встрѣтить предметы, еще болѣе поразительные, видитъ дорогу, загражденную каменною стѣною; влѣво тѣ же неприступные утесы, вправо несется Рейсъ — вмѣстѣ съ тѣмъ, его глазамъ представляется отверстіе пещеры, которой загадочное протяженіе теряется во мракѣ. Въ недоумѣніи онъ останавливается; но гладкая, широкая дорога ведетъ туда. Съ невольнымъ содроганіемъ онъ входитъ въ этотъ зѣвъ, гдѣ бурный шумъ потока раздается подъ сводами. Ему кажется, что этотъ путь долженъ привести его къ чему нибудь особенно ужасному; робко онъ подвигается впередъ и съ болѣзненнымъ ожиданіемъ прошедши все пространство, подходитъ къ устью — тутъ совершенно свѣтло; съ живостью онъ переступаетъ остальные три шага и останавливается, пораженный неожиданною картиною: красиво выстроенное селеніе Андерматъ загибается дугою около пространнаго, пушистаго луга, по которому разсыпались пестрыя стада и, гдѣ тихо струящійся Рейсъ, какъ лента извиваясь между кустовъ и деревьевъ, тихо ка-

титъ свою серебристую струю. Дорога, усыпанная желтымъ пескомъ, гладкая какъ доска, въ прямомъ направленіи прорѣзываетъ этотъ прелестный садъ и примыкаетъ къ селенію Госпиталь, расположенному у подошвы Сен-Готарда. Скалы высокихъ горъ показываются только вдали — здѣсь одни ихъ пологія возвышенія, покрытыя зеленью. Переходъ отъ предметовъ ужасныхъ къ картинѣ, гдѣ взоръ скользитъ по нѣжнымъ сливамъ тѣней, сообщаетъ душѣ какое-то упоеніе — это переходъ отъ страданій къ наслажденію, отъ несноснаго замиранія сердца къ жизни идеальной, пастушеской — къ одному изъ дней золотаго вѣка!!!

Отъ Аместега до Сен-Готарда дорога неощутительно поднимается въ гору такъ, что Андерматъ съ своими фруктовыми садами и роскошною зеленью, находится на высотѣ 4,446 футовъ отъ поверхности моря и 2,000 футовъ выше Луцерна; отъ него стелется эта гладкая дорога, которая добавляетъ столько красоты къ виду, поразившему меня при выходѣ изъ Урнерлоха.

Въ селеніи Госпиталь я отдохнулъ и сталъ взбираться на Сен-Готардъ. Сначала всходъ довольно крутой ведетъ узкимъ горломъ; но потомъ начинается пологость. Здѣсь нѣтъ никакихъ видовъ. На пространствѣ первыхъ двухъ верстъ, обернувшись, еще можно полюбоваться долиною съ ея селеніями; дальше самыя горы скрываются за утесами Сен-Готарда и во все время пути они одни передъ глазами. Послѣ нѣсколькихъ часовъ трудной ходьбы, поднявшись на высоту 6,000 футовъ, я достигъ площади, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими скалами — это вершина Сен-Готарда, гдѣ проложена дорога; но оконечности утесовъ, отъ этого мѣста, возвышаются еще на 2,000 ф. На этой площади образовались небольшія озера; ихъ можно насчитать до десяти; но только два замѣчательнаго объема. Изъ одного вытекаетъ рѣка Тесинъ, изъ другаго Рейсъ. Утверждаютъ, что въ Сен-Готардскихъ озерахъ водятся форели. Гостиница поставлена на мѣстѣ бывшаго здѣсь монастыря. Въ страннопріемномъ домѣ, содержавшимся подаяніемъ, прохожіе принимались радушно: они имѣли безденежно пищу, а въ случаѣ болѣзни пособія; но духъ раззоренія, господствовавшій

между Французами въ концѣ XVIII столѣтія, не пощадилъ благодѣтельнаго заведенія. Единственнымъ его памятникомъ остались груды камней! —

Дорога отъ вершины Сен-Готарда къ долинѣ Айроло расположена по горѣ винтомъ. Съ ея половины открылась передо мною пространная долина, съ селеніями, между которыми Айроло занимаетъ почетное мѣсто. Хотя оно находится на высотѣ 3,700 ф. отъ поверхности моря, но совсѣмъ тѣмъ, отъ него до вершины Сен-Готарда считаютъ болѣе 12 верстъ. Тамъ я нашелъ гостинницу для ночлега.

13 го Сентября 1799 года это селеніе съ окрестностью было мѣстомъ сраженія между Русскими и Французами. Послѣдніе, сбитые съ позиціи, очистили деревню и отступили въ безпорядкѣ. Тутъ у подошвы Сен-Готарда наши гренадеры, изнемогшіе отъ голода и усталости, остановились. Какъ перемежающійся вѣтръ, предвѣстникъ грозной бури, прежде пробѣгаетъ по вѣтвямъ деревьевъ, а потомъ уже сильнымъ напоромъ врывается въ ущелья скалъ, такъ и Русская грудь еще не была приступ-

на чувству ослушанія; оно еще пробѣгало по устамъ — оно только шевелило густыя брови гренадеровъ. Суворовъ видитъ опасность; но богатырь не зналъ опасеній — сомнѣнія могли подкрадываться къ нему только во время его задумчивости, а тутъ онъ бдѣлъ! Не грозно, не съ упрекомъ, но съ груснымъ сожалѣніемъ онъ взглянулъ на своихъ сподвижниковъ и сказалъ имъ: *„Ребятушки, заройте меня здѣсь, я не хочу „больше жить — у меня нѣтъ больше дѣтей!"* —

Одинъ Русскій можетъ понять силу такихъ словъ. Одни Русскіе получили въ удѣлъ живую, дѣтскую любовь къ своему Царю, Котораго они называютъ *Отцемъ!* Безусловная покорность волѣ Повелителя переноситъ это чувство любви и къ особѣ, облеченной Его довѣріемъ. Таковъ всегда былъ Русскій! Какимъ бы тяжелымъ испытаніямъ онъ ни подвергался, но какъ гибкая сталь, освобожденная отъ гнета, въ одинъ мигъ приходитъ въ прежнее положеніе, такъ и Русскій, при свободѣ мнѣнія, всегда возвращается къ чувству, для него необходимому, отъ котораго скорбь отлучила его на время, но безъ котораго онъ жить не можетъ!! —

Для обратнаго пути за восемь франковъ мнѣ доставили лошадь; въ трудныхъ мѣстахъ я предоставлялъ ей пробираться самой, и не одинъ разъ имѣлъ случай удивляться инстинкту этихъ животныхъ: часто надобно было спѣшиваться, и перелѣзать черезъ большіе камни, которыми завалена была дорога; тогда проводникъ обводилъ ее узкими боковыми тропинками около обрывовъ. Надобно было видѣть, съ какою осмотрительностью она выбирала мѣста и какъ удачно избѣгала сыпучаго камня. Порода этихъ лошадей ведется только въ горахъ.

Отъ Госпиталя я продолжалъ путь пѣшкомъ. Расположеніе духа имѣетъ большое вліяніе на то, какъ намъ могутъ показаться предметы: когда я проходилъ въ первый разъ черезъ *чёртовъ мостъ*, отъ желанія ли скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія, или отъ ожиданія увидѣть новое, только я не испыталъ сильнаго ощущенія. И тогда, ужасная картина поразила меня; но тотъ же видъ, представившись вторично, сдѣлалъ на меня неизъяснимое впечатлѣніе. Нельзя себѣ представить ничего угрюмѣе этого каменнаго мѣшка,

куда дневный свѣтъ съ трудомъ проникаетъ; я остановился на мосту и долго стоялъ въ грустной задумчивости. У меня подъ ногами клубился водопадъ, а внизу къ правой сторонѣ показывалась арка стараго моста и часть прежней дороги. Съ содроганіемъ осматривая всѣ предметы, я припоминалъ славный переходъ Русскихъ; они были у меня передъ глазами: гренадеры бросаются впередъ; деревья, связанныя шарфами офицеровъ, замѣнили часть взорваннаго моста — и непреодолимая препона уступила рѣшительному напору храбрыхъ. Многіе изъ нихъ обрывались съ перекладинъ; не одинъ разъ сквозь шумъ водопада слышалось Русское восклицаніе: *Господи помилуй!* И на каждое былъ одинъ отвѣтъ товарищей: *Господи, помяни его душу!* И твердо и хладнокровно они шли впередъ!! — Меня обдавала водяная пыль — я принималъ ее съ благоговѣніемъ, какъ воду, освященную памятью столькихъ вѣрныхъ сыновъ православнаго Отечества, нашедшихъ въ ней могилу! —

Голосъ, раздавшійся вблизи, заставилъ меня оглянуться. Двѣ Швейцарки — крестьянки съ любопытствомъ смотрѣли на ме-

ни: — „Господинъ, пойдемъ съ нами," сказала старшая, — „что ты тутъ дѣлаешь?" „Мать," подхватила молодая, „скажи ему, „чтобъ онъ далъ намъ что нибудь изъ своихъ „вещей, мы съ охотою ихъ понесемъ — ему „легче будетъ идти." — „Но у меня ничего „нѣтъ," отвѣчалъ я, „мѣшокъ остался въ де„ревнѣ, черезъ которую надобно проходить, „а съ зрительною трубкою не хочу разстать„ся." — „Мы не пойдемъ дорогою," съ живостью сказала молодая, „такъ будетъ далеко, а „мы проведемъ тебя поближе." Какъ козы, пробираясь едва примѣтною стежкою мимо ущелій и пропастей, онѣ мнѣ помогали въ трудныхъ мѣстахъ, и послѣ утомительнаго перехода мы вышли опять на дорогу. Огромный камень обратилъ мое вниманіе потому, что онъ казался какъбы поставленнымъ на одномъ изъ своихъ угловъ. — „Какъ онъ можетъ такъ „держаться?" спросилъ я своихъ спутницъ, и подошелъ къ нему. — „Не будешь удивляться, „господинъ, когда узнаешь, что это за камень," важно выговорила старуха, „знаешь ли какъ „былъ построенъ *чёртовъ мостъ?*" — „Пре„даніе мнѣ знакомо" отвѣчалъ я. — „Ну такъ „вотъ видишь, когда злой духъ удостовѣрил-

„ся, что его обманули, въ досадѣ на Ландамана, онъ схватилъ этотъ камень и понесъ его по воздуху, съ тѣмъ чтобы брося на мостъ, уничтожить свою работу; но благочестивая старушка попалась ему на встрѣчу; она кинула въ него четками и врагъ уронилъ свою ношу на этомъ самомъ мѣстѣ.“ —

На поворотѣ дороги показалась вдали высокая гора съ остроконечными утесами; густыя бѣлыя облака закрывали одну ея половину. — „Виндгаль нахмурилъ брови! Виндгаль на „ночь надѣлъ свой бѣлый колпакъ — быть бѣдѣ!“ попеременно вскрикивали мои спутницы, и на мой вопросъ, — „что это значитъ?“ старуха отвѣчала: „Вотъ видишь, господинъ, эта „гора называется Виндгаль. Она имѣетъ четыре рога. На одинъ изъ нихъ всходить „можно; но на трехъ остальныхъ отъ со„творенія міра никакое живое существо не „оставило слѣда. Когда высочайшій изъ нихъ „покроется облакомъ, это служитъ знакомъ „непогоды, и надобно поспѣшать къ убѣжищу. „Съ Виндгалемъ шутить плохо!“ Мы ускорили шагъ. Въ изгибахъ дороги злой вѣщунъ

скрылся; не прежде какъ черезъ часъ мы его опять увидѣли и на этотъ разъ, въ близкомъ разстояніи. Облако, покрывавшее рогъ, опустилось еще ниже, сгустилось, и опоясало его середину такъ странно, что бѣлый поясъ совершенно отдѣлялъ зелень горы отъ каменистой вершины. Утесы показались во всей своей дикой красотѣ. Освѣщенные послѣдними лучами солнца, они отдѣлялись отъ остальной части и казались какимъ-то воздушнымъ явленіемъ. Когда мы еще болѣе приблизились къ Виндгалю, меня плѣнила удивительная картина: дорога привела насъ къ крутому отвѣсу горы. Мы стояли надъ бездною. Въ нѣсколькихъ стахъ футовъ глубины глазъ едва могъ, сквозь макушки сосенъ, всматриваться въ потокъ Рейса, котораго шумъ глухо отдавался, а передъ нами стоялъ гигантъ, почти цѣлою половиною выше облаковъ! Однакожь предсказаніе моихъ спутницъ не сбылось: мы благополучно прибыли въ Амстегъ.

Пожары неоднократно превращали эту деревню въ пепелъ. Жители, которые и безъ того были не слишкомъ богаты, совершенно

раззорились; число нищихъ до сего времени велико. Жители кантона Ури бѣдны и въ самомъ грубомъ невѣжествѣ; но при случаѣ къ просвѣщенію природныя способности въ нихъ быстро развиваются. Въ нихъ замѣтна особенная наклонность къ поэзіи: часто самый обыкновенный разговоръ поселянъ отзывается поэтическимъ слогомъ. —

Возвратившись въ Луцернъ, на другой день поутру я занялъ мѣсто въ дилижансѣ и пріѣхалъ въ Бернъ къ 11 часамъ вечера. Въ Швейцаріи устройство дилижансовъ достигло высочайшей степени: кареты легки, покойны на ходу, и помѣстительны. Снабженныя предохранительнымъ механизмомъ, онѣ катятся съ крутыхъ горъ съ тою же быстротою, какъ и по ровному мѣсту. Спускаясь съ высоты, по дорогѣ, расположенной винтомъ, сколько разъ, въ то время, какъ карета дѣлала крутой поворотъ, мнѣ случалось выглядывать изъ окна — обрывъ былъ передъ глазами; не смотря на скорость ѣзды, взоръ достигалъ дна бездны и тамъ ловилъ неясные предметы; невольно рука бралась за рукоятку дверки; восклицаніе: *стой*! было готово сорваться съ

языка; но эта картина быстро смѣнялась другою, и невнятные звуки замирали на губахъ, а на грудь ложилась свинцовая плита и давила ее нестерпимо! Во все время моего пребыванія въ Швейцаріи я не могъ привыкнуть къ этой ѣздѣ, а въ первые дни она была для меня мучительна: послѣ трехъ-часоваго переѣзда мнѣ надобно было отдыхать такъ, какъ бы послѣ самаго труднаго путешествія. —

Бернъ обязанъ своимъ названіемъ странной мысли Герцога Церингенъ, который прежде закладки послалъ своихъ охотниковъ въ горы съ тѣмъ, чтобы первый убитый ими звѣрь былъ внесенъ въ гербъ города. Случай наслалъ на нихъ медвѣдя!!

Путешественники съ любопытствомъ останавливаются у квадратнаго углубленія, выложеннаго каменными плитами. Въ стѣнахъ видны небольшія отверстія, служащія входомъ въ кануры, гдѣ живутъ медвѣди. Не знаю, ведутъ ли они свою родословную отъ временъ основанія города, но вѣрно, что порода этихъ уважаемыхъ животныхъ не переводится въ те-

ченіе многихъ столѣтій. Лишнихъ сбываютъ, а потому ихъ всегда не больше четырехъ. Ровъ обнесенъ балюстрадою, около которой тѣснятся посѣтители съ корзинами, наполненными булками и яблоками. Одна богатая вдова духовнымъ завѣщаніемъ назначила въ пользу медвѣдей значительный капиталъ, съ тѣмъ, чтобъ опекуны, опредѣленные правительствомъ, пеклись о ихъ содержаніи. Булки, разные плоды, медъ, вино, водка выдавались имъ по утвержденному правительствомъ назначенію; сверхъ того выбрано было нѣсколько дней въ году, въ которые медвѣди давали праздникъ, и небольшое, но отборное число патріотовъ угощалось лакомымъ столомъ и при звукахъ музыки пило за здоровье гостепріимныхъ животныхъ. Въ 1798 году Французы перевезли этотъ капиталъ въ Парижъ. Въ пользу разоренныхъ непріятелемъ учредился сборъ и составилась сумма; но уже не столь значительная. Теперь медвѣди содержатся отъ процентовъ новаго капитала. Ихъ *общеніе* съ гражданами не прекратилось: недостатокъ въ способахъ не позволяетъ имъ давать обѣды; но за то они пользуются угощеніемъ отъ посѣтителей.

Добрые жители Берна давно забыли всѣ дурные поступки Французовъ; но похищеніе медвѣжьяго капитала по сіе время простить не могутъ!!!

Бернъ, съ широкими улицами, съ чистою, быстрою водою своихъ каналовъ, съ прелестными фонтанами, аркадами и готическими зданіями, окруженный великолѣпною панорамою снѣжныхъ горъ, плѣняетъ путешественника. Къ тому же, преимущественно передъ всѣми городами Швейцаріи, здѣсь выказывается роскошь и вкусъ къ изящному. —

Отложивъ до моего возвращенія поѣздку въ Оберъ-Ландъ, я взялъ прямое направленіе къ Женевѣ. Въ Фрейбургѣ меня провезли по воздушному мосту въ 941 футъ длины; онъ виситъ на проволочныхъ канатахъ, утвержденныхъ на обоихъ берегахъ. Кто повѣритъ, что онъ стóитъ правительству только 300,000 франковъ!!

Фрейбургъ расположенъ на возвышеніи горы, а часть его на покатости. Мѣстоположеніе живописное; но строеніе не хорошо. Осо-

бенно поразительно разнообразіе и рѣзкое безвкусіе. Въ узкихъ и кривыхъ улицахъ безпрестанно встрѣчаешься съ безпорядкомъ и неопрятностью. Образъ жизни и языкъ дѣлятъ Фрейбургъ на двѣ части: въ верхней говорятъ французскимъ языкомъ; въ нижней нѣмецкимъ. Замѣчательно, что тѣ, которые говорятъ французскимъ, отличаются большею промышленностью, —

Къ числу рѣдкостей причисляется липа, посаженная въ 1480 году — четыре года послѣ знаменитаго сраженія при Морашѣ, гдѣ былъ разбитъ Карлъ Бургундскій; она имѣетъ въ объемѣ 13 футовъ. Слѣдующее происшествіе побудило гражданъ посадить дерево: Въ день битвы, въ числѣ союзниковъ находились и Фрейбургскіе граждане. Люди каждаго кантона имѣли на себѣ знаки, по которымъ можно было ихъ распознавать. Фрейбургцы къ своимъ шляпамъ прицѣпили липовыя вѣтки.

Когда побѣда склонилась на сторону Швейцарцевъ, одинъ изъ молодыхъ ратниковъ Фрейбурга былъ посланъ въ городъ съ извѣщеніемъ. Съ этою вѣткою въ рукѣ онъ бѣжалъ, ши-

гдѣ не останавливаясь и наконецъ, совершенно изнуренный, явился на площадь, гдѣ собравшійся народъ въ страхѣ и нетерпѣніи ожидалъ извѣстія. Онъ произнесъ слово *побѣда!* бросилъ вѣтку подбѣжавшимъ къ нему гражданамъ, и упалъ мертвый къ ихъ ногамъ. *Вѣтка* произрастила огромное дерево!

Здѣсь господствующее вѣроисповѣданіе Римское; но есть много и Реформатовъ, которые однако живутъ въ согласіи съ Католиками, и благоразумными мѣрами правительства, вѣротерпимость ни съ какой стороны не нарушается.

Въ милыхъ окрестностяхъ Вевэ, небольшаго городка, построеннаго на берегу Женевскаго озера, пышно разнообразятся живописные виды береговъ Лемана! Съ Лозаною, до которой отсюда не болѣе двухъ часовъ ѣзды, Вевэ никакъ сравнить нельзя. Лозана уступаетъ ему въ красотѣ мѣстоположенія и сверхъ того, она не пользуется тѣмъ пріятнымъ, теплымъ воздухомъ: возвышеніе, на которомъ построенъ городъ, причиною особенной свѣжести во время теплыхъ и ясныхъ дней и сильнаго холода во время ненастныхъ. —

Жители Лозаны говорятъ довольно чистымъ французскимъ языкомъ; но въ окрестности въ употребленіи простонародный (patois), составленный изъ смѣси латинскихъ, греческихъ и древнихъ цельтическихъ словъ. Его понять невозможно. —

Чтобъ смотрѣть на Женеву и любоваться ею, надобно смотрѣть на нее съ озера. Этотъ рядъ прекрасныхъ зданій, покрывающихъ набережную, служитъ ширмами, за которыми скрываются всѣ недостатки города. Приближаясь къ пристани, представляется глазамъ рядъ дворцовъ, за которыми не можешь подозрѣвать кривыхъ, нечистыхъ улицъ и безобразныхъ строеній. —

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дорога въ долину Шамуни. — Шамуни. — Открытіе долины. — Ледяное море. — Ледники Швейцаріи. — Монбланъ. — Всходъ на эту гору. — Переходъ черной головы. — Мартиньи.

Монбланъ манилъ меня къ себѣ. Въ одно утро, помѣстившись въ четыремѣстной коляскѣ, съ двумя товарищами, я поѣхалъ въ Шамуни. Дождикъ лилъ нѣсколько дней сряду, и хотя онъ перестaлъ наканунѣ моего выѣзда, но за-то поднимались густые пары, которые застилали всѣ предметы. Когда мы доѣхали до Красивой деревни *Шенъ*, гдѣ ручей отдѣляетъ Савоію отъ владѣній Республики, передъ нами открылись три горы: въ серединѣ *Моль*, на правой рукѣ *Брезонъ*, а влѣво возвышалась острая вершина *Маркели*. Всякому путешественнику вмѣняется въ обязанность побывать на Брезонѣ; но нельзя было и ду-

мать о томъ: туманъ сдѣлалъ бы трудъ напраснымъ. Къ 12 часамъ, мы пріѣхали въ небольшой и худо выстроенный городокъ — Бонвиль, замѣчательный древностью: Онъ извѣстенъ съ XIII столѣтія, хотя тогда еще не былъ городомъ. На мосту, накинутомъ на рѣкѣ Арвѣ, воздвигнутъ памятникъ благодарными жителями Карлу Феликсу, за его попеченіе объ устроеніи плотинъ для удержанія воды. Статуя Короля поставлена на высокой колоннѣ, а барельефъ изображаетъ скованную рѣку.

Недалеко отъ деревни *Бальмъ*, за три франка, путешественникъ входитъ въ длинную пещеру. Ея отверстіе имѣетъ 10 футовъ вышины и 20 ширины; длина простирается до 340 шаговъ. Въ серединѣ находится глубокая разсѣлина, въ которую бросаютъ камни, чтобы слышать необыкновенный звукъ, производимый ихъ паденіемъ. Сперва бросали гранаты; но за разрывомъ слѣдовалъ всякій разъ такой сильный ударъ, что правительство, опасаясь дурныхъ послѣдствій, запретило этотъ опытъ.

Водопадъ *Нантъ - Дарпенъ* нисколько не любопытенъ, хотя вода падаетъ съ высоты

800 футовъ; но количество ея такъ незначительно, что на утесахъ, безпрестанно орошаемыхъ влажностью, она сливается въ небольшіе ручейки, которые струятся по камню едва примѣтными нитями, и у подошвы горы образуютъ источникъ.

Изъ трактира Belle-vue, въ городкѣ *Саланшъ*, въ хорошій день можно видѣть Монбланъ; впрочемъ тому, кто хочетъ приблизиться къ знаменитой горѣ, за этимъ удовольствіемъ останавливаться не нужно. Отъ этого городка путь повелъ насъ по узкому пространству, сжатому двумя рядами горъ, гдѣ нѣтъ открытыхъ видовъ. На дорогѣ, путешественниковъ ожидаетъ мальчикъ съ длинною трубою въ рукѣ. За нѣсколько мелкихъ монетъ онъ доставляетъ удовольствіе слышать необыкновенный отголосокъ. —

Долина Шамуни, сдѣлавшаяся не такъ давно извѣстною, находится на высотѣ 3,150 футовъ отъ поверхности моря; слѣдственно она 2040 ф. выше Женевы. Здѣсь зима начинается съ Октября и продолжается до Мая. Лѣтомъ въ самое жаркое время термометръ не

поднимается высоко, и тѣ дни, въ которые онъ доходитъ до 20 градусовъ, считаются большою рѣдкостью. Обыкновенно въ полдень ртуть достигаетъ 14 и 17 градусовъ; поутру не бываетъ болѣе 9-ти. Среди лѣта при ненастной погодѣ, необходимо разводить огонь въ каминѣ.

Долина была открыта въ 1741 году случайнымъ образомъ. Какъ ни удивительно, что на разстояніи 90 верстъ отъ Женевы нѣсколько селеній могли оставаться въ неизвѣстности, но если вникнуть въ обстоятельства, оно объяснится само собою. Шамуни имѣетъ два сообщенія, или два выхода: одинъ къ Саланшу, которымъ я пріѣхалъ, другой къ долинѣ Валорзинъ. Въ первомъ устроена теперь дорога; но по ней въ большомъ экипажѣ проѣхать невозможно; лѣтъ 20 послѣ открытія долины путешественники едва могли проходить по ней пѣшкомъ, и прежде 1741 года конечно не было никакого сообщенія. Выходъ къ Валорзину имѣетъ двѣ дороги: одна ведетъ черезъ переходъ *черной головы*, другая черезъ перешеекъ Бальма (col de Balme) и обѣ выходятъ къ Мартиньи. Я проходилъ обѣ-

ими и утвердительно могу сказать, что не смотря на 98 лѣтъ, протекшихъ со времени открытія долины, и на множество иностранцевъ, всякій годъ сюда пріѣзжающихъ, онѣ еще въ младенческомъ состояніи. Можно идти пѣшкомъ, или ѣхать на лошакѣ, но не вездѣ безопасно. Въ теченіе такого долгаго времени работа для ихъ устройства не прекращалась, совсѣмъ тѣмъ не могли добиться, чтобы здѣсь прошло колесо! Для избѣжанія перехода по крутому утесу, надъ краемъ пропасти, принуждены были пробивать скалу, и теперь темная каменная галлерея служитъ сообщеніемъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ эти мѣста были почти непроходимы; что же было за 98 лѣтъ, легко себѣ представить! — Природа оградила долину со всѣхъ сторонъ такъ, что безъ особеннаго случая, жители этой пустыни могли бы еще долго оставаться неизвѣстными. Они имѣли сношенія съ селеніями близъ лежащихъ долинъ, куда приходили покупать необходимое, путями, имъ однимъ извѣстными. Эти, также не имѣли дальнихъ сношеній, а жителей долины Шамуни знали какъ полудикихъ людей, которые спускались къ нимъ съ снѣжныхъ вершинъ, чтобы вести съ ними

торгъ; но главная причина ихъ неизвѣстности произошла отъ смѣтливости духовныхъ лицъ. Постепенно теряя свои владѣнія, они искали сохранить тѣ, которыхъ мѣстность ручалась за ихъ недоступность. Когда открыта была долина, жителей нашли ознакомленныхъ со всѣми обрядами Христіанской Церкви, но въ поразительной младенческой простотѣ и въ грубомъ невѣжествѣ. Проводники и теперь со смѣхомъ разсказываютъ, что первые путешественники, проникшіе туда, не отважились идти впередъ; они вернулись, и послѣ пришли съ вооруженною свитою; но пріятнымъ образомъ они были удивлены, когда увидѣли, что эти мнимые *дикіе* съ радостью спѣшили къ нимъ навстрѣчу и какъ своихъ родныхъ угощали чѣмъ могли. ГГ. Пококъ и Виндгамъ съ чувствомъ передали удивленной Европѣ свое впечатлѣніе при свиданіи съ ними. Послѣ того протекло 25 лѣтъ и почти никто не побывалъ тамъ, кромѣ небольшаго числа Англичанъ, которые останавливались въ домѣ Священника. Въ 1760 году зашелъ туда извѣстный путешественникъ Г. Де-Соссюръ, и въ своихъ запискахъ онъ упоминаетъ, что ему негдѣ было остановиться. Теперь въ се-

леніи Шамуни, кромѣ незначительныхъ трактировъ, находятся три знаменитыя гостиницы съ прекрасною отдѣлкою комнатъ и прихотливымъ столомъ; онѣ справедливо могутъ сравниться съ лучшими столичными трактирными заведеніями. Hôtel de L'union славится своими роскошными ваннами; Hôtel d'Angleterre имѣетъ три кухни: Французскую, Нѣмецкую и Англійскую, и обращеніе прислужниковъ отзывается утонченностью просвѣщенныхъ людей — какъ бы то ни было, а я охотно готовъ былъ, во время моего тамъ пребыванія, промѣнять 1839 годъ на 1741!

Большое стеченіе путешественниковъ и расточительность многихъ изъ нихъ, быстро внесли просвѣщеніе въ долину; однако остатки прямодушія, честности и особенной доброты сердца еще видны въ жителяхъ. Ихъ промыслъ состоитъ въ добываніи камней, которые они продаютъ посѣтителямъ за высокую цѣну; къ томужъ они поддерживаютъ скотоводство, земледѣліе и бѣлый ароматическій медъ, заслужившій извѣстность въ Европѣ. Мѣстечко выстроено на возвышеніи, образовавшемся изъ камней, набро-

санныхъ взрывомъ горы. Дома красивы, опрятны; особенный порядокъ, замѣтный вездѣ, отличаетъ жителей долины Шамуни отъ прочихъ Савойцевъ. —

День былъ такъ хорошъ, что я не рѣшился отлагать прогулки въ окрестностяхъ. Взявъ проводника съ лошакомъ, я пошелъ къ *ледяному морю* — такъ называется большой ледникъ *Монтанвера*. Сначала постепенно поднимаясь, я пробирался скатомъ горы, параллельно протяженію долины, и скоро достигъ лѣса, откуда небольшая стежка ведетъ на крутизну. На путь пожаловаться не льзя: онъ труденъ для пѣшеходца, но опасности нѣтъ нигдѣ. Когда я шелъ горою, долина Шамуни съ своими красивыми селеніями и Арвою, текущею посреди обширнаго луга, все была у меня передъ глазами; но пришедши къ Монтанверу, я не имѣлъ ничего другаго въ виду, кромѣ обнаженныхъ утесовъ, и стоялъ на краю обрыва, а внизу разстилалась пространная ледяная равнина, получившая названіе *ледянаго моря* потому, что большіе ледяные бугры синеватаго цвѣта, покрывающіе ея поверхность, имѣютъ

видъ волнующагося моря. Оконечности ледника въ длину видѣть нельзя; но всего протяженія полагають отъ 10 до 11 верстъ; въ ширину нѣтъ болѣе $2\frac{1}{2}$, или 3. На другомъ берегу, подобно пирамидамъ стоятъ каменныя горы; между ними шпицъ *Дрю* (aiguille du Dru), 11,750 футовъ высоты, отличается необыкновенною игрою природы: его бока, какъ будто обтесанные мастеромъ, не представляютъ никакой возможности для всхода. На лѣвой сторонѣ шпицъ *Бошаръ*, который однако ниже перваго, а вправо шпицъ *Куверкль*; всѣ они ужасной высоты и, хотя взобравшись на гору Монтанверъ, я уже былъ на высотѣ 5,724 футовъ, но вершины этихъ каменныхъ гигантовъ возвышались еще на 6,000. Перебираясь съ одного камня на другой, я спустился внизъ и пошелъ по льдинамъ. Нельзя себѣ представить этого величественнаго вида! Путешественникъ со всѣхъ сторонъ окруженъ ледяными возвышеніями — онъ посреди моря, котораго валы какъ бы остановились во время своего сильнаго движенія и, чтобы подаваться впередъ надобно съ одной льдины переходить на другую, между тѣмъ какъ встрѣчаются разсѣлины. Черезъ нѣкоторыя можно пе-

решагнуть; через другія надобно перепрыгивать — много есть и такихъ, которыя имѣютъ нѣсколько аршинъ ширины, и глубины до 500 футовъ — страшно заглянуть въ эту ледяную пропасть! Внутренность трещины имѣетъ синеватый цвѣтъ; но въ глубинѣ ледъ принимаетъ видъ изумруда. Мой проводникъ бросалъ туда камни; они долго летѣли, пока достигали дна, что можно было слышать, или по звуку ихъ паденія, или по шуму воды, часто находящейся на днѣ. На каждыхъ 15 шагахъ встрѣчаешь подобную трещину. Если она широка, надобно ее обойти, но длина ихъ различная: не рѣдко бываетъ, что для обхода нужно пройти больше версты. Подъ этою тяжелою массою льда, находятся небольшія озера, источники, пещеры. — Лѣтомъ, льдины, почти каждые два дни сжимаются напоромъ верхнихъ, тогда старыя трещины закрываются и образуются новыя. Вотъ опасная минута для того, кто будетъ застигнутъ этимъ движеніемъ — его погибель неизбѣжна!

По исчисленію *Эбеля*, въ Швейцаріи считается до 400 ледниковъ, занимающихъ про-

странство 130 квадратныхъ Lieues, т. е. болѣе 400 квадратныхъ верстъ и глубина льдинъ доходитъ до 600 футовъ. Всѣ ледники имѣютъ между собою сообщеніе. Тамъ, гдѣ покатость даетъ возможность верхнимъ льдинамъ опускаться, нижнія, сжатыя въ узкомъ пространствѣ, безпрестанно открываютъ новыя трещины и подымаются въ видѣ водяныхъ валовъ. На ровномъ мѣстѣ ледъ лежитъ гладко. По немъ можно идти какъ по настланному полу и трещины рѣдки, а если и найдутся гдѣ, то онѣ не значительной ширины. Шероховатость льда доказываетъ, что онъ составляется изъ снѣжныхъ глыбъ: извѣстно, что снѣгъ, превращаясь въ ледъ, сохраняетъ ноздреватость на своей поверхности и эта самая ноздреватость встрѣчается на всѣхъ льдинахъ. Всякій годъ, въ теченіе 9 мѣсяцевъ, въ углубленіяхъ, находящихся на высотѣ горъ, собираются огромныя снѣжныя глыбы; онѣ постепенно обращаются въ ледъ, ростутъ, и наконецъ, увлеченныя собственною тяжестью, опускаясь внизъ, очищаютъ мѣсто для новаго запаса. Этотъ напоръ производитъ движеніе въ нижнихъ ледникахъ, которые въ свою очередь, также подаваясь впередъ, безпрестанно новыми льдинами

замѣняютъ оконечныя, тающія отъ солнечныхъ лучей и образующія источники рѣкъ! Въ этомъ удивительномъ, непостижимомъ механизмѣ природы нѣтъ ничего положительнаго, кромѣ равновѣсія; впрочемъ ледъ прибываетъ и убываетъ не каждый годъ одинаково, — это зависитъ отъ бо́льшаго, или ме́ньшаго скопленія снѣга на вершинахъ и отъ вліянія температуры на оконечности ледниковъ. Никакъ не льзя предположить, чтобы ледъ могъ занять пространство больше того, которое ему назначено, что подтверждается вѣковымъ опытомъ; но были случаи, гдѣ температура ускоряла порядокъ движенія: въ Мартиньи видны знаки на домахъ въ память того лѣта, когда ледники внезапно большими массами растаяли и напоръ воды въ рѣку Рону, заставилъ ее выйти изъ береговъ; но прибавляться въ высоту ледъ не можетъ: во время зимы земля сохраняетъ свойственную ей теплоту и потому, часть льда, находящаяся въ соприкосновеніи съ ея поверхностью, до которой внѣшній воздухъ доходить не можетъ, безпрерывно таетъ и такъ сильно, что между льдомъ и землею испаряющійся теплый воздухъ образовалъ пещеры и озера, откуда стремятся потоки. — Лѣтомъ

таетъ *оконечность* льда; зимою *исподъ*. Несчастные опыты удостовѣряютъ въ существованіи подледныхъ пещеръ и проходовъ. Изъ столькихъ случаевъ, передаваемыхъ жителями, можно привести въ примѣръ одинъ, признанный достовѣрнымъ: въ 1781 году Боренъ, трактирщикъ долины Унтервальдъ, шелъ черезъ ледникъ, находящійся между *Ветергорномъ* и *Метенбергомъ*. Неосторожно онъ ступилъ на тонкій ледъ, покрывавшій трещину въ 64 фута глубины; онъ его не удержалъ и несчастный упалъ въ пропасть. Не смотря на то, что онъ переломилъ себѣ руку и вывихнулъ кисть, онъ не потерялъ присутствія духа: счастливо наткнувшись на подледный проходъ, онъ проползъ имъ на разстояніе 131 фута до оконечной пещеры ледника. Послѣ того нѣсколько смѣльчаковъ отважились на опытъ; они проползли до того мѣста, куда упалъ трактирщикъ и, измѣривъ пространство, благополучно возвратились. —

Монбланъ, съ нѣкотораго времени, составляетъ *для* многихъ единственную цѣль путешествія. Откинувъ все, что эпоха общаго стремленія къ горамъ Швейцаріи, можетъ

прибавить къ знаменитости этого великана, не льзя не согласиться, что для того, кто хочетъ видѣть величественное и имѣть понятіе о чудесахъ природы, которыхъ описаніемъ передать невозможно, тому необходимо взглянуть на него. Горы, съ которыхъ удобнѣе смотрѣть на Монбланъ, это Бреванъ и перешеекъ Бальма (Col de Balme). Всходъ на обѣ не сопряженъ ни съ какимъ затрудненіемъ. Съ первой представляется во всемъ своемъ пространствѣ ледникъ des Bossons, часть ледника Taconnaz и всѣ скалы, называемыя grands et petits mulets во всемъ ихъ протяженіи, а наконецъ и *куполъ*, или вершина Монблана. Съ другой горы почти тотъ же видъ, только съ боку.

Всходъ на Монбланъ очень труденъ. Въ 1839 году было нѣсколько попытокъ; но ни одна изъ нихъ не удалась. На одномъ изъ его ледниковъ образовалась разсѣлина, почти въ 60 футовъ ширины и такой длины, что ее не возможно было обойти — путь на вершину былъ совершенно загражденъ. На другой годъ, отъ напора новыхъ льдинъ трещина закрылась. —

Къ самымъ удачнымъ опытамъ должно причислить путешествіе Капитана Шервиля и Доктора Кларка въ 1825 году. Они не подвергались, ни большому вѣтру на высотѣ, ни тому сильному холоду, который встрѣтилъ Г-на Бури. Капитану Шервилю и Доктору Кларку доставалось не разъ вырубать ступени, чтобъ перебираться черезъ высокія ледяныя стѣны; но это никакъ не могло сравниться съ утомительными затрудненіями, ожидавшими на каждомъ шагу Г. де Соссюра. Они съ опасностью проходили черезъ разсѣлины, со страхомъ шли мимо нависшихъ снѣжныхъ глыбъ, однако проводники утверждаютъ, что имъ не встрѣтили и половины тѣхъ опасностей, бывшихъ удѣломъ Г. Г. Пикара, Говарда, Гаммеля и прочихъ. Небольшое извлеченіе, сдѣланное мною изъ разсказа Г. Шервиля о ихъ удачномъ восхожденіи можетъ показать, что ожидаетъ путешественника при неудачномъ.—

„Когда мы пришли къ леднику des Bossons," говоритъ онъ, „мы прицѣпили къ нашимъ башмакамъ желѣзныя подковки съ заостренными „шипами, и пошли по льдинамъ. Въ двадцати, „или тридцати шагахъ впереди, шли два про-

„водника одинъ за другимъ, оба привязанные къ „длинной веревкѣ. Другіе два слѣдовали за ними въ томъ же порядкѣ; дальше шелъ Докторъ Кларкъ съ своимъ вожатымъ, тамъ я съ „своимъ, а послѣдній проводникъ заключалъ „шествіе. Передовые длинными палками ощупывали твердость льда, который часто тонкими пластинами прикрываетъ разсѣлины и „въ случаѣ, если бы передовой оборвался въ ледяную пропасть, веревка, которою онъ былъ „привязанъ къ своему товарищу, должна была „удерживать его, пока остальные не подоспѣли „бы къ нему на помощь." —

Шервиль говоритъ, что переходъ отъ Шамуни до скалъ, возвышающихся посреди ледянаго океана (grands mulets), гдѣ они ночевали, показался ему не очень труднымъ; однако онъ проснулся отъ сильной тошноты, за которою слѣдовала рвота; она не прекращалась во всю ночь. На другой день, вставши въ четыре часа утра, они продолжали путь ледникомъ Taconnaz. . . . . . Тутъ ихъ ждали широкія разсѣлины; они перебирались черезъ нихъ по мосту составленному изъ путевыхъ палокъ, положенныхъ одна возлѣ дру-

гой. — „Представь себѣ, другъ мой, это „положеніе," говоритъ Шервиль въ письмѣ къ своему другу, — „пять тонкихъ и гибкихъ „палокъ, положенныхъ поперегъ, служили намъ „мостомъ; онѣ также были покрыты ледя„ною корою, какъ и наши башмаки — со„гласись, что было не безъ затрудненія прой„ти по такому мосту и не поскользнуться, „тогда, какъ подъ ногами зѣвала ледяная безд„на въ нѣсколько сотъ футовъ глубины! Впро„чемъ, мы имѣли осторожность привязать се„бя одинъ къ другому веревкой." — Послѣ труднаго и всюду опаснаго перехода, къ 10 часамъ утра они пришли къ *Большой Равнинѣ* Grand Plateau. — „Воздухъ былъ такъ то„нокъ, что намъ нельзя было дышать сво„бодно. Наше дыханіе сдѣлалось короткимъ „и частымъ; на каждыхъ 15, или 18 ша„гахъ мы должны были останавливаться и „поворачиваться къ вѣтру, чтобы дышать „свободнѣе; но только что мы останавлива„лись, насъ склонялъ сонъ" . . . .
„Сонъ одолѣвалъ насъ все болѣе и болѣе; сол„нечные лучи жгли голову нестерпимо, а но„ги мерзли. Невозможность дышать свободно „раздирала грудь, къ тому присоединилась

„мучительная тошнота . . . .
„Силы видимо упадали; мы безпрестанно оста-
„навливались отъ невозможности дышать. Свер-
„ху мы ощущали жгучій жаръ, и представь
„себѣ, мой другъ, что этотъ жаръ, столь
„несносный для насъ, по сдѣланному нами опы-
„ту, не имѣлъ никакого вліянія на ртуть . .
. . . . „По мѣрѣ того
„какъ мы подпимались, вѣтръ становился бо-
„лѣе рѣзкимъ. Мы обвязали платками уши и
„бороды. Мой проводникъ жаловался на сильную
„боль въ глазахъ . . . . „Наконецъ
„въ четвертомъ часу мы достигли цѣли нашихъ
„желаній — мы взошли на вершину Монблана!!
. . . . „Вершина имѣетъ
„200 шаговъ въ длину; что же до ширины,
„ее невозможно измѣрить потому, что пока-
„тость начинается отъ самой ея середины:
„нельзя обозначить, ни начала, ни конца, ни
„ширины этой поверхности, имѣющей видъ
„*ослиной спины* . . . . „Съ вы-
„соты 14,793 футовъ всѣ предметы совер-
„шенно измѣняются: ни одинъ изъ нихъ не
„представляется ясно; глазъ обнимаетъ однѣ
„массы; разстоянія изчезаютъ, а вмѣстѣ съ
„ними и возможность что-либо опознать . . .

. . . . „Во время моего пребыванія на „вершинѣ Монблана, я ощущалъ въ себѣ не„обыкновенную легость; но вотъ что удиви„тельно: мнѣ казалось, что я не дотрогивался „земли и что можно было провести лезвее „ножа между подошвами моихъ башмаковъ и „снѣгомъ. Впослѣдствіи я говорилъ о томъ съ „многими докторами и учеными, и ни одинъ „изъ нихъ не могъ объяснить этого странна„го ощущенія . . . . „Если ты ду„маешь, другъ мой, что уединеніе вашихъ „долинъ, или лѣсовъ, можетъ тебѣ дать по„нятіе объ этой пустынѣ, то ты сильно „ошибаешься. Ужасъ этихъ дикихъ мѣстъ при„водитъ душу въ восторгъ — чувство, изъ ко„тораго ничто ее здѣсь вывесть не можетъ. „Въ этомъ снѣжномъ морѣ есть что-то не„обозримо-пространное, дикое, страшное! Оно „погружаетъ воображеніе въ неопредѣленныя, „таинственныя созерцанія . . . . „Посреди угасшей природы, сосредоточась въ „самомъ себѣ, неприступный для всякаго чув„ства дольнаго міра, я возводилъ взоръ къ небу, „чистому и блестящему, какъ снѣжныя равни„ны, разстилавшіяся у ногъ моихъ. Здѣсь умол„каютъ страсти человѣка; здѣсь мысль его

„отдѣляется отъ міра; онъ забываетъ несправедливость своихъ враговъ и смотритъ на небо! Его душа, какъ бы сбросившая земную „оболочку, стремится къ своему Создателю. „Онъ счастливъ потому, что чувствуетъ „себя гораздо ближе къ *странѣ*, гдѣ обитаетъ „Истина!“ —

На возвратномъ пути ихъ ожидали также опасности; вотъ что дальше говоритъ Шервиль:— „Тутъ я узналъ, что способъ, принятой здѣсь спускаться съ снѣговыхъ горъ, „состоитъ въ томъ, чтобы сѣсть и дать „себѣ волю катиться. Двухъ минутъ было до„статочно для такого пространства, на ко„торое при всходѣ мы употребили полтора „часа!! . . . . „Первый опытъ былъ „для меня очень труденъ; невольно я поглядывалъ на ужасные обрывы, бывшіе у меня съ „правой стороны . . . . „Когда мы „добрались до Большой Ровнины (Grand Plateau), „намъ нужно было употребить полтора часа, „чтобы пройти ее, по причинѣ глубокаго „снѣга, покрывавшаго ея поверхность; потомъ „мы остановились и стали придумывать сред„ство, какъ спуститься съ горы, на кото-

„рую намъ такъ трудно было взбираться. „*Скатиться*, казалось здѣсь невозможнымъ: „на этомъ крутомъ возвышеніи, когда мы на „него всходили, снѣгъ, согрѣтый солнечны- „ми лучами, свободно подавался подъ ногою; „но къ нашему возвращенію холодный вѣтръ „его заморозилъ и онъ сдѣлался скользкимъ „какъ стекло. Однако необходимо было на „что нибудь рѣшиться: мы не могли даже „и подумать ночевать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ „не имѣли ни съѣстныхъ припасовъ, ни огня, „ни одежды необходимой. Мы рѣшились спу- „скаться, взявши напередъ всѣ возможныя пред- „осторожности. Привязанные одинъ къ дру- „гому веревкою, и становя ступни въ углуб- „ленія, сдѣланныя нами поутру, мы сползыва- „ли на брюхѣ съ крутизны, которой высота „могла равняться двумъ Лондонскимъ колоколь- „нямъ Св. Павла, поставленнымъ одна на дру- „гой! Я не отползъ еще ста шаговъ, какъ у „меня нога поскользнулась . . . . . я оборвал- „ся; но веревка меня удержала — и я повисъ „надъ бездною! Тогда главный проводникъ „*Куте* мнѣ закричалъ: *ни малѣйшаго движе- „нія! не шевелитесь!* „Въ положеніи, въ кото- „ромъ я находился, подчинить себя такому

„распоряженію было знакомъ великаго послу-„шанія. Въ какомъ я находился страхѣ до той „минуты, пока помощью направленія, которое „*Куте* давалъ моимъ усиліямъ, мнѣ удалось „утвердить пятки въ снѣгу; тогда я сталъ „подниматься на ноги, а другіе два проводни-„ка подтягивая веревками, старались возвра-„тить меня на стежку, отъ которой я уда-„лился при паденіи. Оледенѣлые башмаки сколь-„зили по снѣгу и не допускали меня утвердить-„ся на ногахъ; однако, вооружившись муже-„ствомъ и рѣшительностью, я напрягъ всѣ „свои силы, и, съ помощью проводниковъ, вы-„шелъ наконецъ изъ затруднительнаго поло-„женія; но послѣ того не скоро я пришелъ „въ себя.“

Изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ *восхожденій*, восхожденіе Капитана Шервиля было удачнѣй-шее: онъ говоритъ, что на вершинѣ Монблана термометръ показывалъ $\frac{3}{4}$ градуса ниже точки замерзанія, тогда какъ Г. Бури, пытавшійся взойти на Монбланъ въ 1788 году, въ 300 шагахъ отъ вершины принужденъ былъ возвратиться потому, что поднялся вѣтръ, который на такой высотѣ всегда приноситъ съ

собою морозъ. Ртуть стояла на 9 градусахъ холода и, по предположенію Г. Бури, на вершинѣ было тогда отъ 12 до 14 — какую разницу дѣлаетъ погода! Вотъ случай упомянуть о неудачной попыткѣ нашего соотечественника Г. Доктора Гаммеля. Докторъ Кларкъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что когда они прошли Большую Ровнину (Grand Plateau), проводники обратили его вниманіе на мѣсто, гдѣ погибли ихъ товарищи въ 1820 году. Кларкъ заставилъ сообщить себѣ подробности этого происшествія, и вотъ что онъ передаетъ: „когда мы стали подниматься на „вершину Монблана,“ говорилъ проводникъ, „мы „приблизились къ высокой черной скалѣ, по- „крытой глубокимъ снѣгомъ. Мы шли въ та- „комъ порядкѣ: передо мною пробирались три „проводника, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, я „былъ четвертымъ. *Куте* нашъ начальникъ „шелъ возлѣ меня; остальные пять остава- „лись при Докторѣ Гаммелѣ и двухъ Англи- „чанахъ. Вдругъ раздался шумъ, подобный па- „денію сильнаго потока; я не успѣлъ оду- „маться, какъ снѣжная *лавина* достигла ме- „ня. У меня ноги подкосились и въ тоже „время я увидѣлъ, что передовые проводники

„упали. Падая, я закричалъ изо всей силы: — „*Мы всѣ погибли!*“ Попробовалъ было воткнуть „палку въ снѣгъ и держаться за нее; но это „не помогло: тяжесть снѣжной массы оторвала меня и покатила какъ *ядро*. — *Лавина* „стремилась къ разсѣлинѣ, находившейся у подошвы возвышенія. Я катился такъ быстро, „что три раза только свѣтъ блеснулъ въ глазахъ. У *края* разсѣлины мелькнуло передо мною „что то черное — это была нога одного „изъ моихъ товарищей. Они всѣ трое были „брошены въ ледяную бездну. Меня ожидала „таже участь — не могу знать, что меня „спасло; одно обстоятельство могло быть „тому причиною: Докторъ Гаммель далъ мнѣ „нести барометръ; крѣпко привязанный, ременнымъ поясомъ, онъ висѣлъ у меня за спиною — полагаю, что въ то время, какъ я „докатился до берега трещины, барометръ „зацѣпился за льдину потому, что я почувствовалъ, когда лопнулъ поясъ, что меня „подбросило къ верху — вѣроятно, отъ сильнаго напора, я перелетѣлъ черезъ эту разсѣлину, гдѣ мои товарищи нашли себѣ могилу, и попалъ въ другую, до половины „набитую мягкимъ снѣгомъ и, гдѣ было не

„болѣе 20 футовъ глубины. Докторъ Гаммель, „Англичанинъ и остальные проводники пришли ко мнѣ на помощь и, веревками вытащили меня; но передовыхъ трехъ проводниковъ мы сыскать не могли. Нѣтъ сомнѣнія, что они погибли въ большой ледяной „пропасти, которой глубина была, конечно „до 600 футовъ. Неблагопріятная погода давала намъ предчувствовать неудачное восхожденіе, и мы говорили о томъ Доктору „Гаммелю, убѣждая его возвратиться; но онъ „не принялъ нашего предложенія — онъ не „повѣрилъ намъ! —

Порядокъ, наблюдаемый при прохожденіи черезъ ледники: идти одному за другимъ, оставляя между собою большіе промежутки—этотъ вѣрный способъ предохранить себя отъ трещинъ, прикрытыхъ свѣжимъ снѣгомъ, былъ причиною бѣдственнаго случая: извѣстно, что въ горахъ, послѣ того какъ выпалъ снѣгъ, никакъ нельзя проходить у подошвы возвышенія, имъ покрытомъ: разрѣзъ, производимый ногами, приводитъ въ движеніе всю верхнюю массу и сыпучій снѣгъ, подобно водяному потоку, катится съ неимовѣрною силою, увлекая съ со-

бою все, что ему встрѣчается на пути. Мой проводникъ, который въ числѣ другихъ, былъ при Докторѣ Гаммелѣ, передавалъ мнѣ, что *лавина*, унесшая трехъ его товарищей, не имѣла болѣе 300, или 400 футовъ ширины, а высота текучаго снѣга не превосходила одного фута. — „Матвѣй Бальма," говорилъ онъ, „человѣкъ необычайной силы; онъ воткнулъ „свою палку въ снѣгъ, подпрыгнулъ, схватился „ся обѣими руками за ея оконечность и повисъ „на ней. Менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты, снѣго„вая полоса пролетѣла подъ его ногами!!!"— Палка по своему малому объему, была незначительнымъ упоромъ для потока. Изъ того можно усмотрѣть, что несчастія, постигающія путешественниковъ, происходятъ не отъ причинъ существующихъ и каждому извѣстныхъ; но отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, зависящихъ отъ внезапныхъ перемѣнъ погоды, противъ которыхъ невозможно взять никакихъ предупредительныхъ мѣръ.

Въ горахъ свѣжій снѣгъ всегда опасенъ: онъ утомляетъ путешественника, закрываетъ трещины, *слоитъ* края обрывовъ и произво-

дитъ текучія *лавины;* но опаснѣйшее препятствіе, которое можно встрѣтить при всходѣ на Монбланъ, это упадокъ силъ. Не доходя до вершины горы въ полуверстѣ, а иногда и въ верстѣ, надобно бороться съ непреодолимымъ влеченіемъ ко сну. Одна молодая дѣвица рѣшилась взойти на Монбланъ въ обществѣ своихъ родныхъ (*). „До большой Ровнины (Grand „Plateau) она шла хорошо," говорилъ мой проводникъ, „но отъ этого мѣста, мы принуждены были ее нести, и чѣмъ ближе мы подходили къ вершинѣ, тѣмъ сильнѣе ее клонилъ „сонъ — она засыпала на нашихъ рукахъ — „и мы не имѣли никакого средства вывести „ее изъ этого гибельнаго состоянія — спасти отъ вѣрной смерти! Наконецъ мы рѣшились на послѣдній опытъ: испросивъ на то „согласіе отъ ея родственниковъ, мы стали

---

*) Съ того времени, какъ стали всходить на Монбланъ, нашлись только двѣ женщины, рѣшившіяся на этотъ подвигъ: эта дѣвица, которой имя проводникъ не могъ мнѣ передать, и другая, горная поселянка изъ Шамуни, прозванная проводниками Marie du Montblanc; но обѣ, на рукахъ были *взнесены* на вершину.

„обращаться съ нею самымъ грубымъ образомъ „и говорили ей такія обидныя слова́, что на„конецъ ея самолюбіе вспыхнуло. Она съ гнѣ„вомъ вырвалась изъ нашихъ рукъ и тѣмъ бы„ла спасена!!!“ Это влеченіе ко сну должны испытать всѣ, которые всходятъ на высокія горы; но на одного оно дѣйствуетъ сильнѣе, — на другаго слабѣе. —

Кто рѣшается всходить на вершину Монблана, тотъ долженъ быть увѣренъ въ своихъ силахъ; онъ долженъ быть хладнокровенъ и неустрашимъ — одна минута робости можетъ быть причиною погибели. Въ заключеніе своихъ записокъ, Шервиль говоритъ такъ: „я никому не совѣтую отважиться на „это предпріятіе. Самый счастливый успѣхъ „не можетъ наградить за опасности, кото„рымъ путешественникъ подвергается во время „всхода.“ —

Денежныя издержки составляютъ также значительное затрудненіе для того, кто не можетъ, или не расположенъ бросить *семи сотъ франковъ*! Правительство обязываетъ

брать не менѣе пяти проводниковъ; каждый изъ нихъ, по установленной цѣнѣ, долженъ получить *сто франковъ*. *Десьти*, надобно издержать на закупку съѣстныхъ припасовъ, вина, веревокъ, лѣстницъ; на наемку лошаковъ и на множество другихъ мелочныхъ расходовъ. —

Изъ Шамуни я взялъ проводника и пошелъ по дорогѣ къ Мартиньи.

Нѣсколько верстъ мы шли долиною, гдѣ съ одной стороны тянулась цѣпь каменистыхъ горъ, а съ другой ледяные гиганты, изъ-за туманной завѣсы, выказывали свои головы. Мы разстались съ долиною, чтобъ попасть на проходъ *Черной головы*. Здѣсь съ высоты, я взглянулъ еще разъ на Шамуни и пошелъ по тропинѣ, которая черезъ гору ведетъ къ долинѣ Валорзинъ. Мѣсто, гдѣ оканчивается эта долина, и начинается переходъ *Черной Головы*, необыкновенно угрюмо: стежка, извиваясь по ребру горы, ведетъ подъ навѣсомъ черныхъ скалъ, мимо пропасти, на днѣ которой бурно мчится потокъ, прозванный *черною водою*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

пробиты проходы сквозь утесы. Во время темноты эта дорога не безопасна: три раза доводилось мнѣ проходить по узкимъ деревяннымъ мостикамъ, составленнымъ изъ двухъ сколоченныхъ досокъ. Отсюда путешественникъ спускается въ миловидную долину Тріенъ, чтобы потомъ подниматься опять на вершину *Форкласа*. Съ высоты постепенно развертывается долина Роны; сперва показывается селеніе Мартиньи, дальше самый городъ. Виноградные и фруктовые сады окружаютъ строенія, которыя изъ зеленыхъ букетовъ выглядываютъ стройными бѣлыми массами. За городомъ тянется равнина, плоская какъ доска; по ней широко струится Рона, а возлѣ рѣки желтая полоса, прямая какъ струна, вмѣстѣ съ лугомъ теряется въ небосклонѣ — это дорога въ Сіонъ; это особенно гладкое шоссе, по которому путешественникъ готовъ ѣздить взадъ и впередъ, чтобы только наслаждаться видами прелестной долины. Спускъ съ Форкласа можетъ имѣть до пяти верстъ протяженія; за то дорога покатая ведетъ по ребру горы. Изъ-за каждой скалы показывается предметъ привле-

кательный: то домикъ съ сельскою усадьбою, то отгороженный лужокъ, гдѣ пасутся коровы; то садъ съ вѣтвистыми деревьями, или виноградникъ — и наконецъ, у подошвы горы путешественникъ идетъ между двухъ садовъ, гдѣ безпрестанно перемежающіяся строенія, заманивая его постепеннымъ своимъ улучшеніемъ, не даютъ ему примѣтить черты, гдѣ кончилась деревня и начался городъ. —

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дорога отъ Мартиньи до Сен-Бернарда. — Долина смерти. — Вершина горы. — Обитель. — Монахи. — Способы, употребляемые для спасенія погибающихъ. — Переходъ Наполеона черезъ Сен-Бернардъ. — Кладбище (La Morgue) — Разсказъ монаха.

Отъ Мартиньи до подошвы Сен-Бернарда восемь часовъ ходьбы. На первыхъ семи верстахъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ галлереи, пробитой сквозь утесъ, имѣющей 96 шаговъ въ длину и до четырехъ въ ширину. Хотя она напоминаетъ Урнерлохъ; но окрестности вовсе не тѣ, и она не производитъ никакого впечатлѣнія. — Мѣстечко Орсіеръ, живописно раскинутое по обѣимъ сторонамъ рѣки Дрансъ, можетъ почитаться цѣлью новой широкой дороги, которую теперь прокладываютъ. Отсюда до мѣстечка Лидъ еще есть возможность ѣхать на

колесахъ; но дальше надобно довольствоваться лошакомъ, и эта небольшая дорожка, потомъ у подошвы горы, превращается въ тропинку, едва замѣтную, а наконецъ и та изчезаетъ на голыхъ камняхъ, гдѣ не можетъ быть никакого слѣда. — Я ночевалъ въ мѣстечкѣ Сен-Пьерръ, на возвышенiи 5,000 футовъ отъ поверхности моря. Съ этой высоты, на которую подымаешься на разстоянiи 25 верстъ непримѣтнымъ образомъ, остается еще 13 верстъ до вершины горы. На другой день рано по утру, я взялъ лошака съ проводникомъ и сталъ подниматься на Сен-Бернардъ. Чѣмъ дальше подвигаешься, тѣмъ холодъ становится ощутительнѣе и природа кажется угрюмѣе. Я въѣхалъ въ ущелье — кругомъ стояли высокiя горы изъ голыхъ камней; тутъ нѣтъ земли! Въ этой каменной пустынѣ глазъ не можетъ нигдѣ открыть слѣдовъ прозябенiя. Здѣсь птица не обрадуетъ путника; никакой звѣрокъ не пробѣжитъ; никакое насѣкомое не покажется — здѣсь нѣтъ жизни! — Порывы вѣтра перебѣгаютъ между утесами; зимою, они сносятъ снѣжныя глыбы съ вершинъ — лѣтомъ сбрасываютъ камни.

Дороги къ Сен-Готарду и къ Сен-Бернарду, обѣ одинаково любопытныя, имѣютъ между собою большую разницу: тамъ опасности угрожаютъ на каждомъ шагу, ужасныя мѣста заставляютъ путника невольно содрогаться; но это самое чувство, электрическою искрою, пробѣгаетъ по его жиламъ; страхъ даетъ толчекъ жизненности, возбуждаетъ моральныя и физическія силы. Тамъ онъ пораженъ страшною картиною; но готовъ бороться съ опасностями: онъ мыслитъ, разсуждаетъ и, не смотря на сильный ужасъ, съ любопытствомъ разсматриваетъ предметы — онъ полонъ жизни! Здѣсь, напротивъ: невыразимая тоска облегаетъ его сердце; онъ не видитъ опасностей, не чувствуетъ ихъ — не желаетъ ихъ познавать! Мрачное равнодушіе замѣняетъ бодрость духа; изнеможеніе силъ постепенно увеличивается и сонъ начинаетъ клонить его. Онъ знаетъ, что предаться этому усыпленію пагубно, но удержать себя не хочетъ. Равнодушный ко всему, онъ самъ спѣшитъ смерти навстрѣчу!!—Если та долина заслуживаетъ названіе *долины ада*, то здѣшняя имѣетъ полное право на свое названіе *долины смерти*! — Поднявшись на

утесъ горы, прежде, чѣмъ глазъ можетъ открыть мѣсто, гдѣ построена обитель, поражаешься предметомъ невыразимо-грустнымъ: *часовня мертвыхъ*, построенная на выдавшейся скалѣ, наполнена костями несчастныхъ. Ихъ не оросила слеза кровнаго, или друга; вздохъ сострадания не пробѣжалъ надъ ними — одинъ взглядъ хладнокровнаго любопытства изрѣдка проникаетъ сквозь желѣзную решетку двери! Здѣсь кладутъ тѣла погибшихъ въ долинѣ, которыхъ, по значительному разстоянію, нести до обители затруднительно. Земли нѣтъ, погребать невозможно — и кости, грудою лежатъ въ часовнѣ! Я обратилъ особенное вниманіе на трупъ молодаго человѣка. Онъ былъ согбенъ, какъ бы въ сидячемъ положеніи; его голова склонилась на правое плечо. — „Этотъ „юноша,“ сказалъ проводникъ, — „проходилъ „здѣсь прошедшею зимою. День былъ ясный и „теплый; но онъ вѣроятно изнемогъ и заснулъ — его нашли на камнѣ въ томъ поло„женіи, какъ вы теперь его видите. Неопыт„ный! Онъ, конечно не зналъ, съ какою осто„рожностью надобно проходить эти мѣста!“ — „Чтожъ ты хочешь этимъ сказать?“ — „А „вотъ видите, сударь, при проходѣ черезъ

„долину не рѣдко бываетъ, что изъ-за утеса „горы повѣетъ пронзительный вѣтерокъ; мы „называемъ его *вѣтромъ смерти*, тогда прохо- „жій начинаетъ чувствовать тоску, которая „постепенно увеличиваясь, приводитъ его въ „такое состояніе отчаянія, что онъ смот- „ритъ на все съ отвращеніемъ — даже жизнь „становится ему въ тягость и онъ равнодуш- „но предается своей участи; за тѣмъ слѣдуетъ „упадокъ силъ. Онъ садится отдохнуть, его „склоняетъ сонъ, и этотъ сонъ — смерть!! „Кому это извѣстно, тотъ не поддается об- „манчивому влеченію и не смотря ни на что „продолжаетъ путь; впрочемъ, были примѣры, „что всѣ усилія родныхъ и друзей странника, „постигнутаго этимъ жестокимъ положеніемъ, „оставались тщетными: онъ не внималъ ни- „чему, и съ убійственнымъ хладнокровіемъ „отвергалъ всякое средство къ своему спа- „сенію. Въ такомъ случаѣ остается толь- „ко тащить его на плечахъ до обители, „гдѣ теплота комнаты и нѣсколько рюмокъ „вина, его совершенно оживляютъ.“ — У меня сжалось сердце; я сталъ чувствовать *то- ску*. Проводникъ увѣрялъ, что *вѣтръ смерти* вѣетъ только зимою; но сила ли то была

воображенія, или дѣйствіе тонкаго горнаго воздуха, но мнѣ сдѣлалось очень тяжело и я понуждалъ лошака, какъ только могъ. Съ необыкновенною легкостью эти животныя пробираются по горнымъ тропинамъ. Отъ часовни надобно подниматься въ гору и этотъ въѣздъ самой трудный; но мой лошакъ шелъ твердо, не поскользнулся на гладкихъ, круглыхъ камняхъ и, какъ коза лѣпясь по утесамъ, взнесъ меня на площадь, обнесенную высокими каменными горами, которыхъ вершины покрыты льдомъ и снѣгомъ. Въ этомъ ящикѣ поселились первые отшельники! Теперь выстроена покойная и красивая обитель съ гостинницею, где сталкиваются путешественники изо всѣхъ частей свѣта. Навстрѣчу выбѣжали двѣ большія собаки и лаяли до тѣхъ поръ, пока вышелъ Бернардинецъ. Онъ принялъ меня радушно и повелъ въ общую залу. Въ пространной комнатѣ, гдѣ тянулся длинный рядъ столовъ, хорошо натопленная печка, манила меня къ себѣ. — „Отогрѣйтесь", сказалъ монахъ, придвигая стулъ къ печкѣ, — „по вашему лицу можно замѣтить, что вы изнемогли и озябли." — Я воспользовался его замѣчаніемъ, чтобы передать страшное ощущеніе, которому я под-

вергся *въ долинѣ смерти*, и которое я приписывалъ дѣйствію воображенія, разстроеннаго разсказами проводника. — „Нѣтъ, это не во„ображеніе," съ улыбкою возразилъ онъ, „это „дѣйствіе нашего горнаго воздуха. Зимою оно „убійственно; но и лѣтомъ, въ дурную погоду, „оно бываетъ тяжело. Мы живемъ здѣсь по„стоянно, а совсѣмъ тѣмъ, и мы терпимъ „отъ него — и для насъ бываютъ дни очень „трудные; но за то, какъ видите, у насъ „печь всегда тепла и мы не знаемъ того вре„мени года, когда бы мы ее не топили!" — „Неужели вы не знакомы съ солнцемъ?" — „Какъ не знакомы! — очень знакомы; но какъ „съ свѣтиломъ: у насъ восемь мѣсяцевъ насто„ящей зимы и четыре полу-зимы — лѣта мы „не знаемъ — здѣсь нѣтъ прозябенія — нѣтъ „жизни! Всѣ овощи доставляются къ намъ изъ „Мартины." — „Но какъ же выдерживаете вы „это трудное положеніе?" — „Выдерживаемъ, „какъ можемъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Насъ „здѣсь не больше *десяти* человѣкъ, и по про„шествіи назначеннаго срока, мы смѣняемся дру„гими, которые присылаются изъ нашего мо„настыря, что въ Мартины, а мы перехо„димъ туда на ихъ мѣсто. Во все время на-

„шего здѣсь пребыванія, мы имѣемъ сытный „мясной столъ, пьемъ хорошее вино, сидимъ „въ тепло-натопленныхъ комнатахъ; но ко- „гда возвращаемся въ долину, мы бываемъ „похожи на выходцевъ съ того свѣта, и „долго оправиться не можемъ, а нѣкото- „рые изъ насъ платятъ жизнію за трехъ- „годичное пребываніе на горѣ!" — Тутъ во- шелъ другой монахъ и отозвалъ моего собе- сѣдника; онъ вышелъ изъ залы. Я догадался, что его позвали къ Настоятелю, желавшему, вѣроятно, узнать о прибывшемъ. Оставшись одинъ, я внимательно смотрѣлъ на Бернардин- цовъ, которые безпрестанно входили и вы- ходили: всѣ они были люди, если не молодыхъ, то по крайней мѣрѣ, среднихъ лѣтъ; но на всѣхъ лицахъ замѣтно было изнуреніе. Что оно было не слѣдствіемъ бдѣнія и поста, въ томъ я былъ твердо увѣренъ — и такъ, думалъ я, это вѣрно, что губительный воз- духъ постепенно умерщвляетъ ихъ! Мой зна- комецъ скоро возвратился съ предложеніемъ завтрака и когда я отъ него отказался, онъ мнѣ сказалъ: — „если хотите воспользовать- „ся свободнымъ временемъ, которое остается „до обѣда, я постараюсь показать вамъ все,

„что у насъ здѣсь есть любопытнаго." — Какъ ни прискорбно было разставаться съ благодѣтельною печкою, но я охотно принялъ предложеніе и пошелъ за монахомъ. Недалеко отъ монастыря мы остановились. — „Вотъ „мѣсто," сказалъ онъ, „гдѣ мы отрываемъ „памятники Римлянъ. Здѣсь былъ храмъ, по„священный Юпитеру, почему и гора назы„валась тогда *Горою Юпитера* (mons Jovis). Мы „находимъ золотыя, серебряныя и мѣдныя „дощечки, которыя были приносимы идолу, „какъ жертвы, въ слѣдствіе различныхъ обѣ„щаній; онѣ извѣстны подъ названіемъ ex voto. „Тогда всходъ на гору былъ еще труднѣе и „Римляне, при угрожавшемъ ихъ несчастіи, „или въ благодарность за успѣхъ въ предпрі„ятіяхъ, налагали на себя обѣтъ принести „жертву Юпитеру на этой горѣ. Дощечки, „на которыхъ вы замѣтили литеры: V. S. L. M, „свидѣтельствуютъ, что обѣтъ былъ испол„ненъ: votum solvit libenter meritum. Первый, „кто на мѣстѣ идолослуженія воздвигъ храмъ „живому Богу, былъ Святый Бернардъ, осно„ватель нашего ордена." — „Что могло побу„дить его основаться въ этомъ ужасномъ мѣ„стѣ?" спросилъ я. — „Не что иное," отвѣ-

чалъ монахъ, „какъ пламенное желаніе быть „полезнымъ людямъ: черезъ эту гору жители „долины Аостъ сообщаются съ жителями Мар„тиньи. Всякій годъ здѣсь проходитъ отъ 12 „до 13,000 человѣкъ, и не смотря на всѣ возмож„ныя мѣры предосторожности, изъ нихъ поги„баетъ большое число — чтожъ ожидало бы ихъ, „еслибы не было благодѣтельной помощи — при„юта для отдыха и подкрѣпленія силъ! Каж„дому проходящему даютъ хлѣба, сыру и полъ„бутылки вина. Сверхъ назначенныхъ трехъ „дней для гостепріимства, онъ можетъ оста„ваться въ обители, только въ случаѣ болѣзни. „Монастырь основанъ въ 962 г., и вотъ проте„кло 877 лѣтъ какъ онъ существуетъ, всякій „годъ спасая сотни людей отъ смерти. Огонь „посѣтилъ его два раза; но пожаръ 1155 го„да былъ самой опустошительный; тогда мы „потерпѣли невозвратимую потерю: наша би„бліотека сгорѣла, а съ нею погибли всѣ ру„кописи. Онѣ могли бы показать пользу, ко„торую послѣдователи Св. Бернарда приносили „человѣчеству въ теченіе столькихъ вѣковъ!“— „Но вы вѣроятно и теперь записываете — „ведете журналъ?“ — „Нѣтъ, мы не ведемъ „журнала; у насъ есть тетрадка, въ которую

„вносятся примѣчательнѣйшія происшествія; „но и та въ безпорядкѣ.“ — Когда я изъявилъ желаніе услышать что нибудь любопытнаго изъ ихъ памятной книжки, монахъ задумался, потомъ сказалъ мнѣ: „теперь не время и не мѣсто, къ томужь я не могу припомнить ничего такого; но когда мы возвратимся въ трапезную, я постараюсь передать вамъ, что покажется мнѣ занимательнѣе.“ — „Что вы скажете,“ спросилъ я у него, „о мнѣніи нѣкоторыхъ писателей, что до основанія обители Св. Бернарда, здѣсь была „другая, подъ управленіемъ Аббата Монжу?“ — „Я скажу,“ отвѣчалъ монахъ, „что они грубо „ошибаются, какъ и всѣ тѣ, которые отыскиваютъ указанія, не ознакомившись съ источникомъ, откуда они ихъ почерпаютъ: названіе нашей горы, Mons Iovis, которое по „французскому произношенію *Монжови*, въ простонародномъ нарѣчіи преобразовалось въ *Монжу*, послужило поводомъ къ этой баснѣ; но „вѣрно, что до Св. Бернарда здѣсь не было „отшельниковъ.“ —

Монастырь имѣлъ большіе доходы, и 1460 годъ былъ блистательнѣйшею *для* него эпохою;

но съ тѣхъ поръ Бернардинцы стали постепенно лишаться своихъ владѣній, и съ распространеніемъ Протестантизма, потеряли все. У нихъ остался капиталъ, который при ежегодномъ сборѣ съ окрестныхъ жителей, и добровольныхъ пожертвованіяхъ благодарныхъ путешественниковъ, даетъ имъ возможность поддерживать обитель. Они никогда, и ни въ чемъ не нуждаются.

Отъ мѣста древняго капища, мы взяли влѣво, и пришли къ возвышенію, съ котораго можно видѣть часть спуска въ долину Аостъ. Тутъ на вершинѣ бугра поставленъ большой крестъ. — „Вотъ," сказалъ монахъ, „одно изъ „самыхъ опасныхъ мѣстъ на горѣ Св. Бернар„да: эхо горъ обманчиво передаетъ звукъ на„шего колокола, и путешественникъ, стремясь „къ ложному отголоску, идетъ влѣво, гдѣ „его ожидаетъ вѣрная гибель потому, что „обвалы нигдѣ не падаютъ такъ часто какъ „тамъ. Крестъ поставленъ для того, чтобъ „указывать настоящую дорогу." —

Когда наступаетъ зима два служителя ежедневно обходятъ, каждый по своей сто-

ронѣ, всѣ опасныя мѣста; имъ сопутствуютъ собаки, которыя ни въ какую метель не теряютъ направленія, и сверхъ того одарены особеннымъ инстинктомъ отыскивать заблудившихся. На ихъ лай прибѣгаетъ служитель, а часто и монахи, вслушавшись въ вѣстовой знакъ, выбѣгаютъ на помощь. Когда снѣгъ не глубоко покрываетъ погибающаго, собаки чутьемъ находятъ мѣсто, гдѣ онъ лежитъ и лапами отрываютъ его; но если снѣгъ высокъ, онѣ бѣгаютъ по тому мѣсту и лаютъ. Тогда служитель длиннымъ шестомъ ощупываетъ тѣло лежащаго; его отрываютъ и, если окажутся въ немъ признаки жизни, относятъ въ монастырь, гдѣ пекутся о немъ до совершеннаго возстановленія его здоровья. Собаки большаго роста, сильны, необыкновенно понятливы и добры. Онѣ не только не трогаютъ никого, но и между собою не грызутся; ихъ лай — разговоръ, которымъ онѣ извѣщаютъ хозяевъ о прибытіи гостя. — Часто съ боченкомъ вина на шеѣ, окутанныя одѣялами изъ толстаго сукна, или покрытыя плащами, эти собаки бѣгаютъ по обоимъ направленіямъ дороги. Когда онѣ находятъ изнемогшаго путника, онѣ подбѣгаютъ къ нему; лаемъ и визгомъ

стараются вывести его изъ усыпленія; лижутъ ему виски и, если онъ такъ ослабѣлъ, что не можетъ двинуться съ мѣста, онѣ лаютъ до тѣхъ поръ, пока приходитъ помощь изъ монастыря. Путникъ, еще не совсѣмъ потерявшій силы, отвязываетъ боченокъ, отстегиваетъ плащъ, пьетъ вино, покрывается теплою одеждою и даетъ волю животному вести себя къ обители. Порода этихъ собакъ ведется только на горѣ Св. Бернарда. Монахи ни за что не продаютъ щенковъ; впрочемъ охотно дарятъ ихъ гостинникамъ на высокихъ горахъ, гдѣ есть опасные переходы; но вотъ что особенно странно: собаки, вскормленныя не на горѣ Св. Бернарда, не имѣютъ той необыкновенной понятливости.—

Я готовъ былъ стоять на бугрѣ, откуда видна часть долины Аостъ, но пронзительный вѣтръ леденилъ меня—я совершенно застывалъ. — „Пойдемте въ вашъ каменный „ящикъ!" — сказалъ я своему проводнику, „здѣсь невыносимо холодно!" — „Вы почув„ствуете разницу, когда мы спустимся на пло„щадь," отвѣчалъ монахъ, „тамъ строеніе и „высокіе утесы защищаютъ насъ отъ вѣ-

„ира, а здѣсь никакое существо не можетъ „жить!“

Дорогою Бернардинецъ передавалъ мнѣ, какъ монастырь принужденъ былъ угощать французскихъ офицеровъ: Наполеонъ, бывшій тогда Первымъ Консуломъ, провелъ тридцати-тысячную армію этимъ переходомъ. Орудія, разобранныя въ деревнѣ Сен-Пьерръ, перенесены были на рукахъ; но удивительнѣе всего, что Консулъ перевелъ свою армію въ тотъ самый годъ, когда весна была такъ ужасна въ Швейцаріи, и въ томъ мѣсяцѣ, который считается опаснѣйшимъ въ горахъ: онъ совершалъ переходъ 17, 18, 19 и 20 Мая. Удостовѣрясь въ невозможности ѣхать верхомъ на своей лошади, онъ взялъ лошака и на немъ прибылъ въ монастырь; совсѣмъ тѣмъ, онъ подвергался большой бѣдѣ: въ одномъ мѣстѣ, поскользнувшійся лошакъ едва съ своею ношею не упалъ въ пропасть; но проводникъ сильною рукою удержалъ его за узду. Забавно, что во все время переѣзда простодушный крестьянинъ, принимая его за одного изъ рядовыхъ офицеровъ арміи, въ откровенномъ разговорѣ объяснялъ ему всѣ свои сердечныя желанія. Когда Кон-

сулъ доѣхалъ до обители, отпуская проводника, онъ далъ ему записку, которую велѣлъ отдать по адресу. Въ ней написано было въ заглавіи: *выдать проводнику тысячу франковъ*; потомъ слѣдовало исполненіе всѣхъ честолюбивыхъ замысловъ деревенскаго *Альнаскара*, какъто: выстроить ему домъ, купить ему столько-то штукъ скота, уговорить такого - то крестьянина, чтобъ онъ выдалъ за него дочь; но лишь только онъ вручилъ записку, и услышалъ о ея содержаніи, онъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы все то было не шутка, и когда ему выдали тысячу франковъ, онъ тотъ же часъ скрылся, предоставя себѣ самому исполненіе прочихъ статей. —

На другой день Консулъ, спустившись съ горы, при въѣздѣ въ долину Аостъ, былъ окруженъ австрійскимъ отрядомъ; его ожидалъ неизбѣжный плѣнъ; но съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, онъ занявъ Австрійскаго офицера пустымъ разговоромъ, далъ время своимъ гренадерамъ приблизиться и окружить непріятельскій отрядъ —,,я былъ вашимъ плѣн- ,,нымъ — теперь вы будете моимъ," сказалъ Консулъ съ улыбкою; ,,но не безпокойтесь: я

„позабочусь, чтобъ было хорошо вамъ, и ва-
„шимъ солдатамъ.“ — Такъ счастье спасло
„этого человѣка два раза, въ теченіе двухъ
„дней! —

Подходя къ обители, мы повернули въ сторону, чтобы взглянуть на часовню, гдѣ монахи хоронятъ усопшихъ. Если чувство отвращенія, данное намъ природою, приводитъ каждаго въ невольное содроганіе при видѣ мертваго тѣла, чтожь можно ощущать, когда смотришь на мертвецевъ, обвитыхъ полотномъ, стоящихъ на ногахъ около стѣнъ съ открытыми лицами! Тѣ, которые еще не истлѣли, являютъ въ своихъ чертахъ всѣ признаки послѣдней борьбы съ смертью. Всѣ усилія человѣка сохранить остатокъ угасающей жизни, рѣзкими чертами отпечатались на обезображенныхъ лицахъ. Какъ страшно это судорожное движеніе рта и глазъ! Во всякомъ другомъ мертвецѣ эти признаки сглаживаются остаткомъ теплоты крови; но тушъ, это распущенный воскъ, вылитый въ снѣгъ: оледенѣлость не происходила постепенно: борьба кончалась однимъ ударомъ, однимъ мигомъ, который леденилъ, не оставляя между борьбою

жизни сильной и уничтоженіемъ, никакого промежутка! Груды костей лежатъ на полу. Нѣкоторыя тѣла стоятъ; но ихъ половины уже нѣтъ; одно совершенно развалилось; у другаго на сухомъ оставѣ торчитъ полу-истлѣвшая голова! Тѣла распадаются, не издавая никакого запаха, не оставляя праха. Здѣсь нѣтъ червя, нѣтъ гноенія — все разрушается, уничтожается, поглощается воздухомъ!!! И въ этомъ воздухѣ рѣшились жить люди! Такое отшельничество не можетъ быть слѣдствіемъ расчетовъ; протекшіе вѣка удостовѣряютъ, что оно не плодъ необузданнаго энтузіазма, и надобно согласиться, что эту жертву легче принесть, чѣмъ понять! — „Вотъ останки дѣ„тей несчастнаго Антонія!" сказалъ монахъ, приподнимая полотно, висѣвшее надъ двумя истлѣвшими трупами, — „вы просили меня передать „вамъ какое нибудь происшествіе — я не знаю „ничего любопытнѣе этого; въ немъ ярко обо„значается справедливо-правящая Десница Все„вышняго!" — Мы пошли въ трапезную, сѣли у печки и онъ разсказывалъ такъ:

Въ долинѣ Аостъ стояли двѣ хижины. Одна, при безпорядкѣ являла, однакожь доста-

токъ хозяина; другая отличалась опрятностью, при видимыхъ недостаткахъ. Хозяева были также разны между собою, какъ нравомъ, такъ и образомъ мыслей. Оба они въ молодости искали счастья за предѣлами отечества. Антоній былъ во Франціи, гдѣ ему представился выгодный случай пожертвовать правилами и честностью. Доброе воспитаніе не удержало порывовъ худыхъ наклонностей, и онъ возвратился на родину съ потерянною нравственностью, но за то, съ хорошимъ состояніемъ. Паоло, который попалъ въ Германію, пришелъ домой такимъ же бѣднякомъ; но онъ пріобрѣлъ благородныя чувства и обогатился истинными понятіями о долгѣ честнаго человѣка. Оба женились. Антоній могъ сдѣлать выборъ, а потому бракъ удвоилъ его состояніе; Паоло сыскалъ подругу, рѣшившуюся раздѣлять съ нимъ его бѣдность. Мальчикъ, потомъ дѣвочка родились у Антонія; дѣвочка, потомъ мальчикъ родились у Паоло. Онъ работалъ отъ утра до вечера, былъ веселъ, покоенъ, утѣшался дѣтьми и отъ всего сердца благодарилъ Бога. Франциска и Юлій подросли и стали помогать родителямъ въ домашнихъ заботахъ; но надобно было подумать о возможности доставить имъ независимое со-

стояніе, что между жителями долины Аостъ почитается необходимостью. Рѣшено было ихъ отправить. Юлію дали обученаго сурка, который разными прыжками могъ увеселять зрителей, а Франциска, имѣвшая прекрасный голосъ, должна была съ братомъ пѣть выученныя ими савойскія пѣсни при звукѣ тамбурина. За нѣсколько дней до отправленія дѣтей, Паоло зашелъ къ Антонію объявить ему о своемъ намѣреніи. Тотъ, выслушавъ всѣ планы своего стараго товарища, сказалъ ему: — „изъ этого ничего не будетъ хорошаго. Они „возвратятся нищими и, сверхъ того, вамъ же „будутъ въ тягость. При старости вы не „увидите облегченія; но еще должны будете „свой черствый кусокъ хлѣба дѣлить съ дѣть„ми. — „Сосѣдъ!" возразилъ Паоло, „я надѣ„юсь на Бога, а не на людей! — Онъ питаетъ „птицъ, не уже ли дѣтямъ моимъ не дастъ „пищи! — „Ты всё тотъ-же старый глупецъ," сказалъ Антоній, насмѣшливо улыбнувшись: „кто слыхалъ, чтобы можно было послать „двухъ малютокъ ходить по свѣту съ однимъ „только *упованіемъ*! Я своихъ также отпу„скаю; но съ тою разницею, что я ихъ по„сылаю къ моему пріятелю, который пишетъ

„мнѣ въ отвѣтъ на мою просьбу, что онъ го-„товъ принять моихъ дѣтей къ себѣ, заняться „ся ихъ образованіемъ и содержать ихъ нарав-„нѣ съ своими. Вотъ видишь, это имѣетъ „основаніе, а твои, съ суркомъ и тамбуриномъ „будутъ бродить безъ цѣли и способовъ, изъ „страны въ страну, пока голодъ и труды „не возвратятъ ихъ къ тебѣ полу-истощен-„ными, а можетъ быть и хуже того, пока не „положатъ ихъ въ какой нибудь дальной мо-„гилѣ.“— Ударъ былъ жестокъ и попалъ пря-мо въ сердце. — „Что будетъ, то будетъ; во „всемъ воля Божія!“ сказалъ старикъ съ тяже-лымъ вздохомъ, и горячая слеза покатилась по его блѣдному лицу. Насталъ день отправленія. Сурка заперли въ клѣтку, тамбуринъ повѣсили за спиною Францискн; небольшой дорожный за-пасъ уложился въ котомкѣ, и семейство отпра-вилось въ часовню, гдѣ послѣ молитвы, со сле-зами на глазахъ, но съ твердымъ упованіемъ въ сердцѣ, Паоло благословилъ своихъ дѣтей, подвелъ ихъ къ постели больной матери, ко-торая также ихъ благословила, выпроводилъ ихъ за дверь хижины, долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ — и, поднявъ руки къ Небу, сказалъ: „Боже, Тебѣ я препоручаю этихъ малютокъ.

„Будь имъ небеснымъ и земнымъ Отцемъ! Ты „Самъ веди ихъ неисповѣдимыми Твоими судь-„бами. Посѣй въ ихъ сердцахъ сѣмена̀ добро-„дѣтели, и возврати ихъ на родину, достой-„ными Твоего Святаго благословенія!“ — Въ тотъ же день и Антоній отправлялъ своихъ дѣтей. Онъ проводилъ ихъ до корчмы, гдѣ собрались его родные, друзья и знакомые. Тамъ, за круговою чашею вина, желали маленькимъ путешественникамъ всякаго благополучія, и всѣ единогласно прорекли имъ счастливую будущность. Антоній счелъ нужнымъ дать имъ наставленіе въ бережливости и для начала потребовалъ, чтобъ они удалялись товарищества съ дѣтьми Паоло. — „Они бѣд-„ны,“ говорилъ онъ, „и знаютъ, что вы не „нуждаетесь, а потому ясно, что ихъ недо-„статокъ сдѣлается вашею тошею.“ Дѣти обѣщали повиноваться. Антоній благословилъ ихъ, простился съ ними, и возвратился къ своимъ пріятелямъ докончить пирушку. Франциска и Юлій, подходя къ корчмѣ, видѣли какъ дѣти Антонія вышли; они спѣшили за ними вслѣдъ, кричали, чтобъ они остановились; но тѣ, слѣдуя наставленію отца, не внимали дружелюбному призыву и продолжали путь.

Не прошло часа, солнце спряталось за облако и тучи стали сгущаться надъ вершиною горы. Порывистый вѣтръ съ визгомъ пробѣгалъ между скалъ. Посыпалъ снѣгъ, сдѣлалась вьюга. Вѣтръ сносилъ снѣгъ съ вершины утесовъ, крутилъ его надъ головами малюток, и бѣдняжки, потерявъ направленіе, зажмурясь, поднимались на крутизну горы. Дѣти Антонія были впереди. Въ испугѣ, они хотѣли было возвратиться, но въ тоже время послышался монастырскій колоколъ, и они поспѣшно кинулись на призывный звукъ. Франциска, какъ старшая, утѣшала, ободряла своего брата, который такъ изнемогъ, что сдва слѣдовалъ за нею. Поддерживая его, она и сама спотыкалась на каждомъ шагу. Глубокій снѣгъ, страхъ смерти, истощили ся послѣднія силы — она готова была упасть отъ изнеможенья, какъ вдругъ вѣтръ раздвинулъ крутившееся передъ нею снѣжное облако и на бугрѣ показался *крестъ*. Франциска, собравъ послѣднія силы, притащила своего брата къ спасительному *маяку*, и только что они успѣли обхватить его руками, пронесся сильный вихрь, послышался гулъ, который становился всякую секунду сильнѣе и наконецъ, звукъ,

подобный удару грома, продолжительнымъ грохотомъ разсыпался надъ оцѣпенѣлыми дѣтьми— это былъ обвалъ! Сорвавшись съ высоты, онъ прокатился возлѣ нихъ. Движеніе воздуха было такъ сильно, что Франциска и Юлій безъ чувствъ упали у подножія креста, а дѣти Антонія, взявшіе направленіе влѣво, попали подъ самую глыбу и тамъ нашли могилу! —

Вѣтръ утихъ, снѣгъ престалъ падать; лучъ солнца проникъ сквозь тучи, и дѣти услышали сиповатый лай; онъ былъ для нихъ вѣстникомъ спасенія. Скоро двѣ большія собаки подбѣжали къ нимъ. На одной висѣла баклага съ виномъ. Обѣ кинулись къ дѣтямъ, визгомъ изъявляя свою радость; лизали имъ лица, терлись около нихъ, какъ бы желая отогрѣть ихъ, а между тѣмъ лаемъ не переставали призывать на помощь монаха и монастырскаго слугу, шедшихъ сзади. Только что тѣ подошли, собаки бросились влѣво, взбѣжали на возвышеніе, составившееся отъ снѣжной глыбы, и съ безпокойствомъ нюхали снѣгъ. — „Тутъ вѣрно „лежитъ какой нибудь погибшій," сказалъ прислужникъ, пошедши въ ту сторону, „на„добно отрыть его". — „Ахъ! это вѣрно

„дѣти нашего сосѣда," вскрикнула Франциска, заплакала и хотѣла бѣжать туда, но монахъ ее удержалъ. Онъ взялъ дѣтей за руки и повелъ ихъ въ обитель. Изъ монастыря высланные служители копали тамъ, гдѣ собаки лапами рыли снѣгъ, и къ вечеру снѣжная глыба была разбросана; подъ нею нашлись тѣла̀ погибшихъ дѣтей. Послѣ короткой молитвы, прочтенной монахомъ, ихъ положили на носилки и понесли въ монастырь. —

Настоятель, отобравъ показаніе отъ дѣтей, послалъ одного изъ монаховъ въ долину отыскивать обоихъ отцевъ. Паоло, на колѣняхъ у смертнаго одра жены своей, сжималъ въ своихъ рукахъ ея оледенѣвшую руку. Антоній, съ презрительною улыбкою, стоялъ возлѣ него. — „Вотъ видишь, сосѣдъ," говорилъ онъ, „плоды безсмысленнаго *упованія*. Разсуждая „иначе, ты имѣлъ бы состояніе, а имѣвъ со„стояніе, имѣлъ бы способъ пригласить врача „и слѣдственно спасти жизнь жены своей." Паоло не отвѣчалъ ничего, поднялся, сложилъ крестообразно руки на груди и возвелъ чистый, благодарный взоръ къ небу. Въ это время вошелъ монахъ. — „Почтенный отецъ, что при-

„вело васъ на мѣсто плача?“ — спросилъ Па-ло, отирая слезы. — „Успокойтесь,“ съ чувствомъ сказалъ Бернардинецъ, — „Господь „посылаетъ намъ скорби; но Онъ-же и утѣ-„шаетъ насъ! Вамъ нужно укрѣпиться духомъ: „для одного изъ васъ, я вѣстникъ горестнаго „событія.“ —„Что предстоитъ мнѣ еще испы-„тать?“ простоналъ Паоло.—„Говорите, гово-„рите“ вскрикнулъ Антоній, —„неизвѣстность „выше всякаго мученія!“— „Хорошо,“ сказалъ монахъ, „въ немногихъ словахъ я вамъ объ-„ясню всё: вчера четверо дѣтей, на пути къ „обители, были застигнуты вьюгою. Двое „изъ нихъ спасены; двое погибли подъ обва-„ломъ. Имена я забылъ и теперь не знаю, „который изъ васъ отецъ погибшихъ. Со-„вѣтую вамъ обоимъ слѣдовать за мною до „обители, и самимъ узнать свою судьбу. — „Но я долженъ прежде отдать послѣдній долгъ „женѣ моей,“ выговорилъ Паоло, глухимъ голо-сомъ. — „Я священникъ,“ сказалъ монахъ, — „и охотно помогу вамъ.“ — Послѣ церков-наго обряда тѣло предано было землѣ; Паоло помолился на могилѣ, и пошелъ вслѣдъ за Бернардинцомъ, съ боку котораго, съ твердо-стью шелъ Антоній. Чѣмъ ближе они под-

ходили къ обители, тѣмъ больше укрѣплялся Паоло; Антоній, напротивъ, изнемогалъ примѣтно. Толпа, собравшаяся у часовни, обратила ихъ вниманіе. — „Что это за мѣ„сто? куда идутъ эти люди?“ дико спросилъ Антоній. — „Тутъ кладутъ тѣла̀ „усопшихъ,“ отвѣчалъ монахъ, „и вѣроятно, „теперь дѣтей туда помѣстили.“ — Толпа раздвинулась при появленіи двухъ отцевъ и всѣ съ горестнымъ вниманіемъ ожидали развязки. Антоній, первый подошелъ къ тѣламъ, покрытымъ полотномъ; дрожащею рукою онъ сдернулъ покровъ, вскрикнулъ и безъ чувствъ упалъ на землю. Въ то время Франциска и Юлій были уже въ объятіяхъ своего отца, который съ судорожнымъ движеніемъ прижималъ ихъ къ сердцу. Антонія привели въ чувство; но несчастный лишился разсудка. Ночью, онъ тихонько уходилъ отъ своихъ надзирателей, пробирался къ часовнѣ, и стоялъ у желѣзной решетки, ожидая пока луна броситъ свой лучъ во внутренность храмины, и когда ея блѣдный свѣтъ отражался на саванѣ дѣтей, онъ съ ужасомъ отскакивалъ отъ двери. Паоло хотѣлъ возвратиться въ долину, но Настоятель уговорилъ его пробыть нѣсколько

дней. Въ теченіе того времени, семейство богатыхъ иностранцевъ посѣтило обитель. Настоятель, желавшій сдѣлать небольшой сборъ въ пользу Паоло, разсказалъ происшествіе. Твердая вѣра старика тронула благодѣтельныхъ людей: они рѣшились заняться судьбою Франциски и Юлія; взяли ихъ съ собой и теперь воспитываютъ какъ своихъ дѣтей. Паоло получилъ въ подарокъ такую сумму, которая успокоила его старость, а происшествіе, какъ явное руководство Святаго Промысла, было занесено въ монастырскую тетрадку и по сіе время составляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ для разговора между *аскетами* и путешественниками.

Только что монахъ кончилъ свой разсказъ, вошелъ Настоятель. Послѣ общей молитвы, онъ благословилъ трапезу; всѣ заняли свои мѣста̀, и я, по его приглашенію, помѣстился противъ него. Обѣдъ состоялъ изъ супу, говядины съ вареною рѣпою, телятины съ картофелемъ и жареной баранины. Къ десерту подали сушеные плоды, орѣхи и сыръ. Стоявшая между нами бутылка краснаго вина была дружелюбно раздѣлена — это мѣра, черезъ

которую они не переступают. Во время обѣда, монахи хранятъ глубокое молчаніе; одинъ Настоятель позволяетъ себѣ разговоръ съ пріѣзжими, и то въ пол-голоса. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣчалъ коротко и уклончиво. По окончаніи трапезы, когда вслѣдъ за поднявшимся Настоятелемъ, всѣ встали и, послѣ благодарной молитвы, монахи, почтительно поклонившись ему, стали расходиться, онъ приступилъ ко мнѣ съ рѣшительнымъ вопросомъ: *откуда я?* Я радъ былъ случаю снять съ себя иго, которое во время разговора, наложилъ на себя своею уклончивостью: за обѣдомъ, нѣсколько разъ вырывавшіяся у него слова: *у васъ во Франціи*, щемили мое сердце. — „Я изъ того государства," отвѣчалъ я ему, „гдѣ находятся всѣ климаты Евро„пы; гдѣ множество разнородныхъ племенъ „живетъ мирно и счастливо подъ однимъ ски„петромъ; гдѣ столько различныхъ Вѣроиспо„вѣданій, безмятежно отправляютъ свое слу„женіе подъ кровомъ благодѣтельной терпимо„сти! — „Вы изъ Россіи!" — подхватилъ онъ съ живостью, — „Вы Русскій? такъ скажи„те, нравятся ли вамъ эти угрюмыя мѣста, „и какъ находите вы наше *учрежденіе*?"—На

вопросъ не трудно было отвѣчать: благотворительная цѣль обители слишкомъ извѣстна — а поверхностнаго взгляду недостаточно, чтобъ имѣть понятіе о частяхъ. Бернардинцу хотѣлось дать разговору духо́вное направленіе; но я удачно избѣжалъ этого подводнаго камня. — Сколько разъ мнѣ случалось замѣчать, что между иновѣрцами, люди съ истинно-духовнымъ расположеніемъ, невольно отдаютъ справедливость Греческому Вѣроисповѣданію и уважаютъ Россійскіе монастыри, въ которыхъ сохранился прямой образъ жизни древнихъ *аскетовъ* и притомъ такъ твердо, что никакія ошибки въ частности не могли сгладить глубоко-врѣзавшагося отпечатка. Эта истина, скрывающаяся отъ насъ самихъ, ясна въ глазахъ Римскихъ духовныхъ людей, и если они не могутъ себѣ позволить откровеннаго разговора, то одно нетерпѣливое желаніе услышать что нибудь о предметѣ, который ихъ столько занимаетъ и тревожитъ, ясно то показываетъ. —

Разговоръ, обращенный на современныя политическія произшествія, не могъ долго продолжаться между людьми, совершенно незна-

комыми. Черезъ полъ-часа я благодарилъ Настоятеля за гостепріимство, а онъ желалъ мнѣ счастливаго пути. —

Въ храмѣ, небольшомъ зданіи, нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ памятника, поставленнаго Генералу Дезэ, который подарилъ Буонапарте побѣдою при Маренго. —

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Обратный путь къ Мартиньи. — Перешеекъ Бальма. — Видъ Монблана. — Кретины. — Водопадъ Писвашъ. — Дорога отъ Мартиньи до Сіона. — Сіонъ. — Тунъ. — Интерлакенъ. — Штауббахъ. — Іунгфрау. — Гринденвальдская долина. — Охотники. — Рейхенбахъ. — Гандекъ. — Возвращеніе въ Женеву. — Взглядъ на Швейцарію.—

На возвратномъ пути я остановился въ деревенькѣ Сен-Пьерръ. Тамъ сохранилась церковь, которой основаніе приписывается Карлу Великому; такъ же, какъ и построеніе мостоваго укрѣпленія (tête de pont). Круглая башня съ бойницами, стоящая на возвышеніи, могла достаточно охранять дорогу потому, что нѣтъ другаго прохода, какъ подъ огнемъ этого укрѣпленія. Мостъ построенъ высоко надъ рѣкою Вальсорей, впадающей въ Дрансъ 200

шаговъ выше. Вниманіе путешественника обращается на водопадъ: это одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ Швейцаріи. Его высота не болѣе 40 футовъ, за то, въ паденіи вода не раздѣляется и даже не разстилается; но, сгустившись въ одинъ круглый потокъ, такъ стремится до каменной чаши, откуда выскакиваетъ и быстро струится по камнямъ. —

Подходя къ Мартиньи, мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на Монбланъ съ перешейка Бальма. Круто повернувъ влѣво, я сталъ взбираться на Форкласъ. Не смотря на жаркій день, послѣ четырехъ-часовой ходьбы, я достигъ избы, построенной на вершинѣ; тамъ нашелся проводникъ, который взялся довести меня до перешейка. Съ Форкласа мы спустились въ долину Тріенъ, а оттуда стали всходить на Бальмъ. Нижняя часть горы, покрытая лѣсомъ, долго скрывала окрестность; но съ того мѣста, гдѣ кончился лѣсъ, хорошо можно было видѣть протяженіе Тріенскаго ледника, который соединяется съ ледниками Сен-Бернарда. Въ 5,000 футахъ внизу, разстилался рукавъ долины Тріенъ. Проводникъ, объясняя мѣстность, показалъ на небольшой зеленый холмъ

у подошвы скалы. — „Прошлаго года,“ сказалъ онъ, „на этомъ мѣстѣ мы подняли „разбитое тѣло Англичанина. Съ этого утеса, выдававшагося угломъ, онъ оборвался и, „падая съ камня на камень, достигъ долины. Въ этотъ день было особенно жарко; его предупреждали, что скалы нагрѣты „солнцемъ и, что въ такое время переползывать съ одной на другую — опасно; онъ пренебрегъ предостереженіемъ и за то, расплатился. — Англичанинъ всползъ на утесъ „*ростъ-бифомъ*,“ добавилъ онъ, съ сильнымъ смѣхомъ, — „ а оттуда спустился *бифстек*„*сомъ*!“ — Непристойный смѣхъ и грубое слово: *бифстексъ* взволновали меня — „и вотъ,“ сказалъ я, „какого участія можетъ ожидать „путешественникъ, ввѣряющійся вашему попеченію!“ — „Напрасно вы, такъ поспѣшно, насъ „обвиняете,“ возразилъ крестьянинъ, „значки, „которые мы на себѣ носимъ, показываютъ, „что правительство отвѣчаетъ за насъ, равно „какъ и мы отвѣчаемъ за каждаго путешественника, за что получаемъ по *шести* франковъ въ день; но за тѣхъ, которые не хотятъ „слѣдовать нашимъ совѣтамъ, мы отвѣчать „не можемъ, — а оплакивать всѣхъ сума-

„сбродныхъ, погибающихъ въ нашихъ горахъ,
„было бы черезъ чуръ трудно!"

Вечеромъ мы пришли къ избѣ, построенной на самомъ перешейкѣ. На лѣто здѣсь поселяется трактирщикъ съ однимъ прислужникомъ и угощаетъ посѣтителей, чѣмъ можетъ — иногда одними разсказами! Къ счастью нашлась бутылка вина. Укрывшись суконнымъ плащемъ моего хозяина, я переночевалъ кое-какъ. Ночью, здѣсь нестерпимый холодъ! Когда взошелъ мѣсяцъ, Монбланъ открылся во всей своей величественной красотѣ. Какъ грозный сѣдой старецъ посреди юношей, онъ гордо выглядывалъ изъ-за вершинъ окружающихъ его горъ. Лучи ночнаго свѣтила ярко отражались на бѣломъ покровѣ, осыпая его блестящими искрами. Верхняя половина ледника до скалъ grands mulets была освѣщена; нижняя оставалась въ тѣни. — Какъ ни хорошъ видъ этого снѣжнаго гиганта съ горы Бреванъ, однакожь не льзя ему дать преимущества: тамъ зритель находится противъ самой горы, и въ пространномъ объемѣ, глазъ не можетъ обхватить видъ Монблана съ окружа-

ющими его шпицами; но здѣсь на ту же картину смотришь съ боку.

Поутру вершина Монблана покрылась облакомъ. Это мнѣ напомнило выраженіе одного путешественника, который пробывъ цѣлый день на перешейкѣ Бальма съ обществомъ дамъ, въ ожиданіи, что вершина Монблана разоблачится, наконецъ потерялъ терпѣніе и съ досадою сказалъ своимъ спутницамъ: — „я удивляюсь вамъ, милостивыя государыни; вы „сдѣлали такое трудное путешествіе и здѣсь „зябнете цѣлый день безъ пищи, для невѣжи, „который для васъ не хочетъ снять колпака!!!"

Перспективный видъ горъ, отъ перешейка до селенія Шамуни, чрезвычайно хорошъ. Съ лѣвой стороны видны: шпицъ *Гуте*, *Горбъ Верблюда*, вершина *Монблана*, гора *Проклятая*, шпицъ *полудня*, *Грепонъ*, великанъ *Дрю*, *Зеленый шпицъ*, *Аржантьеръ* и *Дютуръ*; съ правой: великанъ *Бюетъ* съ своею каменистою вершиною — на него всходятъ свободно и безопасно; но надобно брать съ собою съѣстные

припасы, и это было важнѣйшею причиною, почему я не рѣшился побывать на немъ: 12 часовъ сряду я уже былъ на строгой діэтѣ; плоха была надежда найти что-либо лучшее на утесахъ Бюета. — Далѣе перешеекъ *Берарь*, цѣпь *Красныхъ шпицовъ*, шпицъ *Флежіеръ* и гора *Бреванъ*. Между этихъ двухъ рядовъ великановъ, тянется внизу зеленая долина, къ которой, съ боковъ горъ, примыкаютъ нѣсколько ледниковъ. Ихъ голубоватый цвѣтъ такъ красиво оттѣнивается отъ зелени долины и отъ дикаго цвѣта утесовъ!

Городъ Мартиньи окруженъ болотами, которыя составились отъ ежегоднаго разлива Роны. Болотистыя ли испаренія имѣютъ особенное вліяніе на здоровье жителей, или есть тому другая причина, только нигдѣ не встрѣтишь столько этихъ несчастныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Кретиновъ* (cretins), какъ здѣсь. Начиная отъ деревни Сен-Пьерръ, до мѣстечка Лиддъ, не видно ни малѣйшаго признака этой болѣзни. Въ прекрасной деревнѣ Орсьеръ начинаетъ показываться желтый цвѣтъ лица; дальше появляются зоба, малорослость, а въ самомъ Мартиньи, ко всѣмъ признакамъ *кретинизма* при-

соединяется безсмысліе. Болѣзнь имѣетъ нѣсколько степеней: у нѣкоторыхъ одно только безобразіе; другіе, при тупоуміи, исполняютъ хозяйственныя обязанности довольно хорошо; иные безсмысленны, но выговариваютъ безсвязныя слова и могутъ сообщать свое желаніе. Я видѣлъ людей совершенно лишенныхъ умственныхъ способностей и языка, которые, какимъ-то глухимъ мычаніемъ, изъявляли ощущеніе голода, жажды; но въ одной деревнѣ, въ окрестности Мартиньи, есть такіе, какъ меня увѣряли, которые въ понятіи уступаютъ животнымъ: они не только, лишены всякой способности, но даже и мычаніемъ не изъявляютъ желаній — они не могутъ попросить пищи!!!

Болѣзнь развивается во время младенчества и начинается съ того, что выростаетъ зобъ на горлѣ; притомъ дѣти почти не ростутъ. Какъ отвратительно смотрѣть на человѣка, совершенныхъ лѣтъ, съ дѣтскимъ туловищемъ и толстою безобразною головою! Что *кретинизмъ* болѣзнь мѣстная, въ томъ никакаго нѣтъ сомнѣнія; но всѣ изслѣдованія на счетъ причинъ, между собою не согласны. Съ

нѣкотораго времени жители деревень, гдѣ больше свирѣпствуетъ зло, посылаютъ своихъ женъ, за мѣсяцъ до родовъ, въ горы, и послѣ родовъ оставляютъ ихъ тамъ на нѣсколько недѣль. Опытъ подтвердилъ счастливую мысль: болѣзнь примѣтно уменьшается.

Водопадъ *Писвашъ*, находящійся въ четырехъ верстахъ отъ Мартиньи по дорогѣ къ Сен-Морису, не всегда одинаково любопытенъ; онъ часто бываетъ бѣденъ водою; впрочемъ путешественнику вмѣняется какъ бы въ обязанность посѣтить его.

Дорога отъ Мартиньи до Сіона, составляющая часть дороги къ Симплону, настоящая прогулка! Рѣка Рона, пространный лугъ, пологія кустистыя возвышенія, бродящія стада, сельскіе домики — составляютъ достоинство этой прелестной панорамы. На половинѣ дороги къ Сіону, я остановился ночевать въ деревнѣ. Длинная, воткнутая въ землю жердь, обвитая еловыми вѣтвями, къ которой привязанъ былъ кусокъ краснаго полотна, обратила мое вниманіе. На мой вопросъ, хозяинъ отвѣчалъ: — „это *дерево вольности* и *знамя равенства*.“ —

„Но для чегожь эти знаки, когда вы всѣ рав-„ны и вольны?" — „Вотъ то-то, что нѣтъ! „Если бы мы были равны, то всякій изъ насъ „безъ изъятія былъ бы допущенъ къ исправле-„нію гражданскихъ должностей. Если бы мы „были вольны, духовныя лица не имѣли бы „права вмѣшиваться въ наши дѣла, какъ они „теперь то дѣлаютъ, а *дерево* здѣсь для то-„го, чтобы показать наше возмущеніе. Жи-„тели *нижняго* Валлиса, къ которому и на-„ша деревня принадлежитъ, гораздо многочи-„сленнѣе жителей *верхняго;* но тѣ полагаютъ „возможнымъ принудить насъ къ согласію съ „ними, опираясь на то, что духовенство на „ихъ сторонѣ. При послѣднихъ выборахъ, Епи-„скопъ требовалъ права на *три голоса;* мы ска-„зали: одинъ человѣкъ имѣетъ одинъ *голосъ* „потому, что у него одно *горло*; но въ до-„казательство, что не желаемъ спорить, „охотно даемъ ему *два* — такъ нѣтъ, двухъ „мало—давай непремѣнно *три*. А! когда такъ, „если хочешь имѣть третій, сказали мы еди-„нодушно, приходи же взять его самъ —и под-„няли знамя возмущенія! У каждаго изъ насъ „оружіе готово и при первомъ сигналѣ мы всѣ „въ полѣ — „Но какъ же столько вашихъ къ

„завтрешнему торговому дню ѣдутъ въ Сіонъ, „гдѣ мѣстопребываніе Епископа?“ — „Одно другому не мѣшаетъ: на базарѣ мы ведемъ торгъ, „въ который политическія отношенія не входятъ, и тамъ не можетъ быть никакого спора; каждый занятъ своимъ дѣломъ.“ — „Пускай и такъ,“ сказалъ я, „но когда у васъ дошло до оружія, можетъ ли иностранецъ въ „такое время свободно путешествовать? — „Путешественнику такъ же покойно теперь, „какъ и прежде было,“ отвѣчалъ Валлезанъ,“ онъ „платитъ за всё чистыми деньгами и двойною „цѣною противъ жителя, слѣдственно, онъ до́„рогъ для обѣихъ партій, а потому можетъ „безпечно продолжать свой путь во время самыхъ смутныхъ обстоятельствъ. Ограбленъ „онъ ни отъ кого быть не можетъ — мы „собрались защищать наши права, а не разбойничать.“ — Убѣдительная логика меня успокоила и скоро я забылъ про всѣ деревья и знамена Валлезанъ. —

Немного городовъ имѣютъ такой романтическій видъ, какъ Сіонъ. Древняя рыцарская башня съ остатками развалившагося спро-

снія, угрюмо стоитъ на возвышеніи. Возлѣ нее воздвигается новое зданіе, вкусомъ и роскошью предначертанное; оно должно быть жилищемъ Епископа. Множество домовъ готической архитектуры, даетъ городу видъ важности; самый недостатокъ площадей и хорошихъ улицъ помогаетъ тому, какъ бы разливая вездѣ таинственную мрачность. При уныломъ звукѣ колоколовъ, мысль невольно переносится къ временамъ *тайнаго судилища*! — Окрестности Сіона живописны. —

Въ небольшомъ мѣстечкѣ Сидерсъ (Сіеръ), я повернулъ влѣво, переправился черезъ Рону и пришелъ къ подошвѣ горы Гемми. Здѣсь мнѣ хотѣлось перебраться черезъ Альпы, чтобы попасть прямо въ *Оберъ-Ландъ*. Вершина этой горы, имѣющая около 7,000 футовъ высоты, отличается тѣмъ, что ея пространная площадь не окружена скалами; виды открываются со всѣхъ сторонъ. Она покрыта льдинами, но не вездѣ одинаково. По ту сторону, во многихъ мѣстахъ, мнѣ приходилось спускаться по снѣгу.

Отъ селенія Фрутингенъ начинается гладкая дорога, которая имѣетъ въ себѣ то прі-

ятное, что по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ Туну, на каждомъ шагу развертываются виды совершенно живописные; самый городъ, съ двухъ сторонъ окруженный лугами, расположенъ на берегу небольшаго залива. Онъ прислонился къ высокимъ горамъ и омывается волнами озера. —

Тунъ почитается дверью *Оберъ-Ланда*, или ключемъ верхней части кантона Берна, столь знаменитой своими прекрасными видами. Очень жаль, что эта привлекательная сторона много пострадала въ моральномъ отношеніи, отъ непомѣрнаго числа путешественниковъ, которыхъ любопытство, или праздность ежегодно приводятъ сюда со всѣхъ сторонъ. Эта Швейцарская *Аркадія* имѣла своихъ пастуховъ и пастушекъ, съ которыхъ Геснеръ бралъ съемки, одѣвая ихъ на свой ладъ, а теперь — пастухи, сдѣлавшись вралями и обманщиками, заставляютъ путешественника дорого платить за гостепріимство; милыя пастушки требуютъ тройную цѣну за стаканъ молока и рѣзкимъ голосомъ поддерживаютъ свое право. Въ деревенскихъ трактирахъ, *Дамоны* и *Тирсисы* при-

служниками; слишкомъ увѣренные въ невольномъ снисхожденіи иностранца, они обижаются малѣйшимъ воззваніемъ къ справедливости. *Аминты*, *Хлои* стелютъ постели, прибираютъ комнаты, удачно приноровляютъ обхожденіе къ видимому достатку посѣтителя, и *чутьемъ* далеко слышатъ Англичанъ — бѣдный Гесперъ!

Унтерзеенъ, малозначущій городокъ, лежитъ между двумя прекрасными озерами: Туномъ и Бріенцомъ. Рѣка Ааръ, вытекающая изъ озера Бріенца, отдѣляетъ Унтерзеенъ отъ селенія Интерлакенъ; но деревянный мостъ служитъ имъ сообщеніемъ. Интерлакенъ, нѣкогда красивая Швейцарская деревня, прославившаяся своимъ мѣстоположеніемъ, благодаря Англичанамъ, совершенно преобразовалась. Теперь тянется рядъ великолѣпныхъ каменныхъ домовъ въ англійскомъ вкусѣ, съ цвѣтниками и клумбами. Осенью и зимою въ нихъ никто не живетъ, а на лѣто они наполняются. Жители, вытѣсненные своими неугомонными заморскими гостями, предоставили селеніе въ полное ихъ распоряженіе — и они свили тамъ гнѣздо! —

Рано поутру, въ кабріолетѣ я поѣхалъ въ долину *Лаутербрунenъ* къ знаменитому водопаду, съ тѣмъ, чтобъ оттуда пробраться черезъ оба *Шейдека* въ долину Меірингенъ. Штауббахъ, или *пыльный водопадъ*, стремится съ высоты 900 футовъ. Сначала онъ ударяется о скалу, отстоящую отъ его вершины не болѣе какъ на 40 футовъ; но снизу это паденіе не замѣтно; со скалы вода летитъ и, на пути разсыпаясь, образуетъ колонну густой водяной пыли пространнаго объема. Не льзя безъ удивленія смотрѣть на эту массу воды, волнуемую вѣтромъ: гигантъ, въ 900 ф. вышины, извивается какъ змѣя по гладкой, отвѣсной стѣнѣ. Пыль несется во всѣ стороны и самымъ мелкимъ дождемъ орошаетъ пространство на нѣсколько сотъ шаговъ кругомъ. Къ этой картинѣ, солнце добавляетъ много красоты, когда его лучи, проникая сквозь водяныя частицы, сообщаютъ имъ всѣ цвѣты радуги. — Противъ водопада выстроена гостиница, гдѣ я отдыхалъ, пока привели верховую лошадь.

Поднимаясь на гору Венгенъ, я часто останавливался, чтобы смотрѣть на долину,

которой разнообразные виды развертываются по мѣрѣ того, какъ достигаешь высоты; но наконецъ, уступъ горы закрылъ картину совершенно; за то явилась другая: показалось *шале*, или лѣтнее жилище пастуховъ; но это *шале* имѣетъ видъ необыкновенный потому, что здѣсь поставлено нѣсколько домиковъ для всегдашняго пребыванія. Красивое сельское строеніе, окруженное роскошными огородами, на такой высотѣ, имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго. У лѣтняго трактира, небольшой избы съ двумя перегородками, противъ горы Іунгфрау, я остановился и пока проводникъ кормилъ лошадь, я съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на этого великана въ 12,872 фута вышины, котораго снѣжная вершина теряется въ облакахъ. По отвѣснымъ его скаламъ, съ звукомъ, подобнымъ грому, катились потоки сыпучаго снѣга. Это явленіе, любопытное и рѣдкое вездѣ, на горѣ Іунгфрау, въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ почти каждый часъ. Тутъ же стоитъ другой великанъ — Эйгеръ, 12,268 ф. высоты; онъ извѣстенъ своими неприступными ледниками. Этими двумя горами заслоняются остальныя.

Долина Гринденвальдъ отличается отъ долины Шамуни, какъ разцвѣтомъ своихъ карнизъ, такъ и растительною силою земли. Здѣсь не видно мрачныхъ соснъ, и снѣгъ не имѣетъ того угрюмаго вида; напротивъ, собираясь въ глубокихъ впадинахъ скалъ, онъ составляетъ пріятное разнообразіе съ зеленью кустовъ и голыми утесами. Какимъ блестящимъ серебристымъ потокомъ стремится онъ съ высоты! Сухія лавины падаютъ здѣсь безпрестанно.

Въ долинѣ Гринденвальдъ природа не такъ бѣдна и дика, какъ въ долинѣ Шамуни; за то здѣсь больше ужаснаго, больше величественнаго, и поразительная противоположность съ сельскими ландшафтами такъ велика, что вниманіе путешественника, съ возрастающимъ любопытствомъ, безпрестанно переходитъ отъ одного предмета къ другому. Самыя горы не вездѣ сохраняютъ грозный видъ: едва замѣтною покатостью, онѣ отъ своей подошвы спускаются прелестно опушенными пригорками до береговъ рѣчки, гдѣ остатки ихъ кустовъ теряются въ луговой зелени, и если взглядъ, возведенный къ верху, приводитъ иногда въ ужасъ; за то стóитъ только опу-

стить его, чтобы перейти къ этимъ тихимъ, пріятнымъ впечатлѣніямъ, которыя неразлучны съ красотою сельской природы.

Скромный памятникъ, воздвигнутый пастору Мурону, доказываетъ любовь прихожанъ къ нему, а надпись напоминаетъ его плачевную кончину: пасторъ былъ любитель природы; въ свободное время отъ занятій, онъ бродилъ по горамъ, занимаясь собираніемъ травъ и физическими наблюденіями. Въ день своей неожиданной кончины, когда онъ проходилъ черезъ Гринденвальдскій ледникъ, большое круглое отверстіе, образовавшееся посреди льдинъ, привлекло его вниманіе. Онъ сталъ бросать туда камни и съ вниманіемъ прислушивался къ звуку ихъ паденія. Наконецъ любопытство взяло верхъ надъ страхомъ: онъ рѣшился заглянуть туда. Воткнувши свою палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, и опершись на нее, онъ нагнулся надъ отверстіемъ; но въ это время палка, худо воткнутая въ ледъ, скользнула и Муронъ упалъ въ бездну! Ужасная глубина была изслѣдована мужественнымъ проводникомъ, который рѣшился опуститься на веревкахъ до самаго дна, чтобы вытащить тѣло пастора. —

Въ Гринденвальдской долинѣ пасутся до 2,000 коровъ, и число скота не рѣдко доходитъ до 6,000 штукъ, что составляетъ главную промышленность жителей. Хлѣбопашество, по причинѣ возвышенности мѣстоположенія и снѣговыхъ горъ, вовсе незначительно.

Нигдѣ нѣтъ столько *охотниковъ*, какъ здѣсь, и нигдѣ труды этого занятія не подвергаютъ такой опасности. Хотя козъ уже не столько, но кажется, что съ уменьшеніемъ дичи, страсть къ охотѣ возрастаетъ. Обыкновенно, охотникъ отправляется съ-вечера, чтобы до-свѣта ему быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ козы пасутся. Тамъ ожидаетъ онъ дня, и когда помощью зрительной трубы, хорошо замѣтитъ мѣсто ихъ пастбища, тогда составляетъ планъ, какъ къ нимъ подходить, для чего предпочтительно избираетъ ущелья и впадины горъ. Сколько трудностей въ этомъ подходѣ! Иногда онъ лежитъ какъ мертвый потому, что звѣрь его замѣтилъ; то надѣваетъ бѣлую рубашку сверхъ платья, когда ему надобно переползать черезъ снѣгъ; то сбрасываетъ башмаки, и босикомъ пробирается нѣсколько сотъ шаговъ по сыпучему

мелкому камню, опасаясь, чтобы звукъ не измѣнилъ ему. Часто случается, что въ то время какъ онъ хочетъ прицѣлиться, козы поднимаютъ головы, и онъ долженъ оставаться неподвижнымъ въ томъ положеніи, въ которомъ ихъ взглядъ засталъ его. Если онъ можетъ хорошо видѣть рога, что служитъ знакомъ близкаго размѣра, онъ кладетъ ружье на камень и пускаетъ вѣрную пулю. Мало примѣровъ промаха.

Когда соберется нѣсколько стрѣлковъ, они поступаютъ такимъ же образомъ, съ тою разницею, что, за исключеніемъ того, который подкрадывается, всѣ они становятся по мѣстамъ, куда испуганный звѣрь долженъ бѣжать, и послѣ выстрѣла перваго охотника, стрѣляютъ остальныхъ на бѣгу. Послѣ мѣткаго выстрѣла рѣдко добыча остается на томъ мѣстѣ, гдѣ ее постигъ ударъ: чаще всего съ остроконечныхъ скалъ, на которыхъ обыкновенно козы бродятъ, она скатывается въ долину; тогда надобно спускаться съ ужасной высоты! — Не рѣдко она падаетъ въ ледникъ, тогда охотникъ долженъ пролагать себѣ путь по непроходимымъ мѣстамъ, бороться съ разными препятствіями, подвергаться боль-

нимъ опасностямъ и, когда послѣ неимовѣрныхъ усилій, онъ уже близокъ къ достиженію своей цѣли, къ прискорбію видѣтъ, что коза упала въ ледяную пропасть! Страсть охотниковъ доходитъ иногда до изступленія. Козы, испуганныя неудачнымъ выстрѣломъ, разбѣга́ются, и ищутъ спасенія въ неприступныхъ мѣстахъ. Онѣ вспрыгиваютъ на корнизъ гладкой каменной стѣны; бѣгутъ по немъ съ невѣроятною быстротою и прыгаютъ съ высоты 25 футовъ. Всѣ эти затрудненія, достаточныя остановить разсудительнаго человѣка, еще болѣе воспламеняютъ охотника, и до такой степени, что преслѣдуя добычу съ утеса на утесъ, онъ иногда не видитъ возможности возвратиться тѣмъ же путемъ, и счастливъ, если со скалы, на которую пылъ его занесетъ, онъ найдетъ удобный сходъ; но какъ часто погибаютъ они жертвою своей неосторожности! Примѣръ погибшаго никогда не дѣйствуетъ на другаго. Г. Де-Сосюру., во время его путешествія по горамъ въ 1798 году, случилось встрѣтить охотника, который на всѣ его представленія отвѣчалъ ему: — „Мой „дѣдъ умеръ на охотѣ, мой отецъ умеръ так- „же, и я не могу умереть иначе. Вотъ взгля-

„ните, сударь, на этотъ мѣшокъ, который я „ношу за плечами, я называю его моимъ смертнымъ покровомъ потому, что не буду имѣть „другаго; но притомъ, еслибы вы мнѣ предложили полное беззаботное состояніе, съ тѣмъ, „чтобъ я отказался отъ охоты,—я отвергну „его!“ — Черезъ два года послѣ того, Г. Де-Соссюръ узналъ, что этотъ молодой охотникъ, оборвавшись со скалы, погибъ въ пропасти!!

Стада этихъ животныхъ пасутся всегда подъ предводительствомъ самки, и если ее убьютъ, то козы, потерявшія своего вожатаго, бѣгаютъ кругомъ, не удаляясь отъ выстрѣловъ. 30, или 40 лѣтъ тому назадъ, не рѣдко встрѣчались стада въ 40 и 50 штукъ; но теперь они уменьшились болѣе чѣмъ на половину. —

На пути къ большому Шейдеку, служащему границею между долинами Гриндельвальда и Гасли, можно видѣть ледникъ горы Іунгфрау. Онъ находится между Эйгеромъ, котораго вершина возвышается на подобіе остраго кремня, и Меттенбергомъ, или *среднею горою.* Эта послѣдняя, пространная въ объемѣ, составляетъ какъ бы піедесталъ Шрекгорна, *страшнаго рога*; его съ долины не видно. За нимъ Ветергорнъ, получив-

шій названіе отъ своей вершины, часто покрытой облаками; по ней жители предузнаютъ перемѣну погоды. У подошвы Веттергорна тянется большой ледникъ, извѣстный подъ названіемъ Гринденвальдскаго.—Великаны съ обнаженными грозными скалами, нависшія глыбы, долины, покрытыя огромными льдинами, безпрерывный громъ падающихъ обваловъ — всё вмѣстѣ, наводитъ невольный ужасъ! Часто, во время грозы, молнія откалываетъ большіе куски отъ утесовъ, которые съ невѣроятною быстротою летятъ внизъ; но на пути встрѣтивъ скалу, они ударяются объ нее, и тогда дѣлаютъ прыжки съ полъ-версты въ сторону! Около дороги я находилъ много такихъ камней. — Въ горахъ нѣтъ безопаснаго прохода, или проѣзда! —

Долина Гасли считается одною изъ прекраснѣйшихъ въ Швейцаріи; въ ней особенно живописны окрестности Мейрингена, гдѣ жители отличаются отъ прочихъ Швейцарцевъ наружностью, нравомъ и даже языкомъ. Старинное преданіе утверждаетъ, что они потомки Шведовъ, поселившихся въ этихъ мѣстахъ. —

Долго я ѣхалъ лѣсомъ около потока, который съ большими усиліями пролагаетъ себѣ путь между камней. Онъ уже грозенъ и бурливъ, прежде чѣмъ доходитъ до оконечности утеса, откуда падаетъ въ долину. Я пріѣхалъ къ спуску горы, и передо мною развернулся Мейрингенъ съ милою окрестностью. Оставивъ лошадь, я пошелъ, и въ половинѣ горы поворотъ влѣво показалъ мнѣ дорогу къ Рейхенбаху. На бугрѣ, надъ самымъ мѣстомъ паденія воды, поставленъ небольшой домикъ, откуда можно смотрѣть на водопадъ. Тутъ всё придумано для спокойствія и удовольствія путешественника. Не льзя не сказать *спасибо* строителю, котораго вся выгода заключается въ продажѣ разныхъ мелочей, разложенныхъ на столахъ, и въ добровольномъ пожертвованіи посѣтителя. —

Рейхенбахъ прекрасный, величественный водопадъ! Съ Штауббахомъ сравнивать его трудно. Первый изумляетъ количествомъ воды и силою ея потока, тогда какъ второй, не дѣлая большаго впечатлѣнія, производитъ неизъяснимое ощущеніе. Рейхенбахъ являетъ игру природы во всей ея красотѣ; но игру

въ массахъ камней и воды, въ сильныхъ и тяжелыхъ напорахъ. Штауббахъ показываетъ ту же воду, только безъ побочныхъ предметовъ, и съ высоты втрое большей, заставляетъ ее летѣть по воздуху и разсыпаться пылью, едва замѣтною для глаза. Стоя у Рейхенбаха, утомляешься слухомъ, утомляешься зрѣніемъ и отходишь съ моральнымъ разслабленіемъ, которое лишаетъ способности размышлять — Штауббахъ напротивъ: сначала онъ не удивляетъ, но постепенно вглядываясь во всѣ его красоты, приходишь въ пріятное забытіе и видъ этого сочетанія двухъ стихій — воздуха съ водою, имѣетъ столько *фантастическаго*, что кажется будто оно не въ законахъ природы, и невольно переносишься въ страну фантазій!

Не въѣзжая въ Меіерингенъ, я отпустилъ проводника и пошелъ къ горѣ Гримзель. По этой дорогѣ опасно ѣхать верхомъ: въ нѣкоторомъ разстояніи начинается едва примѣтная тропина; она идетъ по большимъ круглымъ камнямъ, гдѣ трудно было удерживаться, пока на камнѣ не сдѣлали насѣчекъ — средство, те-

перь достаточное для предохраненія отъ несчастнаго случая. — Отъ Мейрингена до Гуттанена идешь вдоль рѣки Аръ, слѣдуя всѣмъ ея изгибамъ; но дальше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ горы, расположенныя по обѣимъ сторонамъ, сближаются, и выдавшіяся скалы преграждаютъ путь, надобно взбираться на крутизну утесовъ. Здѣсь можно найти небольшое подобіе дороги отъ Амстега до Сен-Готарда, но съ тою разницею, что виды не такъ величественны и природа не такъ угрюма. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ порохъ проложилъ путь черезъ скалы и теперь проходятъ по нижней части камня, въ то время, какъ верхняя служитъ навѣсомъ. Тамъ гдѣ надобно переходить съ одной стороны на другую, деревянные мостики, сплоченные изъ нѣсколькихъ бревенъ, ведутъ черезъ рѣку. —

Съ высоты утеса, стоя на краю ужаснаго обрыва, смотришь на водопадъ. Эту картину описать невозможно! Гандекъ больше всѣхъ водопадовъ Швейцаріи и уступаетъ только Шафгаузенскому въ количествѣ воды; но за то высота, съ которой стремится вода, въ 200 футовъ. Въ какую мрачную бездну

летитъ потокъ! Съ этой точки видна его нижняя часть. Нависшія черныя скалы составляютъ сводъ надъ пропастью, куда не проникаетъ лучъ солнца — тамъ кипятъ водяные валы! Поднявшись выше, всходишь на мостикъ, построенный надъ водопадомъ. Скалы закрываютъ глубину пропасти; но бурное стремленіе потока видно во всей его красотѣ. Чтобы хорошо видѣть Гандекъ, надобно смотрѣть на него съ обѣихъ точекъ. Взглядъ сверху изумляетъ; но внизу приходишь въ ужасъ: необычайный шумъ воды, темнота пропасти, дикая окрестность, всё соединилось, чтобы привесть въ трепетъ самаго равнодушнаго человѣка! Швейцарцы называютъ это мѣсто *водянымъ адомъ*. Я стоялъ на берегу, гдѣ не угрожаетъ никакая опасность; но ощущеніе такъ невыносимо, что на возвратномъ пути я не рѣшился зайти къ водопаду. — Въ картинахъ природы, какъ и въ изящномъ, есть свои законы, которымъ чувства безусловно повинуются: *миловидное* плѣняетъ, *величественное* изумляетъ, *ужасное* приводитъ въ содроганіе; но *безобразное*, *уродливое* наводитъ уныніе и неизъяснимую тоску! —

Вершина Гримзеля считается отъ поверхности моря 8,580 футовъ высоты; перешеекъ, или переходъ, 6,601, а площадка, гдѣ построена гостинница, 5,778. Это зданіе, довольно просторное, отдается правительствомъ въ аренду за 1,000 швейцарскихъ франковъ, или 1,500 французскихъ, съ тѣмъ, чтобы содержатель безденежно давалъ ночлегъ и пищу бѣднымъ проходящимъ; при чемъ ему позволяется дѣлать сборъ въ окрестности и брать пошлину съ проносимыхъ товаровъ. Путешественники, которыхъ завлекаетъ сюда любопытство, приносятъ ему также значительный доходъ. Зимою онъ живетъ въ Мейрингенѣ, оставляя въ гостинницѣ служителя и женщину для надзора за строеніемъ и выдачи пищи проходящимъ. Я видѣлъ тамъ двухъ собакъ съ горы Сен-Бернарда. Удавалось ли имъ спасать людей — не знаю; кажется, нѣтъ — потому, что зимою этимъ путемъ мало кто проходитъ.

Мейрингенъ, небольшой городокъ съ худымъ строеніемъ и одною улицею, не можетъ понравиться; но его окрестности прелестны! Много живописцевъ живутъ здѣсь въ лѣтніе

мѣсяцы, чтобы снимать виды, которые имѣютъ то особенное, что ихъ разнообразіе выказывается на самомъ маломъ пространствѣ. На пути къ Бріенцу, они много измѣняются, и голыя скалы постепенно замѣняютъ роскошную зелень. —

Отъ Бріенца я плылъ въ лодкѣ по озеру. Кромѣ видовъ, красивыхъ здѣсь вообще, замѣчателенъ водопадъ Гисбахъ; онъ съ высокой горы стремится по уступамъ и образуетъ отъ шести до семи водопадовъ, изъ которыхъ послѣдній не имѣетъ больше 20 фут. высоты. Гисбахъ много теряетъ, когда смотришь на него, поровнявшись съ нимъ: всѣ уступы отдѣляются одинъ отъ другаго; но въ отдаленіи и съ боку, три водопада могутъ въ глазахъ зрителя сливаться въ одинъ; совсѣмъ тѣмъ, Гисбаха нельзя сравнивать ни съ однимъ изъ извѣстныхъ водопадовъ Швейцаріи. —

При деревнѣ Ринкенбергъ красиво рисуются остатки древняго рыцарскаго зáмка, въ которомъ жилъ нѣкогда, ужасъ той страны, рыцарь Вольфъ. Рука рыбака его сразила! Отецъ, раздраженный убійствомъ своей дочери, извлекъ

стрѣлу изъ ея груди и хранилъ ее какъ драгоцѣнный залогъ мщенія, пока не нанесъ роковаго удара тирану. Онъ освободилъ своихъ соотечественниковъ отъ жестокаго ига, а самъ въ степяхъ Палестины окончилъ жизнь въ покаяніи. —

Отъ Интерлакена я продолжалъ путь берегомъ озера Тунъ, гдѣ проложена покойная дорога. Кабріолетъ быстро катился по гладкому шоссе, и прекрасныя сельскія картины безпрестанно смѣнялись у меня передъ глазами, пока не открылся городокъ Тунъ. —

Въ Бернѣ я покинулъ *странническій посохъ* и въ дилижансѣ занялъ мѣсто до Женевы. —

Какъ живописны берега Женевскаго озера! Какъ хороша голубая равнина въ рамѣ высокихъ горъ, съ разбросанными по берегамъ городками, деревнями, усадьбами сельскихъ домиковъ и виноградниками! Подъ вечеръ тихаго дня, эта чистая, особенно прозрачная вода лежитъ зеркаломъ; по ней скользятъ сотни лодокъ, оставляя за собой едва примѣтные сере-

бристые слѣды и скрываются у береговъ, въ тѣнистомъ водяномъ рисункѣ — прелестномъ отраженіи окрестныхъ картинъ! Въ моихъ глазахъ Леманъ заслуживаетъ преимущество передъ Констанскимъ озеромъ: тамъ, пространный объемъ позволяетъ схватывать одни только отдѣльные виды; но здѣсь возлѣ Женевы, гдѣ нѣтъ болѣе 300, или 400 шаговъ ширины, представляется цѣлая картина — цѣлая окружность въ панорамѣ! Береговыя дороги и дорожки содержатся въ большомъ порядкѣ; вездѣ сообщенія облегчены, доведены до дешевизны и всюду видишь кучи проѣзжающихъ и проходящихъ.— Иностранцевъ удивляетъ растительная сила этой земли: здѣсь зелень кажется зеленѣе, плѣнительнѣе; цвѣты роскошнѣе и фруктовыя деревья, разбросанныя по всему пространству и оставленныя безъ присмотру, невѣроятнымъ количествомъ плодовъ доказываютъ силу природы — такъ на берегахъ Лемана; но грунтъ земли кантона не изъ лучшихъ и одни только усиленныя удобренія дѣлаютъ его плодороднымъ; за то, надобно взглянуть на обработанныя поля и утученные луга — всё дурное поправлено, всѣ недостатки пополнены благоразумнымъ трудолюбіемъ! —

Женевскій кантонъ, послѣ кантона Цуга, считается самымъ малымъ; но въ отношеніи къ количеству земли, онъ больше другихъ населенъ. На число жителей, доходящее до 50,000, считается 45,000 *позъ**) пахатной земли подъ зерновымъ растеніемъ; этого едва доставало бы на шести-мѣсячное продовольствіе; но картофель, котораго здѣсь собираютъ много, замѣняетъ хлѣбъ, а иностранцы, ежегодно посѣщающіе Женеву и ея окрестности, привозятъ столько денегъ, что за покупкою недостающаго продовольствія, еще остается довольно для поддержанія промышленности. —

Женева, въ полномъ смыслѣ слова, *торговый* городъ! Это обширный *магазинъ*, котораго передняя часть заключается въ кварталѣ *коратри* и *набережной*, гдѣ до невѣроятной утонченности все придумано для спокойствія и удовольствія пріѣзжающихъ. Сюда стекаются *туристы* изо всѣхъ частей Европы! Они — привозятъ золото и съ благодарностью

---

*) Поза имѣетъ 25,600 □ королевскихъ футовъ.

его *высыпаютъ* потому, что каждый изъ нихъ находитъ всё, что можетъ льстить его вкусу, желаніямъ — и удовлетворять самымъ мелочнымъ его прихотямъ.

Въ задней половинѣ этого *магазина*, гдѣ встрѣчается тѣсный базаръ, грязные переулки, высокіе домà съ темными лѣстницами, помѣщается среднее сословіе; къ нему присоединяется большое количество путешествующихъ иностранныхъ ремесленниковъ; эти, за небольшую плату, оставляютъ здѣсь свои произведенія, которыя потомъ появляются на пышныхъ выставкахъ передней части *магазина*.

Третья и, совершенно отдѣльная часть города, состоитъ изъ такъ называемыхъ предмѣстій, или загородныхъ кварталовъ, гдѣ вдоль широкихъ улицъ безпрестанно строятся небольшіе, но красивые домики. Тамъ живутъ министры разныхъ Исповѣданій, ученые и мирные граждане, нехотящіе брать участія въ торговыхъ битвахъ. —

Женева, Бернъ и Цюрихъ, главнѣйшіе города Швейцаріи, имѣютъ между собою такъ мало

общаго, что побывавши въ одномъ изъ нихъ, не льзя себѣ составить приблизительнаго понятія о другомъ. Живописныя окрестности дѣлаютъ ихъ, всѣхъ трехъ, равно привлекательными для путешественника, но различные оттѣнки ихъ характеровъ производятъ различныя впечатлѣнія. —

Въ Бернѣ и Женевѣ жители равно гостепріимны, равно внимательны къ иностранцамъ, съ тою только разницею, что въ Бернѣ, къ улыбкѣ радущія не примѣшивается никакая посторонняя мысль, тогда какъ въ Женевѣ, въ самомъ откровенномъ изліяніи чувствъ, легко усматривается, если не тонкій расчетъ, то по крайней мѣрѣ, *дальновидная* предусмотрительность. — Въ томъ и другомъ городѣ путешественника, на каждомъ шагу, ожидаютъ новыя удовольствія — новыя наслажденія; но въ Бернѣ, ему кажется, что онъ самъ ихъ сыскалъ, что онъ увлекся общимъ стремленіемъ, и онъ безпечно плыветъ по теченію. Въ Женевѣ, онъ смотритъ на удовольствія, какъ на выставленную для него приманку; онъ почитаетъ себя какъ бы брошеннымъ въ быстрый потокъ, и употребляетъ

всѣ усилія, чтобы выбиться изъ него и достигнуть берега!! —

Бернцы не имѣютъ рѣзкихъ характерическихъ оттѣнковъ—все сгладилось безпечностью и сильнымъ расположеніемъ къ чувственнымъ удовольствіямъ; совсѣмъ тѣмъ, у нихъ сохранилась черта, имъ принадлежащая: они честны, добры и довѣрчивы. — Женевцы и того не имѣютъ: они совершенно отказались отъ всякой собственности; они хотятъ быть всѣмъ, только чтобъ не быть тѣмъ, чѣмъ они должны быть! Отъ необыкновенной способности принаровляться къ характерамъ всѣхъ народовъ, къ ихъ привычкамъ, къ различному образу жизни, они сдѣлались искусными подражателями и потеряли всякое чувство самобытности; за то утвердительно можно сказать, что Женева просвѣщеніемъ опередила всю Швейцарію и она справедливо можетъ занять свое мѣсто между блистательнѣйшими городами Европы.— Когда спросили у Наполеона, проѣхавшаго въ близкомъ разстояніи отъ Женевы, почему онъ не заѣхалъ въ этотъ городъ, онъ съ живостью отвѣчалъ: — *чтобы мнѣ тамъ дѣлать? Я недовольно хорошо говорю по Англійски!!* —

Въ Женевѣ, если не говорятъ всѣми Европейскими языками; за то мысли, привычки, образъ жизни всѣхъ Европейскихъ народовъ встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу. Женевцы взяли отовсюду всего по немногу и составили смѣсь, въ которой каждый *туристъ* съ восхищеньемъ находитъ свое отечественное. Выборъ не всегда удаченъ и хорошъ; но какое до того дѣло! *И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!* — *Туристъ* поселяется въ Женевѣ на всю зиму, сыплетъ золотомъ, а Женевцамъ только то и нужно! —

Цюрихъ справедливо заслуживаетъ названіе Аѳинъ Швейцаріи; тамъ всѣ философствуютъ и мудрствуютъ; всѣ предались открытіямъ, изслѣдованіямъ, разсужденіямъ. Нѣтъ города въ Европѣ, гдѣ бы чтеніе серьёзныхъ книгъ было на столько общимъ занятіемъ. Отъ профессора до кухарки и даже, до водовоза — всѣ *читаютъ* и *разсуждаютъ* Странно, но справедливо, что господствующій духъ *аналитики* проявляется тамъ во всѣхъ сословіяхъ — конечно не всё въ одной и той же оболочкѣ; но тѣмъ хуже: мелочныя отношенія, проникнутыя имъ, и гдѣ онъ такъ не въ

попадъ, становятся несносными. Вотъ почему путешественникъ подвергается непріятному впечатлѣнію на каждомъ шагу. — Какъ часто удовольственное увлеченіе спалкивается тамъ съ важною степенностью, которая, хотя не вооружается противъ него, но дышетъ на него холодомъ; не убиваетъ чувствъ, но постепенно леденитъ ихъ. — Какъ часто улыбка довѣрія исчезаетъ при встрѣчѣ съ косымъ взглядомъ *скептицизма*, и отлескъ безмятежной души — игривыя ребяческія ощущенія — эти поэтическія вспышки жизни человѣка, замираютъ тамъ, подъ гнетомъ *аналитическихъ* разсужденій! — Въ Цюрихѣ путешественникъ будетъ наслаждаться прелестною прогулкою по берегамъ озера — прогулка, которой едва ли гдѣ найдется подобная; посѣтитъ публичную библіотеку, любопытный кабинетъ натуральной исторіи, взойдетъ на обсерваторію, побываетъ въ ратушѣ, чтобы взглянуть на картины, гдѣ изображены всѣ рыбы, которыя водятся въ кантонѣ; мимоходомъ зайдетъ въ соборную церковь, замѣчательную по своей древности; посѣтитъ Университетъ, публичныя школы; осмотритъ заведеніе для глухо-нѣмыхъ, домъ военнаго общества, залу художествъ; приме-

сетъдань похвалъ учрежденію для усовершенствованія пастушескаго быта и оставитъ Цюрихъ безъ сожалѣнія потому, что во все время своего тамъ пребыванія, какъ солдатъ, застегнутый на всѣ пуговицы, онъ стоялъ въ строю; не могъ распахнуться — онъ не могъ отдохнуть душею ! ! ! —

Въ Швейцаріи никогда не было общей конституціи: каждый кантонъ имѣлъ свой образъ правленія; и въ протекшихъ столѣтіяхъ эта разница была еще болѣе ощутительна. Въ одномъ кантонѣ правленіе было демократическое; въ другомъ аристократическое; въ третьемъ смѣшанное. Нечего упоминать о различныхъ конституціяхъ, принятыхъ Швейцаріею съ 1798 года; онѣ были внушены порывами буйныхъ страстей. Въ 1803 году *актъ посредничества* приблизилъ конституцію 13 кантоновъ къ древнему образу правленія, за исключеніемъ уничтоженія подчиненности завоеванныхъ кантоновъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ правъ, которыми пользовались округи и города. Этотъ актъ раздѣлилъ Швейцарію на 19 кантоновъ и каждому предоставилъ свое особенное правленіе. Сношенія со всѣми Европейскими державами обсуждались

собранiемъ депутатовъ изъ всѣхъ кантоновъ. Эти собранiя держались въ Фрибургѣ, Бернѣ, Солотурнѣ Базелѣ, Цюрихѣ и Луцернѣ. Старшiй членъ городоваго магистрата того мѣста, въ годъ собранiя депутатовъ, бралъ на себя званiе президента. *Актъ посредничества* управлялъ Швейцарiею въ теченiе 11 лѣтъ, и былъ замѣненъ *федеральнымъ актомъ*, составленнымъ 7 Августа 1815 года, который и донынѣ существуетъ. Этотъ актъ сдѣлалъ двадцать два кантона, установилъ взаимныя между ними отношенiя, опредѣлилъ число войскъ и сумму денежнаго взноса; но всѣ перемѣны въ побочныхъ распоряженiяхъ не измѣнили сущности: и теперь еще каждый кантонъ управляется своими законами. —

Путешествуя по Швейцарiи, внимательный наблюдатель сдѣлаетъ естественный вопросъ: *да гдѣ же Швейцарiя?*— На этотъ вопросъ трудно отвѣчать. Условное Европейское понятiе опредѣлило *федеральный союзъ двадцати двухъ кантоновъ* называть Швейцарiею. *Двадцать два* кантона, совершенно разнствующiе между собою въ вѣроисповѣданiи, характерѣ, образѣ жизни и законахъ — которыхъ взаимное отношенiе состо-

нѣтъ только въ обязанности давать назначенное число солдатъ и положенную сумму денегъ, посредствомъ *федеральнаго акта*, упрочивающаго ихъ политическое существованіе, составляютъ одно *цѣлое*, называемое *Швейцаріею* ! ! !

Спросите у каждаго Швейцарца, что онъ считаетъ своимъ отечествомъ, и онъ назоветъ вамъ свой кантонъ! Соревнованіе одного кантона съ другимъ породило въ нихъ чувство зависти и недоброжелательства — чувство, которое выказывается при каждомъ случаѣ и можетъ служить доказательствомъ, что нравственнаго союза между ними никакого не существуетъ — и наконецъ невольно придешь къ этому заключенію: или *вовсе нѣтъ Швейцаріи*, или ихъ *двадцать двѣ* ! ! !

Швейцарія не пользуется тѣмъ среднимъ климатомъ, котораго слѣдовало бы ожидать отъ ея географическаго положенія. Сѣверный вѣтръ дуетъ безпрепятственно, а южный, проходя черезъ снѣговыя вершины горъ и ледники, также приноситъ особенную свѣжесть. Въ нѣкоторыхъ долинахъ крайности жара и холода бываютъ невыносимы и

не удивительно встрѣтить иногда виноградъ, зрѣющій возлѣ ледниковъ. — Путешественники съ восхищеньемъ передавали, что они одною рукою брали комокъ снѣгу, тогда какъ другою срывали альпійскую розу; но изъ того не надобно заключать, чтобы розы могли рости тамъ, гдѣ начинается постоянный снѣгъ: этотъ снѣгъ временный — наносный; впрочемъ на растительность большое вліяніе имѣетъ мѣстность: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 8,000 футахъ высоты находятся растенія, тогда какъ въ другихъ на 7,000 уже нѣтъ ничего. Есть долины, окруженныя такими высокими горами, что зимою, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, жители не могутъ видѣть солнца. —

Въ Ботаническомъ отношеніи можно раздѣлить Швейцарію на *семь* ярусовъ или régions.

Первый ярусъ въ долинахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ. Хотя эти мѣста имѣютъ возвышенность въ 1,500 и 1,700 футовъ отъ поверхности моря, но тамъ ростетъ виноградъ.

Второй въ мѣстахъ, гдѣ роститъ дубъ; этотъ ярусъ простирается на 2,800 футовъ.

Третій — горный, гдѣ кончился дубъ и начинается букъ (Le Hêtre) — этотъ тянется до 4,100 футовъ.

Четвертый тамъ, гдѣ кончился букъ и начинается сосна; онъ возвышается на 5,500 футовъ.

Пятый, гдѣ кончился лѣсъ и начались травы. Этотъ ярусъ подраздѣляется еще на два другихъ a) на нижній горный и b) на верхній. Первый заключаетъ пастбища и простирается до 6,500 фут.; второй имѣетъ только отдѣльныя растенія, которыя, по своимъ различнымъ свойствамъ, доходятъ до высоты 8,000 футовъ. Въ числѣ немногихъ растеній, могущихъ выносить сильный холодъ, *генціана* занимаетъ почетное мѣсто. —

Земледѣліе здѣсь вообще въ цвѣтущемъ состояніи: возможность легко удобрять поля, много тому способствуетъ. Посѣвы ржи и

сажаніе картофеля значительно увеличились, и если бы безпрестанные переходы отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу, градъ, морозъ, сырой туманъ, не лишали земледѣльца ожидаемой жатвы, можетъ быть Швейцарія не находилась бы въ такой необходимости заимствовать отъ другихъ государствъ потребное для жизни. —

Пастбища на Альпахъ имѣютъ три степени возвышенія: для весны, лѣта и осени, и всюду есть приличное строеніе съ сараями, гдѣ заготовляется сѣно на́-зиму; но вообще возвышенность въ 5,000 футовъ считается лучшею для коровъ.

На высотахъ и въ долинахъ, гдѣ опасаются снѣговыхъ обваловъ, жители стараются ставить избы у края крупнаго лѣса, въ надеждѣ, что большія деревья удержатъ силу потока; но какъ часто это предположеніе не оправдывалось!

Въ горахъ вліяніе жара на кожу втрое сильнѣе, чѣмъ въ долинѣ. Тонкость воздуха и

сила, съ которою онъ побуждаетъ испаренія, причиною той слабости и различныхъ недуговъ, ощущаемыхъ путешественниками на высотѣ. Обыкновенно эти припадки начинаются съ той черты, гдѣ начало вѣчныхъ снѣговъ.—

Время самое холодное на горахъ и въ долинахъ — при восходѣ солнца. Самое теплое въ два часа пополудни; но разница между этими двумя противоположностями на высотѣ не столько ощутительна, какъ на берегу моря. Де Сосюръ замѣчаетъ, что на *перешейкѣ гиганта* (col du Géant), 10,578 фут. отъ поверхности моря, эта разница третьею долею менѣе ощутительна, чѣмъ въ Женевѣ. Изъ того можно вывести заключеніе, что если подняться на высоту 18,000 или 20,000 фут., то температура должна быть одинакова, какъ ночью, такъ и днемъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. —

Многіе замѣтили, что съ нѣкотораго времени холодъ на вершинахъ горъ увеличивается, и постепенно опускается внизъ. Они приняли за основаніе слѣдующее;

1) историческими доводами доказывается, что мѣста прежнихъ пастбищъ сдѣлались теперь безплодными;

2) историческіе доводы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что прежде росли лѣса на возвышенности, далеко теперь переходящей черту прозябенія деревьевъ;

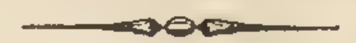
3) снѣговая полоса видимо опускается;

4) ледники во многихъ мѣстахъ Швейцаріи подались впередъ.

Это мнѣніе, принятое всѣми, заставило Швейцарское Общество Естествоиспытателей въ 1817 году предложить вопросъ на разрѣшеніе: *правда ли, что съ нѣкотораго времени на высокихъ горахъ примѣчается менѣе силы прозябенія и больше холоду.* Отвѣты, полученные отъ разныхъ лицъ, оказались неудовлетворительными; но мнѣніе, основанное на долговременномъ опытѣ и на неоспоримыхъ историческихъ доказательствахъ, осталось во всей силѣ, и по сіе время наводитъ тревожныя думы!!! . . . .

. . . .
. . . .
. . . .

Въ Швейцаріи сосредоточились чудеса земнаго строенія; здѣсь развивается непостижимо-дѣйствующая сила природы во всёмъ ея пространномъ объемѣ. Сила бурная, кипучая; но подчиненная неизмѣннымъ законамъ, вездѣ достигающая точки ей назначенной и нигдѣ не переходящая таинственной грани, скрытой отъ всякаго изслѣдованія, наблюденія! Здѣсь, на скалахъ, черезъ огонь *выкипѣвшихъ* изъ нѣдръ земли, и *слоёныхъ* ударами водяныхъ валовъ, природа мощною рукою писала событія, отмѣчала столѣтія — и въ этой записи, открывая испытующему уму человѣка быль *совершившагося*, предоставляетъ ему дѣлать заключеніе о томъ, что еще *совершиться должно!!!* —

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стран.

Рейнъ. — Боннъ. — Гохкрейцъ. — Годесбергъ; Юліанъ-Отступникъ. — Кёнигсъ-Винтеръ. — Драхенфельсъ. — Волькенбургъ. — Стромбергъ; встрѣча; Дидрихъ Шварценекъ. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роландсъ-экъ. — Нейвидъ; дворецъ; Моравское братство. — Кобленцъ. — Эренбрейтштейнъ. — Кёнигштуль. — Сен-Гоаръ. — Черная скала. — Семь прекрасныхъ сестеръ. — Фальцграфенштейнъ. — Бингенъ. — Рюдесгеймъ. — Бингерлохъ. — Маусъ-турмъ. — Асмансъ-гаузенъ. — Нидервальдъ. — Крейценахъ. — Маинцъ; судопроизводство; Гутенбергъ; астрономическія часы 38

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мангеймъ. — Гейдельбергъ; старый за́мокъ; бочка; Вольфсбруненъ. — Карлсру. — Раштадтъ. — Баденъ; древніе за́мки; горы:

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Ибургъ; Меркуріусъ-бергъ. — Страсбургъ; соборъ; установленіе вольнаго каменьщичества. — Фрейбургъ. — Адская долина. — Шварцвальдъ. — Шаффгаузенъ. — Водопадъ. — Констанцъ; Констанскій Соборъ. — Бодензее. — Линдау. — Брегенцъ 83

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Роршахъ. — Сен-Галленъ; Аббатство. — Гора Фрейденбергъ. — Ночлегъ у пастуховъ. — Гора Сентисъ. — Раперсвиль. — Цюрихское озеро. — Гора Альбисъ. — Гольдау. — Гора Риги; историческія воспоминанія. — 147

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Памятникъ Швейцарцамъ 10-го Августа. — Луцернъ; гора Пилатъ. — Озеро четырехъ кантоновъ. — Альторфъ. — Дорога до Сен-Готарда. — Чёртовъ мостъ; преданіе. — Урнеръ-лохъ. — Гора Сен-Готардъ. — Аироло. — Обратный путь. — Бернъ; медвѣди. — Фрейбургъ. — Вевэ. — Лозана. — 201

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дорога въ долину Шамуни. — Шамуни. — Открытіе долины. — Ледяное море. — Ледники Швейцаріи. — Монбланъ. — Всходъ на эту гору. — Переходъ черной головы. — Мартиньи 236

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дорога отъ Мартиньи до Сен-Бернарда. — Долина смерти. — Вершина горы; обитель; монахи; способы, употребляемые для спасенія погибающихъ. — Переходъ Наполеона черезъ Сен-Бернардъ. — Кладбище (La Morgue). — Разсказъ монаха 267

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Обратный путь къ Мартиньи. — Перешеекъ Бальма. — Видъ Монблана. — Кретины. — Водопадъ Писвашъ. — Дорога отъ Мартиньи до Сіона. — Сіонъ. — Тунъ. — Интерлакенъ. — Штауббахъ. — Іунгфрау. — Гринденвальдская долина. — Охотники. — Рейхенбахъ. — Гандекъ. — Возвращеніе въ Женеву. — Взглядъ на Швейцарію 298

ПОГРѢШНОСТИ:

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
71	2	балюстрадъ	балюстраду
89	22	балюстрадомъ	балюстрадою
250	15	имъ	они

2007113293